

П.АНТОКОЛЬСКИЙ

ПЕРЕВОДЫ

П. Антокольский

ПЕРЕВОДЫ

П.АНТОКОЛЬСКИЙ

ДВА ВЕКА
ПОЭЗИИ
ФРАНЦИИ

ПЕРЕВОДЫ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

И(Фр)
А72

Оформление художника
А. ЛЕПЯТСКОГО

А $\frac{70404-204}{028(01)-76}$ БЗ-91-26-75

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга прямое продолжение четырехтомного собрания моих сочинений. Продолжение в силу того, что работа над переводами французских поэтов давным-давно сопровождала мою собственную поэзию, была естественным продолжением таких вещей, как «Санкюлот», «Робеспьер и Горгона», «Франсуа Вийон», а также стихов о Париже.

В настоящее время книга эта как бы объединяет две другие книги — «Гражданская поэзия Франции» (Государственное издательство художественной литературы, М., 1955) и «Медная Лира» (Издательство «Художественная литература», М., 1970).

Основная разница между двумя названными книгами в том, что вторая из них являет собою не только гражданскую, политическую поэзию, но и личную лирику: Бодлера и многих других. В ней присутствуют и такие поэты, как Аполлинер и Кокто. Это означает и большую полноту, и больший временной охват.

Однако выбор мой не произволен. Он продиктован не только пристрастием, не только жанровыми призна-

ками. У каждого из поэтов, названных здесь, я искал отражения их времени, их связи с огромным человеческим сонмом, точно так же, как искал того же у Гюго и Рембо. Оттого, что История, муза Истории, божественная Клио навсегда остается единственной из девяти сестер, руководительницей на моем жизненном и рабочем пути. Муза Истории! Не знаю, красавица ли она, — знаю только одно: она не обманет, ведет куда надо.

О правилах, законах и задачах художественного перевода распространяться незачем. Он полностью соответствует тому, что я делаю в собственной поэтической работе. В данном случае он требует верности в передаче оригинала. Верность — это далеко не точность. Точна фотография. Верен портрет, сделанный художником. Фотография сиюсекундна. Портрет же — своего рода биография, то есть длительное время, существование во времени, если не в истории. Можно изложить сказанное и подробнее, но особой нужды в этом нет.

ДВА ВЕКА
ПОЭЗИИ ФРАНЦИИ

ПЕРЕВОДЫ

РУЖЕ ДЕ ЛИЛЬ

1760—1836

МАРСЕЛЬЕЗА

Вперед, сыны отчизны милой!
Мгновенье славы настает.
К нам тирания черной силой
С кровавым знаменем идет.
Вы слышите, уже в равнинах
Солдаты злобные ревут.
Они и к нам, и к нам придут,
Чтоб задушить детей невинных.

К оружию, граждане, вас батальон зовет
Вперед! (bis) Пускай земля кровию
гадов пьет.

Что означает сговор гнусный
Предателей и королей?
Где замышляется искусно
Позор для родины твоей?
Французы! Что за оскорбленье!
Ужели дрогнет ваш отпор?
Пусть рабства дикого позор
Младые смоят поколенья!

К оружию, граждане...

Как! Интервенции доступно
Хозяйничать в чужом краю?
Или наемники преступно
Над нами верх возьмут в бою?
Мы никогда не склоним выи

Под чужестранное ярмо.
Пускай предательство само
Ожесточит сердца живые.

К оружию, граждане...

Дрожи, тиран! И ты, предатель,
Переползавший рубежи,
Ты, подлых замыслов создатель,
Перед расплатою дрожи!
Любой из нас героем будет.
А если первые падут,
Французы смену им найдут,
Их голос родины разбудит.

К оружию, граждане...

Останемся великодушны
И справедливы до конца.
Там, где рабы рабам послушны,
Найдется всем плевков свинца.
Но весь ваш правый гнев — тиранам,
Кровавым тиграм наших дней,
Кто тело родины своей
Обрек неисчислимым ранам.

К оружию, граждане...

Вступая в грозное сраженье,
Отцовской памятью горды,
Мы их живое отраженье,
Их славы юные следы.
Сиротской доли нам не надо, —
Одна лишь нам знакома страсть:
Отмстить за них иль рядом пасть —
Вот наша высшая награда.

К оружию, граждане...

Вперед, плечом к плечу шагая!
Священна к родине любовь.
Вперед, свобода дорогая,
Одушевляй нас вновь и вновь.

Мы за тобой проходим следом,
Знамена славные неся.
Узнает нас Европа вся
По нашим завтрашним победам!

К оружию, граждане, вас батальон зовет
Вперед! (bis) Пускай земля кровищу
гадов пьет.

ПЬЕР-ЖАН БЕРАНЖЕ

1780—1857

БОГИНЯ

*Артистке,
изображавшей богиню Свободы на
революционном празднестве*

Красавица, ясно тебя узнаю:
Ты в шествии гордом прошла перед нами.
Народ окружал колесницу твою,
В руках твоих билось бессмертное знамя.
Во славу твою, в честь твоей красоты
Кричали мы здравицу в юные годы.
Ты юность моя! Это ты, это ты,
    Богиня Свободы!

Защитники наши теснились вокруг.
Ты шла по развалинам средневековья.
Сплетались цветы наших чистых подруг
С воинственным гимном, написанным кровью.
Я, бедный ребенок, до этого дня
Сиротство знававший одно да невзгоды,
Кричал тебе: «Матерью будь для меня,
    Богиня Свободы!»

Но грозное время поблекло для нас.
По юности я не судил о нем здраво:
Пред именем родины милой склоняюсь,
Страшился одной чужеземной оравы.
Мы вооружились и встали в строю,
Гордясь даже бедностью в час непогоды.
Верни же мне детство и юность мою,
    Богиня Свободы!

Вулкан, извергающий лаву, погас.
Народ двадцать лет уже дремлет, недвижим.
Пришел чужестранец и требует с нас:
«Плати чистоганом за то, что унижен!»
Прошло опьяненье, увяла весна,
Рассыпались храмов возвышенных своды.
И ты — отраженье забытого сна,
    Богиня Свободы!

Я вижу тебя, — но от прожитых лет
И зоркое зренье твое потускнело.
Я вижу тебя, — и на песню в ответ
Смутилась ты, кажется, и покраснела.
Смотри же, очнись! И алтарь, и цветы,
И слава, и прелесть весенней природы —
Все гибнет. Не будешь богиней ты,
    Богиня Свободы!

КРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Тьфу, болтун, не дури!
Я старуха, конечно, простая,
Во дворце Тюильри
Сорок лет уже пыль подметаю.
Видно, богу грешна, —
Просыпаюсь от сна,
Посмотрела, а в пламени свечек
Этот красный стоит человек.
Боже правый, молю,
Помоги королю!

А случилось не раз,
Только ночь подойдет, тут как тут он,
Рыж, горбат, косоглаз,
В плащ кровавый, как дьявол, закутан.
Нос загнулся крючком,
Пляшет, скачет бочком,
Хриплым голосом воеет, хохочет,
Во дворцах перемены пророчит...
Боже правый, молю,
Помоги королю!

В девяносто втором
Он впервые пришел и при этом
Из дворцовых хором
Приказал убираться Капетам,
Поднял красный колпак,
Об пол стукнул вот так,
Аж дыханье в груди моей сперло,
«Марсельезу» орет во все горло.
Боже правый, молю,
Помоги королю!

Подметала я,— глядь,
Он по желобу лезет, к примеру.
Чтоб меня испугать,
Напророчил конец Робеспьеру.
Весь напудрен, завит,
Принял набожный вид,
Сам смеется над саном духовным,
Существом заклинает Верховным.
Боже правый, молю,
Помоги королю.

Хоть террор отшумел,
Да церковные свечи не меркнут.
Он вернуться посмел,
Говорит, императора свергнут!
И султан казака
Вдел в дыру козырька,
И солдатскую песню лихую
Затянул под волынку глухую.
Боже правый, молю,
Помоги королю!

Так запомни и верь,
Что дождемся мы гостя ночного!
В ту же самую дверь
Третью ночь он является снова,
Продолжает игру,
Словно певчий в хору,
И к земле пригибается низко
В черной шляпе своей иезуитской...
Боже правый, молю,
Помоги королю!..

МОЯ МАСЛЕНИЦА В 1829 ГОДУ

Король! Пошли господь вам счастья,
Хотя, по милости судьи
И гнева вашего отчасти,
В цепях влачу я дни свои
И карнавальную неделю
Теряю в чертовой тюрьме.
Так обо мне вы порадели!
Король, заплатите вы мне!

Но в бесподобной речи тронной
Слегка меня задели вы.
Сей отповеди разъяренной
Не смею возражать, увы!
Столь одинок в парижском мире,
В день праздника несчастен столь,
Нуждаюсь я опять в сатире,—
Вы мне заплатите, король!

А где-то ряженым обжорам,
Забывшим друга в карнавал,
Осталось грянуть песни хором,
Те самые, что я певал.
Под вопли их веселых глоток
Я утопил бы злость в вине,
Я был бы пьян, как все, и кроток.
Король, заплатите вы мне!

Пусть Лиза-ветреница бредит,
Мое отсутствие кляня,
А все-таки на бал поедет
И лихом помянет меня.
Я б ублажал ее капризы,

Забыл бы, что мы оба — голь,
А нынче за измену Лизы
Вы мне заплатите, король!

Разобран весь колчан мой ветхий —
Так ваши кляузники мстят.
Но все ж одной стрелою меткой,
О Карл Десятый, я богат.
Пушкой не гнется, не сдается
Решетка частая в окне.
Лук наведен. Стрела взовьется!
Король, заплатите вы мне!

Тюрьма Ла-Форс

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Как ты мила мне, память, в заточенье!
Ребенком я услышал над собой:
— К оружию! На Бастилию! Отмщенье!
— В бой, буржуа! Ремесленники, в бой!—
Покрыла бледность щеки многих женщин.
Треск барабанов. Пушек воркотня.
Бессмертной славой навсегда увенчан
Рассвет того торжественного дня,—
Торжественного дня.

Богач и бедный карманьолу пляшет,
Все заодно, все об одном твердят,
И дружелюбно треуголкой машет
Примкнувший к делу парижан солдат.
Признание Лафайета всенародно.
Дрожит король и вся его родня.
Светает разум. Франция свободна.
Таков итог торжественного дня,—
Торжественного дня.

На следующий день учитель рано
Привел меня к развалинам тюрьмы:
— Смотри, дитя! Тут капище тирана.
Еще вчера тут задыхались мы.
Но столько рвов прорыто было к башням,
Что крепость, равновесья не храня,
Сдалась при первом натиске вчерашнем.
Вот в чем урок торжественного дня, —
Торжественного дня.

Мятежная Свобода оглашает
Европу звоном дедовской брони
И на триумф Равенство приглашает.

Сих двух сестер мы знаем искони.
О будущем грома оповестили —
То Мирабо, версальский двор дразня,
Витийствует: — Есть множество бастилий,
Не кончен труд торжественного дня, —
Торжественного дня.

Что мы посеяли, пожнут народы:
Вот короли, осанку потеряв,
Трясутся, слыша грозный шаг Свободы
И Декларацию Священных Прав.
Да! Ибо здесь — начало новой эры.
Как в первый день творенья, из огня
Бог создает кружащиеся сферы,
Чье солнце — свет торжественного дня, —
Торжественного дня.

Сей голос старческий не узнаю ли?
Его речей не стерся давний след.
Но вот четырнадцатого июля
Я сам в темнице — через сорок лет.
Свобода! Голос мой не будет изгнан!
Он и в цепях не отнят у меня!
Пою тебя! Да обретет отчизна
Зарю того торжественного дня, —
Торжественного дня.

Тюрьма Ла-Форс

ПРЕДСКАЗАНИЕ НОСТРАДАМА НА ДВУХТЫСЯЧНЫЙ ГОД

Давным-давно, при Генрихе Четвертом,
Жил Нострадам, великий звездочет.
Он предсказал, руководимый чертом,
Когда звезда монархов упадет:
В двухтысячном году изгнанник некий
Решеткам Лувра в горести своей
Так возопит: — Подайте грош калеке,
Последнему из ваших королей!

И узрят парижане, — он из Рима
Шел босиком, весь в струпьях и в парше.
И жалкие отрепья пилигрима
Одним мальчишкам будут по душе.
Тут подойдет сенатор: — Тише, дети!
Войди, бедняк, напрасно слез не лей!
— О сударь, как я одинок на свете:
Последний я из ваших королей.

— Но верно ли, что крови ты монаршей?
— Да! — И продолжит он свою мольбу: —
Спит в Ватикане мой прапрадед старший,
Ни скипетра, ни злата нет в гробу.
Он продал все, чтоб подкормить, сколь можно,
Своих писак и сделать их наглей.
И скипетром стал посох сей дорожный
Последнему из ваших королей.

— Ступай за мной, — сенатор добрый скажет, —
Вот наш дворец, будь счастлив между нас.
Поступков наших ненависть не свяжет, —
Благодари свободу преклонясь!
Сенат решит, как дальше мы поступим.

Мы все тираноборцы, но милей,
Что мы своей чувствительностью купим
Последнего из наших королей.

Здесь добавленье в духе старых басен:
Республика решает старцу дать
Сто луидоров ренты. Он согласен.
И вот на всех почила благодать.
А Франция, горда своим примером,
Сияет в славе безмятежных дней.
И граждане Сен-Клу избрали мэром
Последнего из наших королей.

ИЮЛЬСКИЕ МОГИЛЫ

Цветов из детских рук, цветов охапки,
Цепь факелов, сень пальмовых ветвей
На этот прах! Друзья, снимите шапки!
Дороже он, чем мощи королей.

Король мечтал, что отомстит в июле
За шаткий трон, за лилии герба.
Тогда трехцветное мы развернули —
Мы, дети якобинцев, голытьба.

Кричали нам. Мы глохли от обиды,
От злобной брани, непонятно чьей.
А вы чуть не воздвигли пирамиды, —
Вы, правнуки бесчисленных мощей!

А! Хартию швырнув нам, Христа ради,
Пытались вы согнуть нас под ярмо,
И вот свалился обойденный сзади
Еще один помазанник-дерьмо.

Есть некий клич, внушенный нам от бога.
«Равенство» — это всех сердец пароль.
Но в дальний край ведущую дорогу
Нам заградил рогатками король.

Марш-марш вперед, вперед! Все будет нашим.
Нам — набережные, Лувр, Отель де Виль.
Войдем мы к вам, подразним вас, попляшем
Там, где сияла в позолотах гниль.

Народ — хозяин. Есть у нищих право,
Что взято в голодовках и в крови:
Ничтожных принцев разогнать ораву
И диктовать решения свои.

Цветов из детских рук, цветов охапки,
Цепь факелов, сень пальмовых ветвей
На этот прах! Друзья, снимите шапки!
Дороже он, чем мощи королей.

Рабочих и солдат, сынов Луары,
Теснившихся у пушки школяров,—
Вот их тела! Вот королевской кары
Немые жертвы — безымянный ров.

Им Франция, конечно, храм воздвигнет,
В священном трепете склоняясь ниц.
Любой король, узнав о них, поникнет,
Поймет тщету рогаток и границ.

И перед нашим знаменем трехцветным,
Затрепетав, вздохнет он тяжело.
И ляжет неким сумраком предсмертным
Тень знамени на бледное чело.

Но сонных царств не нарушая мира,
К Святой Елене знамя воспарит,
Где мощь Наполеонова кумира
Над бурей века все еще царит.

На миг от спячки гробовой разбужен,
«Я ждал тебя, — промолвит скорбно он, —
Привет! А этот меч уже не нужен!»—
И в бездну бросит меч Наполеон.

Суров и чист его посмертный голос.
Отвергнув все, чем раньше он владел,
То вдохновенье, что за власть боролось,
Одну лишь вольность выбрало в удел.

Цветов из детских рук, цветов охапки,
Цепь факелов, сень пальмовых ветвей
На этот прах! Друзья, снимите шапки!
Дороже он, чем мощи королей!

А титулованная чернь небрежно
Воротит от смиренных жертв носы.
Она клеймит их сволочью мятежной,—
Их, полных благородства и красы!

Когда во сне вы с ангелами, дети,
Лепечете нежнейшие слова,
Подслушайте из будущих столетий
Незнаемые нами торжества!

О, лишь бы знать, что подвиги не сгинут!
Где мы блуждали, будет прям ваш путь.
Удар, которым наш порыв низринут,
Не даст надолго городам уснуть.

Из этих стен вновь над Европой всею,
Земных народов опьянив умы.
Галопом конницы свободу сея,
Восторженные, пронесемса мы!

Равенство во вселенной загорится,
Законов дряхлых рухнет частокол,
Вот новый мир, где Франция — царица,
Чей вечный Лувр — Париж мансард и школ.

И это плод работы их трехдневной —
Тех, кто в земле, кто проложил вам путь.
Богаты парижане кровью гневной,
На баррикадах бьются грудью в грудь.

Цветов из детских рук, цветов охапки,
Цепь факелов, сень пальмовых ветвей
На этот прах! Друзья, снимите шапки!
Дороже он, чем мощи королей!

ВИКТОР ГЮГО

1802—1885

ИСТОРИЯ

Ferrea vox.
Vergilius

Железный голос.
Вергилий

I

В судьбе племен людских, в их непрестанной смене
Есть рифы тайные, как в бездне темных вод.
Тот безнадежно слеп, кто в беге поколений
Лишь бури разглядел да волн круговорот.

Над бурями царит могучее дыханье,
Во мраке грозовом небесный луч горит.
И в кликах праздничных, и в смертном содроганье
Таинственная речь не тщетно говорит.

И разные века, что братья-исполины,
Различны участью, но в замыслах близки,
По разному пути идут к мете единой,
И пламенем одним горят их маяки.

II

О муза! Нет времен, нет в будущем предела,
Куда б она очей своих ни подняла.
И столько дней прошло, столетий пролетело,—
Лишь зыбь мгновенная по вечности прошла.

Так знайте, палачи, — вы, жертвы, знайте твердо,
Повсюду пронесет она бессмертный свет —
В глубины мрачных бездн, к снегам вершины гордой —
Воздвигнет храм в краю, где и гробницы нет.

И пальмы отдает героям в униженье,
И нарушает строй победных колесниц,
И грезит, и в ее младом воображенье
Горят империи, поверженные ниц.

К развалинам дворцов, к разрушенным соборам,
Чтоб услышать ее, сберутся времена.
И словно пленника, покрытого позором,
Влечет прошедшее к грядущему она.

Так, собирая след крушений в океане,
Следит во всех морях упорного пловца
И видит все зараз на дальнем расстоянии —
Могилу первую и колыбель конца.

(«Оды и баллады», 1828)

ТУРНИР КОРОЛЯ ИОАННА

Поломано было более шестисот копий; бились и пешие и конные на мечах и на копьях; и везде и всюду и нападающие и защищающиеся не совершили ни одного поступка, который не соответствовал бы высокой славе, уже заслуженной ими; вот почему означенный турнир вдвойне знаменит. В конце состязания был смертельно ранен главный судия графства, свояк мессира Шандиу, дворянин де Фонтен, а также убит ударом копья рыцарь Сент-Омен.

Старинная хроника

Едва зардело
Сиянье дня, —
Конюх, за дело,
Седлай коня!
Прочь, домочадцы!
Мне любо мчаться,
В седле качаться,
Броней звеня.

Ну, так лети же,
Лихой буян!
Скакун мой рыжий,
Ты ветром пьян.
Нас дразнит эхо.
Нам надо к спеху, —
Звал на потеху
Король Иоанн.

Монашек прыткий
С фляжкой чернил
Пред кармелиткой

Главу склонил.
Он мух не давит,
Вопит, гнусавит,
Господа славит,
Тих и уныл.

Кто удостоен
Дворянских прав,
По страсти воин,
По крови граф,
Тот во вселенной
Самозабвенно
Игрой военной
Свой тешит нрав.

Мне тошно, право,
В душе черно,
Что меч мой ржавый
В ножнах давно
Весь иступился,
Под стол скатился
И превратился
В веретено.

Там, в зубьях башен
На гребнях крыш,
Светло украшен,
Под солнцем рыж,
За куполами,
Колоколами,
Горит, как пламя, —
Вот он, Париж!

Толпа все гуще,
Шумней, тесней.
О всемогущий,
Что делать с ней!
Навстречу прет нам
Потоком плотным,
По подворотням
Сколько людей!

О мать божья!
О торжество!
Я у подножья

Встал твоего;
Не знаю ближних,
Не клирик-книжник, —
Я ворон-хищник —
Только всего.

Девицы пляшут.
Подростки им
Платками машут.
Любой любим.
О, сколько песен,
Как город тесен,
Как полон весь он
Светом дневным!

Гуляка рыщет,
На все готов,
Поет и свищет
У всех мостов,
Врет, озорует,
Орет, ворует
И не горюет
Во дни постов.

А Лувр, что заперт
Был на замок,
Открыт, как паперть,
В такой денек.
Трон сторожащий,
Улей жужжащий,
Толпой кишащей
Полон чертог.

И в честь красоток,
В честь короля
Тысячью глоток
Орет земля.
А флаги вьются,
А толпы льются,
В ограду бьются,
Пустить моля.

Так, не замедлив,
Начнем как раз!
Город приветлив,

Он любит нас.
Там в ложах смежных
Немало нежных,
Живых, прилежных
Девичьих глаз.

Хромой — натужась,
Горбун — кичась,
Внушают ужас.
Но будет час,
Их меч настигнет,—
Тот в пекло прыгнет,
Этот поникнет,
В пыли влачась.

Девственник строгий,
Жаждой палим,
Перед дорогой
В Ерусалим,
Лотарь безродный,
Полуголодный,
Видать, угодный
Чертям одним.

Каноник мудрый
Важность хранит,
За чернокудрой
Чуть семенит.
О ней пытливо,
О ней игриво,
О ней ревниво
Молва звенит.

Вот солнце наше —
Глянь на помост —
Изольда краше
Небесных звезд.
Старухи тоже
Вверх пялят рожи.
Держаться строже
Велит им пост.

А вокруг арены
Легко найдем
Берту, Ирену
С нежным лицом,
Найдем налево
И Женевьеву,
И королеву,
Всю в золотом.

Вот Женевьева
Молвит, склонясь:
«Что, королева,
Печалит вас?»
А та смутилась,
Отворотилась,
Слеза скатилась
Из ясных глаз.

Сигнал к турниру!
Скрещенье пик!
Взывает к пиру
Всеобщий крик.
Сшиблись четверки.
Толпа в восторге.
Будь свят, Георгий!
Король — велик.

Железный скрежет
Лат и мечей
Нам душу нежит.
Все горячей
Молнии блещут,
Сердца трепещут,
Взвиваясь, плещут
Волны плащей.

Разгар погони!
Страстей разгул!
Несутся кони.
Огонь блеснул.
И в нетерпенье,

В крови и в пене —
Ангелов пенье,
Дьяволов гул!

Скакун мой добрый,
Потешь меня,
Ударим в ребра
Того коня,
Сразим гнедого,
Получишь вдоволь
Овса любого
И ячменя!

Столь жирной пищи,
Столь щедрых льгот
Обжора нищий
За целый год
Съесть не изволит,
Как он ни молит, —
Глаза мне колет
Его приход!

Паж погибает
Во цвете лет, —
Так увядает
Лилейный цвет, —
Ловит мгновенье,
Молит в забвенье
Благословенья, —
В нем жизни нет.

Фанфара грянет,
Глуха, строга.
Отрок не встанет —
Скорбь не долга.
Но пожалейте,
Слезу пролейте, —
Унылой флейте
Вторят рога.

Пускай черницы
Прах стерегут,
Свеч вереницы
Над ним зажгут,

В нише глубокой
У одинокой,
У черноокой
Слезы бегут.

Плачь, Изабелла,
Встань, не дыша,—
В рай улетела
Его душа.
О, грусть подруги,
Ломавшей руки...
Но битва, други,
Все ж хороша!

Пора обратно!
Скакун, лети,
По крови брат мой,
Нам по пути.
Товарищ ратный,
Лети обратно,
Чтоб в замке знатный
Овес найти!

А мне навстречу
Монах придет.
Он с длинной речью,
Лишь знака ждет.
Он чтит святыню
И благостыню,
Но он латынью
Нас изведет.

Деянья наши
Он славить рад,
Хоть слог монаший
Витиеват.
Писать он может
И все изложит,
И честь умножит
Мою стократ.

Нам, знатым людям,
Это к лицу.
Мы верить будем

Смерду-писцу.
Мы держим шпагу,
Мы чтим отвагу,
А не бумагу, —
Хвала творцу!

(«Оды и баллады», 1828)

КАНАРИСУ

Как легко мы забыли, Канарис, тебя!
Мчится время, про новую славу трубя...
Так актер заставляет рыдать иль смеяться,
Словно бог вдохновляет простого паяца,
Так, явившись в революционные дни,
Люди подвигом дышат, — гиганты они,
Но, швыряя светильник свой, яркий иль чадный,
Все уходят во тьму чередой беспощадной.
Имена их померкнут в мельканье сует.
И пока не является сильный поэт,
Создающий вселенную словом единым,
Чтоб вернуть ореол этим славным сединам, —
Их не помнит никто, а толпа, что вчера,
Повстречав их на площади, выла «ура»,
Если кто-нибудь те имена произносит,
«Ты о ком говоришь?» — удивленная, спросит.

Мы забыли тебя. Твоя слава прошла.
Есть у нас пошумней и крупнее дела,
Но ни песен, ни дружбы былой, ни почтенья
Для твоей затерявшейся в памяти тени.
По складам буржуа твое имя прочтет.
Твой Мемнон онемел. Солнце не рассветет.
Мы недавно кричали: «О слава! О греки!
О Афины!» — Мы лили чернильные реки
В честь героя Канариса, в честь божества.
Опускается занавес, — ладно! Едва
Отпылало для нас твое славное дело,
Имя стерлось, другое умом завладело.

Нет ни греков-героев, ни лавров для них.
Мы нашли на востоке героев иных.
Не послужит тебе ежедневно хвалами

Стоязких газет бестолковое пламя,
Ведь циклопу печати который уж раз
Одиссей выжигает единственный глаз.
Просыпалась печать, что ни утро, бывало,
И крушила все то, что вчера создавала,
Вновь державной десницей ковала успех,
Справедливому делу — железный доспех.
Мы забыли!

Но это тебя не коснулось.
Снова даль пред тобою, моряк, развернулась.
У тебя есть корабль и ночная звезда,
Есть и ветер, попутный и добрый всегда,
Есть надежда на случай и на приключенье
Да к далеким путям молодое влечение,
К вечной смене причалов, событий и мест,
Есть веселый отъезд и веселый приезд,
Чувство гордой свободы и жизни тревожной.
Так на парусном бриге с оснасткой надежной
Ты узнаешь излучины синих дорог.

И пускай же в какой-то негаданный срок
Океан, разгрызающий скалы и стены,
Убаюкает бриг белой кипенью пены,
И пускай ураган, накликающий тьму,
Взмахом молнийных крыльев ударит в корму!

У тебя остаются и небо и море,
Молодые орлы, что парят на просторе,
Беззакатное солнце на весь круглый год,
Беспредельные дали, родной небосвод.
Остается язык, несказанно певучий,
Ныне влившийся в хор итальянских созвучий, —
Адриатики вечной живой водоем,
Где Гомер или Данте поют о своем.

Остается сокровище также иное,
Боевой ятаган, да ружье нарезное,
Да штаны из холста, да еще тебе дан
Красный бархатный, золотом шитый кафтан.

Мчится бриг, рассекает он пенную влагу,
Гордый близостью к славному архипелагу.
Остается тебе, удивительный грек,
Разгадать за туманами мраморный брег
Иль тропинку, что жметя к прибрежным откосам,
Да крестьянку, лениво бредущую с возом,
Погоня прутом своих кротких быков,
Словно вышла она из далеких веков,
Дочь Гомера, дитя великанов, богиня,
Что изваяна на барельефах в Эгине.

(«Песни сумерек», 1835)

NOX¹

1

Вот срок, намеченный твоей мечтою скрытной.
Проснись! Час пробил, принц! Мороз. Ни зги не видно.
Почуяв, что во тьме предатели близки,
Свобода, верный дог, оскалила клыки.
Хотя и на цепи, но лает пес и рвется.
Ждать больше незачем — вдруг умысел сорвется.
Смотри, какой туман промозглый в декабре!
Как хищный феодал, проснись в своей норе
И сокруши врага негладным налетом.
В казармах ждут полки, чтоб стать твоим оплотом.
Солдат уже вином и злобой покорен,
И нужен только вор, могущий влезть на трон.
Республика храпит спокойно. Тут удастся
К добыче, пряча нож, в полночный час прокрасться.
Зажги же свой фонарь, усмешку затая,
Сейчас нарушится присяга, вор, твоя.

Вскачь, кавалерия! Пехота, стройся! Грянем
Свирепую ордой по выборным собраниям.
Весь генеральный штаб уже сидит в тюрьме.
Гони прикладами! Не бойся в кутерьме,
Что наглость связана с каким-то слабым риском.

Стань, рыцарь Франции, бандитом калабрийским!
Смотрите, буржуа, презренные скоты,
Какие демонские силы подняты,
Как наш переворот сметает все и рушит.
Трибуны борются за право? Их задушат!
В бой, кондотьеры! В бой, наемники! Круши
И саблями плашмя по головам глуши!

---

¹ Ночь (лат.).

Зачем на улицах толпятся эти люди?
Открыть по сволочи огонь из всех орудий!
Проголосуешь ты, наш властелин-народ!
Отменим право, честь! Долой закон! Вперед!
Чтоб на бульварах кровь потоками хлестала,
Чтобы для мертвецов носилок не хватало!
Кто хочет водки, пей! Погода так мерзка, —
Необходимо пить. Убейте старика,
Ребенка малого! А это кто такая?
Мать? Расстрелять ее! Рассейся, городская
Толпа! Марай в крови лохмотья и дрожи!
Париж, когда-то там рождавший мятежи,
Еще почувствует, какое отвращенье
Питаем мы к нему, насилье — к просвещенью!
Чтил чужестранец вас? Мы сделаем умней:
Привяжем ваш Париж к хвостам своих коней.
Пусть издыхает, смят, разбит и искалечен!
Плюй, артиллерия, ему в лицо картечью!

2

Страх и молчание господствуют. Конец.
Будь славен, цезарь-вор и император-лжец!
Сверкает фейерверк на мертвых баррикадах.
Ворота Сен-Дени разбиты. В их аркадах
Полночные костры трепещут на ветру.
Почийте, павшие! Пусть, выиграв игру,
В карманы денежки, а в ножны сабли прячут;
Пусть банки о своих пустых подвалах плачут.
Всем, кто не брезговал под кровом темноты
Убийством и резней, присуждены кресты.
Здесь победители танцуют и гогочут,
И мертвые тела по мостовой волочат.
Пьян и свиреп солдат. Грузны его шаги.
Той самой пятерней, что вышибла мозги,
Он шарит по стене. Ему кабак обещан.
Уводят на расстрел мужчин, детей и женщин.
Поют, хохочут, пьют, бесчинствуют чуть свет.
Гарцует в золоте весь генералитет.
Пусть смотрят мертвые, кто пал на землю навзничь,
На цезарский триумф, на этот наглый праздник!
К дворцовым оргиям валом валит народ.
Кровь хлещет в три ручья в домах и у ворот.

И, лужи страшные с опаской огибая,
Приподнял мантию судья. И всеблагая
Докажет церковь нам усердие свое,
Кровищи нацедив в чернильницу Вейо.

Мерзавец наплевал на ваш надзор. Он весел.
Прогнал он в шею вас с курульных ваших кресел.
Но вы ободрились, чиновники, сейчас —
Уверены вполне, что победитель вас
К особой честности, конечно, не принудит;
Что верной челяди Мандрен не позабудет;
Что он с лихвой за все заплатит; что бюджет
В его руках и вам отныне риска нет;
Что, задушив закон, швырнет он напоследок
Вам трапезы своей разбойничьей объедок.
Сбегайтесь же к нему и славьте торжество,
Простите наглую пощечину его!
И если матерей, и старцев, и детишек
Он убивал и в кровь замаран до лодыжек,
Простритесь, ползайте пред королем воров,
Слизав с подошв его запекшуюся кровь.

3

Племянник говорит: «Сверхчеловек могучий,
Вождь армии земной, —
С ним Слава пронеслась сквозь вихревые тучи,
Трубя: «За мной! За мной!»

Пятнадцать грозных лет шагал он по вселенной
С заката на восток.
Лобзали короли его сапог надменный,
И деспот был жесток.

Пускай его мечта повсюду тень простерла:
Мадрид, Берлин, Москва, —
Я Франции самой вонзаю когти в горло,
И вот — она мертва.

Недавно Франция так гордо, так сурово
К священной цели шла.
А я скручу ее веревкою пеньковой,
Раздену догола.

Я с дядей поделил историю на главы.
Задача решена
Не им, а только мной! Ему — фанфары славы,
Мне — толстая мошна.

Мне служит имя, чьей блистательной зарницей
Я с колыбели пьян.
Я — карлик, он — гигант. Пускай ему страница —
Мне форзац и сафьян.

Вцепиться только бы! Стать сразу господином!
Нам вместе суждено
Всплыть на поверхности движением единым
Или пойти на дно.

Я — филин, он — орел. И вот он в когти схвачен.
Я — низок, он — высок.
Я годовщины жду. И выбор мой удачен:
Свершится! Дайте срок!

Закрыв лицо плащом, я поднимаюсь прямо
Или крадусь, как тень.
Всем ясно, кажется, как много будет срама
В тот светозарный день.

И вот клыки уже тихонько заскрипели
В предчувствии врага.
Спи крепче, Франция, на лавровой постели!
Ты так мне дорога!»

И вот, вивясь ужом, чтоб со стеною слиться,
Он пробрался во двор,
И тусклый свой фонарь от солнца Аустерлица
Зажег полночный вор.

4

Ты вовремя пришел. Забыли о привычке
В пух разорять князей танцорки и певички.
Революционный пыл — лишь скуку вызвал он
Сегодняшних Памел, вчерашних Жаннетон.
Недавний Дон-Жуан проснулся Гарпагоном,
Чей тощий кошелек не отличался звоном.
Дома игорные пустыли. Спор газет

С исповедальнями свел клириков на нет;
От срочных векселей, посыпавшихся градом,
Былая набожность глядела тусклым взглядом.
Дрожал и жмуриться не поспевал Маньян,
И в церкви слышал смех смущенный Равиньян,
И кровных рысаков распродавали шлюхи,
Пришлось красавицам средь этакой разрухи
Знаваться с клячею унылой и хромой,
Труситься за тридцать су в полночный час домой.
Ползло отчаянье по стогнам Вавилона...
Но ты пришел, кулак! Ты поднялся, колонна!
Все здравствует, живет. Порядок мира тверд.
У фигурантки есть рачительный милорд.
Все счастливы: гусар, святоша, и мошенник.
Запели девочки, — им подтянул священник.

Возвеселимся же! Поздравим всех и вся!
Сойдутся старички, лист подписной неся,
Под пудрой и в жабо, к Мандрену на крылечко,
Фальстаф заварит пунш, Тартюф затеплит свечку.
А барабаны бьют. А во дворце сумбур.
Торопятся Парье, Монталамбер, Сибур.
Тролон — их лейб-лакей. Руэр — их обер-шлюха.
По части совести тут беспросветно глухо.
Слуга причастия и наглый банкомет —
Все приосанились. Любой открыто жмет.
Всех каторг и галер достойное собранье!
Но, в глубине души себя считая дрянью,
Стремятся к одному — лишь бы в сенат пролезть.
Верзилу цезаря опутала их лесь.
И цезарь в центре сел. Хвост веером распушен.
«Ну что же, господа? Мы станем всемогущи,
Христовым именем, как иезуит, клянясь!
Пусть это дурачье поверит слепо в нас, —
Наш вензель золотой везде восторжествует».
Пусть барабаны бьют, горнисты в трубы дуют!
Гнусавьте: *salvum fac*¹, священники! У врат
Убежищ господа, любимого стократ,
Хоругви в вышину! Победа! Громче трубы!
Теперь, сударыни, прошу взглянуть на трупы!

---

¹ Спаси (лат.).

Где? Всюду. Вон дворы, задворки, рвы, мосты,
 Канавы, где Мопá прополоскал бинты;
 По братским кладбищам, по ямам безобразным,
 По улицам кривым, по тротуарам грязным
 Вповалку брошены... Гремят по мостовой
 Фургоны черные. И мерзостный конвой
 Сопровождает их от Марсового поля.
 И шепчется Париж о непосильной боли.
 Стань заново, Монмартр, страдальческой горой,
 Для новых мучеников сень свою открой —
 Для всех расстрелянных, зарубленных, убитых,
 Зарытых заживо и вовсе не зарытых!
 Подлец их выставил открыто напоказ,—
 Не испугался он стеклянных этих глаз,
 Полуоткрытых ртов, кровоподтеков черных
 Под небом грозовым, на пустырях просторных.
 Смотри же! Вот они, до ужаса кротки.
 Их искромсал свинец, вспороли их штыки,
 Под ветром, под дождем их сучья исхлестали.
 Лежат рабочие предместий, что восстали.
 В обнимку с богачом бедняк лежит, гляди!
 Младенца мертвого прижала мать к груди.
 Красотка мирно спит с лиловыми губами.
 Седые, русые — все свалены рядами,
 Бок о бок, как пришлось, в посмертной тесноте, —
 Задумчивы одни, и безмятежны те.
 Но уравнило тех и этих злодеянье;
 И звезды льют на них безгрешное сиянье;
 И молча ищет здесь при наступленьи дня
 Невозвратившихся несчастная родня,
 И весь народ глядит на этот поиск тщетный...
 А ночь декабрьская долга и беспросветна, —
 Она расстелит им туманный саван свой.
 И вечер, вечный страж теснины гробовой,
 Торопится уйти, затрепетав от страха
 При виде бедного, оплеванного праха.
 Но если мертвецов оплакали в домах,
 Здесь ветер северный им бьет в лицо впотьмах
 Да стужа гонит их в далекую дорогу...
 Так что же, мертвые, расскажете вы богу?

Когда ты поглядишь на груды этих тел,
На мертвецов, чей взор до звезд не долетел,
Тебе покажется, что в странствии безмерном
Им радость предстоит, что на суде посмертном
Все убиенные проснутся в должный срок,
И дрогнет Бонапарт, переступив порог,
Предстанет господу с душой своей двуликой,
И каждая из жертв пройдет пред ним уликой.

Монмартр, глухой загон! Ты сумрачен и тих.
Бегут прохожие от страшных стен твоих.

6

Чрез месяц этот шут вошел в собор при звоне
Больших колоколов и в волнах благовоний.

Не опуская глаз, мадонне он предстал.
Епископ митрою торжественной блистал,
Как в белом саване, в безгрешном облаченье
В алтарной глубине с улыбкой всепрощенья,
Распятый грешную толпу благословил.
И негодяй Христу позор свой предъявил.
Как волк, которому кровавый ужин сладок,
Он, закрутив усы, сказал: «Я спас порядок.
Я сонмам ангельским как равный предстаю.
Я спас религию, династию, семью».
И в дьявольских очах, не чувствующих срама,
Блеснула влага слез... А вы, колонны храма,
Ты, круча Патмоса, где плакал Иоанн,
Ты, пламеневший Рим, когда Нерон был пьян,
Ты, ветер, дувший вслед Тиберию-тирану
На Капри, ты, заря, проснувшаяся рано,
Ты, северных ночей немая чернота!
Признайтесь, что палач не превзошел шута!

7

Ты, море, бьющее о скалы,
Где я сложил крыло, усталый,
Где побежден, но не разбит, —

Что в неумолчном нетерпенье,
В блестящих брызгах, в мрачной пене
Мне вечный голос твой трубит?

Ты здесь бессильно. Бейся тщетно,
За валом вал гони несметный,
Позволь мне грезить и страдать.
Увы! Все волны в океанах
Не смоят пятен окаянных,
Не смогут мертвых обрывать!

Я знаю: чтоб меня рассеять,
Чтобы печаль мою развеять,
Ты говоришь: «Смирись, поэт!»
Но ты сама бушуешь гневно.
Что значит этот гул вседневный?
Презренье в нем, но грязи нет.

Ты в мощь свою безумно веришь.
Ты обожанье наше меришь
Огромной мерой волн крутых.
Ты в мирный день полно лазури.
Ты брызгами священной бури
Смываешь сотни звезд золотых.

Меня ты учишь созерцанью,
Показываешь волн мерцанье,
И мысов блеск, и мачт стволы,
И гребни волн, что, нарастая,
Белы, как белых чаек стая
На выступе крутой скалы,

И за рыбачкой босоногой -
В лазури парус одинокий,
И труженика-моряка,
И пену в яром наступленьи,
И все твое благоволеньи,
И весь твой гнев издалека.

Ты говоришь: «Усни, изгнанник;
Кинь в волны посох, бедный странник;
Залей огонь, смири свой стон;

Отдай мне душу без возврата!
Я убаюкало Сократа,
Со мною кроток стал Катон».

Нет! Уважай чужую горечь!
Ты дум моих не переборешь,
Не устранишь свершенных зол.
Мое отчаянье мне ближе.
Дай волю мне. Я ненавижу
Твой праздный, дикий произвол.

Ведь это ты, на горе людям,
Вступило в заговор с бессудьем
И, как презренная раба,
Несешь в Кайенну, на понтоны,
Людские семьи, сонмы, стоны,
Судов плавучие гроба!

Ведь это ты несчастных гонишь,
И в черной пропасти хоронишь
Всех наших мучеников ты!
Там в смрадных трюмах нет соломы.
Там только пушки мечут громы,
Распялив бронзовые рты.

И если эти люди плачут
И скорбь свою в лохмотья прячут,
Ты тоже тайный их палач.
Ты стало скаредным и жадным,
Ты шумом слитным и нескладным
Глушишь навеки этот плач!

8

О всем, что видела, история расскажет —
И тотчас на ее ланиты краска ляжет.

Когда очнется вновь великий наш народ,
Чтоб искупительный свершить переворот,
Не покидай ножон, кровавый меч возмездья!
Не подобает нам одушевляться мезтью,
Чтобы предателя прогнать в пределы тьмы.
К урокам прошлого прислушаемся мы.

Воспоминанья в нас тревогу порождают:
Жандармы с саблями, глумясь, сопровождают
Тележку черную под барабанный бой.
Толпа кричит: «Казни!» На улице любой,
На крышах, на мостах — людских голов плотина.
На Гревской площади сверкает гильотина,
Ударил нам в глаза ее косою резак.
Виденье мрачное стоит у нас в глазах!

Мы утверждали мир. Мы шли неколебимо.
У каждого был труд почетный и любимый.
Поэт о людях пел. Трибун их звал вперед.
И эшафот, и трон, и цепи в свой черед —
Все разрушалось в прах. Исчезли злость и горе.
Мы твердо верили, что с пламенем во взоре
Все человечество за Францией следит.
И вот явились те. Явился тот: бандит,
Он, воплощенное бесчестие. И сразу
Распространил пожар, мучительство, заразу
Наживы рыночной, и подкуп, и обман,
Швырнул в грядущее горсть мерзостных семян.

И милосердие, исполнено боязни,
Дрожит от этих слов ужасных: «Мщенье! Казни!»

Щетинится мое разбитое крыло;
Меня в грядущее раздумье увело.
Изгнанник, весь в крови от придорожных терний,
Закрыв я лоб рукой, бездомный, в час вечерний.
Встань, ясноокая, в день славного труда,
Встань, Революция! Но только никогда
В ответ на пылкое твое негодование
Ты Человечности не отвергай воззванья!
Когда, перед тобой поверженная ниц,
Вновь попытается она прикрыть убийц,
Будь к ней почтительна, забудь веленье гнева,
Призыву матери внимли покорно, дева!

Ты, юный богатырь, ты, сеятель и жнец,
Ты, богом посланный глашатай и гонец,
Скосивший в краткий срок невзгоды вековые,
Бесстрашный, праведный, явившийся впервые,
Как некий великан, достойный римских дней,

С Европой дравшийся, сломавший троны в ней
И королей в бою швырявший друг о друга,
Ты, будущих веков предтеча и порука,
Свободы верный страж, воздвигнувший Террор,
Необходимости карающий топор,
Ты, горн, пылающий для будущих столетий,
Таким и будь вовек, год Девяносто Третий!
А в будущем ничто сравнить с тобой нельзя.

Ты шел в истории, пылая и разя;
Но, сам родившийся из недр того режима,
Где все от ужаса лежало недвижимо,
Воспитанный в тисках, сам не волён в себе,
Дитя монархии, ты в яростной борьбе
Лил кровь, как и она. Ее столетний ужас,
В твоём палачестве невольнo обнаружась,
Казнил Людовика и уничтожил трон,
Но над тобой самим царем остался он.

Благодаря тебе мы, первенцы свободы,
Иное поняли за прожитые годы.
Мы верим: мирный труд во Франции царит,
В ней пламенник любви немеркнувший горит.
Лишь братство чистое, лишь слово христианства
Начертаны в сердцах, что знают постоянство:
«Любите ближнего». Мы братья! Наша мысль
Недаром ринулась в такую даль и высь —
Она ведет вперед, она благословляет
И кротость высшую и в гневе проявляет.

Лишь в этом явственен ее открытый лик.
Быть победителем — нетрудно. Будь велик!
Схватив предателя с лицом белее мела,
Мы правый приговор ему подпишем смело:
Презренье, но не казнь! Забудь, народ, скорей,
Навеки упраздни забавы королей;
Не надо виселиц, кровавых плах и пыток.
Грядущим племенам предвозвещен избыток
Согласья, радости, немеркнувшей любви,
Простершей каждому объятия свои.
Для каждого, кто жив, прощение возможно.
Иль ради личности столь малой и ничтожной
Потухнет на земле великая заря?

Иль не было Христа, или Вольтер был зря?
Иль после всех трудов и всех усилий века
Нам не священна жизнь любого человека?
Или достаточно мгновенных пустяков,
Чтобы свести на нет деянья всех веков?
Суд должен быть суров, но суд не жаждет крови.
Пускай не судят нас за казнь еще суровой;
Пускай не говорят, что ради твари той
Косоугольный нож, рожденный темнотою,
Разбитый в феврале сорок восьмого года,
Из грязи палачом воздвигнут в честь народа,
Что опустился он меж красных двух столбов
Под небом, полным звезд, дарящим нам любовь!

9

Ты Ювенала жгла своей свирепой лавой,
Недвижный Данта взор ты осеняла славой,
О муза Ненависть! Явись ко мне сейчас!
Встань над империей, которая, кичась,
Победу празднует! Явись! И я успею
Вбить ей позорный столб, слагая эпопею.

(«Возмездие», 1853)

---

* * *

Простерта Франция немая.
Тиран ступил на горло ей.
Но, вольный голос понимая,
Она трепещет тем сильней.

Изгнанник в темный час отлива
Под пляску звезд и плеск волны
Заговорил неторопливо,
И все слова его ясны.

Они полны угроз растущих,
Сверкают утренним лучом,
Как руки, вытянуты в тучах
И боевым разят мечом.

И затрепещет мрамор белый,
И горы ужас сокрушит,
И лес листвою оробелой
В ночную пору зашуршит.

Пусть, медью звонкой громыхая,
Вспугнут стервятников слова,
Пусть зашумит в ответ сухая
На диких кладбищах трава.

И те слова: позор насилью!
Измене мерзостной позор!
Они недаром возгласили
Для стольких душ военный сбор.

Они, как вихри грозовые,
Над человечеством парят.
И если крепко спят живые,
Пусть мертвые заговорят!

(«Возмездие», 1853)

ТУЛОН

1

В те времена попал приморский этот город
Под иго англичан, властителей морских,
Террором был казнен и пушками распорот,
Но не сдавался, не притих.

Что каждодневный страх, что ужас полунощный,
Что гром грохочущий и не дающий спать!
Сбив когти Англии, его клешнею мощной
Взяла Республика опять.

На рейде заперты разбитые фрегаты.
Знамена славные изодраны пальбой.
Над батареями клубится дым косматый,
Еще не кончен правый бой.

Рычащие форты, горящий в бочках порох,
Крушенье брандеров, багряный блеск воды,
Кривой полет ядра в заоблачных просторах,
Подобный гибели звезды...

Мрачна история! И в той главе блестящей,
Меж смятых амбразур и раскрошенных мачт,
Звучат свистки команд, ревет снаряд летящий,
Не молкнет гул, не молкнет плач.

О Франция! Тогда ты волновала страны
Чудесным отзвуком мятежной правоты,
На тигров и пантер, что выслали тираны,
Львов снаряжала драться ты.

Тогда бойцы твоих четырнадцати армий
Взошли на горный кряж, манил их океан.
Ты знала сто побед. И на любом плацдарме
Рос выше неба великан.

И зори над тобой так явственно вставали!
Безвестных удальцов так подняла война!
И шли они вперед. И трубы воспевали
Их молодые имена.

Лишь молодость несли тебе они в подарок,
Крича: «Свобода! Смерть тиранам! Победим
Или умрем!» Огонь их вечной славы ярок,
В дыханье бури невредим.

2

Сегодня город стал постыдною клоакой
Для всех, кто озверел от низости и зла,
Для каждой гибели, для тленной дряни всякой, —
Грязь во все щели заползла.

Клятвопреступникам, монетчикам фальшивым,
Всем, кто обвешивал, кто подбирал ключи,
Грабителям лесным, кто горло за гроши вам
Полосовал в глухой ночи,—

Для всех наступит час неумолимой кары,
Не околпачат суд, не избегут суда, —
Пират, убийца, вор, — и молодой и старый, —
Все будут брошены сюда.

Кто из дворца придет, кто из трущобы грязной,
Всем леденящая рука прикажет: «Встань!»
И выжжет на плече клеймо печати красной,
Сожмет ошейником гортань.

И только что заря восходит в тусклом дыме,
Надсмотрщик тут как тут: «Вставай! Настал черед!»
И кажется, что цепь, проснувшаяся с ними,
Скрежещет: «Вот и я! Вперед!»

Идут они гуськом, и топчутся неспешно,
И, разобрав впотьмах лопаты и кирки,
Влачат на спинах знак кровавый и кромешный,
Безумны, немощны, мерзки.

Босые, в колпаках, надвинутых на брови,
Со взглядом мертвенным, изнурены с утра,
Бьют камни, роют рвы, с рук не смывают крови —
Сегодня, завтра, как вчера...

Дождь, солнце, снег, туман не принесут пощады.
Июнь или январь — все тот же их удел.
Постелью служит им сырой настил дощатый,
Отрадой — память мокрых дел.

По вечерам, когда надсмотрщики по спискам
Все стадо на понтон попарно приведут,
Раздавлены вконец, дрожат во мраке склизком,
А спины новых палок ждут.

Они не видят дня, они не спят ночами,
Полумертвы во сне, не дышат по утрам.
И все их скотское исхлестано бичами,
И все людское душит срам.

3

Тут подвиг низости свидание назначил,
Герой и каторжник убежище найдут.
В Тулоне некогда дорогу дядя начал, —
Племянник должен кончить тут.

Что ж, негодяй, живи! Тебя горой раздуло, —
Солдата славного изобрази живей.
Чугунное ядро, что забивал он в дуло,
К ноге приковано твоей!

(«Возмездие», 1853)

TE DEUM¹ 1 ЯНВАРЯ 1852 ГОДА

Твоя обедня, поп, из-под команды «пли»
Яд богохульный точит.
Смерть за твоей спиной, на корточках, в пыли
Прикрыла рот, хохочет.

Трепещут ангелы. Пречистая в раю
От слез изнемогает,
Когда о пушечный фитиль свечу свою
Епископ зажигает.

Ты тянешься в сенат, и сан возвышен твой,
И жребий твой приятен, —
Пускай, но выжди срок: не смыты с мостовой
Следы зловещих пятен.

Восставшей черни — смерть, властителю — хвала,
Орган гудит и стонет,
Архиепископ, грязь на твой алтарь вползла,
Та, что в мертвецкой тонет.

Ты славишь господу, всевышнего царя.
Струятся фимиамы.
Но с росным ладаном мешается не зря
Тлен из могильной ямы.

Расстреливали всех, мужчин, детишек, жен.
Ночь не спала столица.
И у соборных врат орел свинцом сражен, —
Там коршун поселится.

Благословляй убийц, бандитам славословь.
Но, вопреки всем требам,
Внял мученикам бог! За жертвенную кровь
Ты трижды проклят небом.

---

¹ Тебе, бога (хвалим...) — благодарственная молитва (лат.).

Плывут изгнанники — причалят там иль тут,
В Алжир или в Кайенну.
В Париже Бонапарт остался, — что ж, найдут
И в Африке гиену.

Рабочих оторвут от мирного труда,
Крестьян сгноят расправой.
Священник, не ленись и погляди туда,
Налево и направо!

Твой хор—Предательство, твой регент—Воровство,
Христопродавец хитрый,
Ты в ризы облачен, но срама своего
Не скроешь и под митрой.

Убийца молится, протиснулся вперед,
Патронов не жалеет.
Что в дароносице — сам черт не разберет,
Но не вино алеет.

(«Возмездие», 1853)

ИСКУССТВО И НАРОД

1

Искусство — радость для народа.
Оно пылает в непогоду
И блеском полнит синеву.
И во всемирном озаренье
Идут в народ его творенья,
Как звезды мчатся к божеству.

Искусство — гимн великолепный,
Для сердца кроткого целебный.
Так город лесу песнь поет,
Так славит женщину мужчина,
Так вся душевная пучина
Хвалу творенью воздает.

Искусство — это мысль живая.
Любые цепи разбивая,
Оно открыло ясный лик.
Ему и Рейн и Тибр угоден.
Народ в оковах, — будь свободен!
Народ свободный, — будь велик!

2

Будь, Франция, непобедима,
Будь милосердна, будь едина
И пристально гляди вперед!
Твой голос, радостный и ясный,
Сулит надежду людям властно,
Мой добрый, доблестный народ!

Пой на заре, народ рабочий,
Пой под вечер, во славу ночи.
Да будет в радость труд любой!
Пой о тяжелой жизни прежней,
Тихонько пой подруге нежной
И громко в честь свободы пой!

Пой, что Италия прекрасна,
Что Польша в кандалах несчастна,
Что Венгрия полумертва,
Что пал Неаполь, слезы льющий.
Тираны! Наш народ поющий
Страшней разгневанного льва.

(«Возмездие», 1853)

ПЕСНЯ

Дворцовой оргии беспечные обжоры,
Рты распорол вам смех, вино туманит взоры.
Кадите Цезарю, прославьте выше звезд.
Распейте кипрское, стыд расплещите тоже,
Пожалуйте к столу, предатели! И все же
Мне истина дороже,
Хоть хлеб ее и черств.

Пузатый биржевик! Наворовал ты денег.
Ты плотно ужинал и здравствуешь, мошенник,
Приятель всех иуд, шпииков, жандармов, шлюх!
Пусть плачут бедняки под грязною рогожей, —
Ешь, сколько хочется, гуляй, дыши! И все же
Мне честь моя дороже,
Хоть хлеб ее и сух.

Клеймо бесчестия прочней проказы выжжет.
Солдаты кончили с Монмартром. Кровь с них
брызжет.

Мундиры их в крови, и пьяно их питье.
В казармах дым столбом; крича, качаясь, лежа,
Пьют, чокаются, жрут, целуются... И все же
Зов славы мне дороже,
Хоть горек хлеб ее.

Вчера предместья шли в святом негодованье.
Сегодня спят рабы. Сегодня нищей рвани
Измена грезится за медный грош. Свиреп
Кандалный хохот их и рев, на лай похожий,
В честь императора столь щедрого... И все же
Мне на земле дороже
Свободы черный хлеб.

(«Возмездие», 1853)

---

* * *

1

Я знаю, будут лгать, отыщут сто уверток,
От правды ускользнут, от рук ее простертых,
Начнут все отрицать: «Не я, а он, — вон тот!»
Так встаньте за меня, вы, Дант, Эсхил, пророки!
Крепки рифмованные строки.
Преступник, схваченный за горло, не уйдет.
Для нераскаянных закрыта книга эта.
История в глазах поэта
Всеобщей каторгой встает.

Поэт не молится, не грезит в наши годы.
Ключом Консьержери он запирает своды,
Ведущие в подвал, где заседает суд.
Тут принцев и господ, как жуликов, обыщут,
Тут императора освищут.
Тут Макбет — негодяй. А Цезарь — шулер тут.
Крылатых строф моих не размыкайтесь узы!
Пускай пылающие музы
Всех арестованных сочтут!

2

А за тебя, народ, настанет час раплаты!
Лжет ритор, что поэт, как серафим крылатый,
Не знает про Мопá, про Фульда и Морни
И созерцает звезд блаженное сиянье...
Прочь! Если гнусные деянья
И злые замыслы, таимые в тени,
Вы смели вытерпеть, прикрыли их собою, —
Померкни, небо голубое,
Прощайте, звездные огни!

И если негодяй к молчанью всех принудит,
И если уж ничто свободы не разбудит
И над простертою глумятся палачи,
И если каторга полна народным стоном, —
    Я зажигаю всем понтонам,
Для всех изгнанников сигнальные лучи.
Я крикну: — Встань, народ! Грянь, буря грозовая!
    Пускай отчизна, оживая,
    Увидит факел мой в ночи!

3

Мерзавцы! Их покой во Франции не вечен!
Зашелкает мой бич по спинам человеческим.
Пусть певчие вопят — я им ответ найду.
Хлеща по именам и титулов лишая,
    Мундиры с рясами мешая,
Тисками этих строк сжимаю их орду.
И стихари трещат, и блекнут эполеты,
    И мантию в погоне этой
    Теряет Цезарь на ходу.

И поле, и цветок, и синь озер в долинах,
И хлопья облаков нечесанных и длинных,
И в зыбких тростниках плакучая вода,
И мощный океан — дракон зеленогривый,
    И бор с листвою говорливой,
И над волной маяк, и над горой звезда —
Все узнают меня и шепчутся про чудо:
    «Вот дух отмщающий! Отсюда
    Он гонит демонов стада!»

(«Возмездие», 1853)

КАРТА ЕВРОПЫ

Повсюду палаши кромсают плоть провинций.
Повсюду лжет алтарь и присягают принцы,
Не изменясь в лице, не опустив глаза.
И от бесчестия присяг невыполнимых,
Присяг чудовищных и безнадежно мнимых,
Должна загрохотать небесная гроза.

Войска на улицах стреляют в женщин бедных.
Свобода, доблесть, честь? Все сгнуло бесследно.
На каторге глухой и не сочтешь смертей.
Народы! Чьи сердца забьются пылом прежним?
В орудья, что палят по вожакам мятежным,
Гайнау не ядра вбил, а головы детей.

Россия! Ты молчишь, угрюмая служанка
Санкт-петербургской тьмы, немая каторжанка
Сибирских рудников, засыпанных пургой,
Полярный каземат, империя вампира.
Россия и Сибирь — два лика у кумира:
Одна личина — гнет, отчаянье — в другой.

Анкона палачом превращена в застенок.
Стреляет в прихожан лихой первосвященник,
Ключарь католиков, сам папа Мастаи.
Вот Симочелли пал. За первым так же просто
Падут, не побледнев, трибун, солдат, апостол,
Чтоб богу жалобы на папу принести.

Спеши, святой отец, скрой руки между кружев,
Смой с белых туфель кровь! Собрата обнаружив,
Тебе сам Борджиа с улыбкой подал яд.
Погибших тысячи, идущих на смерть сотни...
Не пастырь благостный и не пастух сегодня —
Ты грязный живодер, водитель божьих стад.

Сыны Италии, германцы и венгерцы!
Европа, ты в слезах, твое нищает сердце.
Все лучшие мертвы. Стыд на любом лице.
На юге эшафот. На севере могила.
Тут в саване луна полночная бродила,
Там пламенел закат в кровавом багреце.

Вот инквизиция гуляет по Парижу.
Душитель говорит: я кроткий мир предвижу.
Париж смывает кровь, что пролил для него.
Сжимает Францию кольцо гарроты узкой.
Разбужен воплями, по всей земле французской
Сам Торквемада бдит, справляет торжество.

Поэрио, Шандор и Баттиани тщетно
Погибли за народ. Их жертва безответна.
Пал и герой Боден, нам завещав борьбу.
Рыдайте же, леса, моря, равнины, страны!
Где создал бог эдем, там царствуют тираны.
Венеция — тюрьма. Неаполь спит в гробу.

Палермо и Арад — лес виселиц позорных.
Петля для смельчаков — героев непокорных,
Что гордо пронесли пылающий свой стяг.
Мы в императоры возводим Шиндерганса,
А ливни бьют всю ночь по черепу повстанца,
А ворон рвет глаза, долбит его костяк.

Ждет будущее нас! И вот, крутясь и воя,
Сметая королей, несется гул прибоя.
Труба сигнальная народы соберет —
И в путь! Он сумрачен и страшен. Огневые
Несутся армии сквозь бури мировые.
И Вечность говорит: «Откиньте страх! Вперед!»

(«Возмездие», 1853)

ОЧНАЯ СТАВКА

Восстаньте, мертвые, чтобы назвать убийц!
Чей нож у вас в груди? Кто вас повергнул ниц?

Ты первая встаешь в кровавых облаченьях, —
Кто ты? — Религия. — Убийца твой? — Священник.

Вы, ваши имена?— Честь, Разум, Верность, Стыд..
Убила церковь нас. — А это кто стоит?

— Я Совесть общества. — Кто твой палач? — Присяга.
А ты, что плаваешь в своей крови, бедняга?

— Я раньше был Судом. — Убийцу назови!
— Судейский в мантии. — А ты, гигант в крови,

Ты, отблеск меркнувший триумфов лучезарных,
Кто ты? — Я Аустерлиц. — Убийцы? — Спят в казармах.

(«Возмездие», 1853)

ОН ЗАСМЕЯЛСЯ!

Господин Виктор Гюго только что выпустил в Брюсселе книгу под названием «Наполеон Маленький», содержащую злейшую клевету на принца-президента. Рассказывают, что на этих днях один из сановников привез книжонку в Сен-Клу. Луи-Наполеон посмотрел на нее, взял в руки, перелистал, презрительно усмехаясь, и, обращаясь к присутствующим особам, изволил сказать о памфлете: «Вот, господа, Наполеон Маленький, изображенный Виктором Гюго Великим!»

*(Газета Елисейского дворца.
Август, 1852 г.)*

Ага! Придет пора — и взвоешь ты, наверно!
Тебя, пыхтящего от работенки скверной,
Кривляющегося в триумфе шутовском, —
Схватил я и навек снабжаю ярлыком.
Сбегается толпа. Ты высмеян, мошенник!
Прикрученный к столбу, заклепанный в ошейник,
От плюх и от плевков не спрячешь ты лица.
Вот воинский мундир срывает с подлеца
Сама история и оголяет торс твой.
Но продолжается, дурак, твое притворство:
Услышав про меня, смеешься ты еще!

Я раскалил клеймо и жгу твое плечо.

(«Возмездие», 1853)

ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

1

Ну что ж, мошенники, кретины и громилы!
Не мешкая, к столу! Вас жадность истомила, —
    Всем места хватит здесь!
Жизнь промелькнет, глядишь, поздравит слишком скупо.

Народ наш побежден, народ умолкнул тупо,
    Народ вам отдан весь!

Срезайте кошельки и государство съешьте!
Опустошите все, чем любовались прежде!
    Настал удобный час!
Последний вырван грош, последний взят кусочек
У сельских пахарей, у городских рабочих!
    Все козыри у вас!

Да здравствует разгул! Да здравствуют пьянчуги!
А бедная семья дрожит в своей лачуге,
    А жизнь ее горька,
А в сумерках отец ждет корки, христа ради,
А мать не принесет, угрюмо в землю глядя,
    Ребенку молока.

2

Все деньги забраны! Все замки заселили!
Однажды я видал подвалы в нашем Лилле, —
    Я опустился в ад:
Мир жалких призраков в подземном мраке скучен,
Изглодан холодом и ревматизмом скрючен,
    К нагой земле прижат.

Там ужас царствует, там воздух дышит ядом,
Слепые топчутся с чахоточными рядом,
Ползет по стенам слизь.
Развившись в двадцать лет, там к тридцати дряхлеют,
И смерть безумствует, и души еле тлеют,
И язвы в плоть впились.

Ни света, ни огня. По стеклам ливень хлещет.
И поневоле взгляд слабеет и трепещет,
Впиваясь в темноту.
У ткацкого станка немые жмутся тени,
Немые призраки сгибаются в смятенье,
В слезах, в грязи, в поту.

Глядит как бы сквозь сон на женщину мужчина.
Отец в отчаянье, что всю семью пучина
Затягивает в ночь...
При виде дочери, что хлеб ему приносит,
Он не осмелится, он ни за что не спросит:
«Откуда деньги, дочь?»

Там спит отчаянье в своих лохмотьях грязных.
Там молодой апрель — наш юношеский праздник —
Не ярче декабря.
И словно роза днем, а под вечер — фиалка,
Там плачет девушка, оглядываясь жалко,
Глухим стыдом горя.

Там ниже всех клоак, под улицами всеми,
Не видя света днем, людские дрогнут семьи,
Там и оконца нет.
И только я вошел, вдруг все затрепетало.
И девушка с лицом старухи прошептала:
«Мне восемнадцать лет».

Там и соломенной подстилки нет, быть может.
И ребятишек мать несчастная уложит
В стенной пролом — и тут
Голубки крепко спят, а завтра утром дети
Найдут не колыбель на этом белом свете,
А кладбище найдут.

Подвалы Лилля! Смерть в подвалах этих бродит!
Куда ни кину взгляд, повсюду он находит
Погибших жизней ряд:
Вот полуголая, голодная девчонка,
Вот мать, как статуя, молчит, прижав ребенка...
Я вижу Дантов ад.

Из этих горьких недр взросло богатство ваше,
Здесь гибнут тысячи, чтобы блистали краше
Вы, принц, ханжа, гордец!
Ваш бешеный бюджет, ваш бесшабашный отдых
Сочатся каплями на выступах и сводах,
Сочатся из сердец!

В сцеплении колес, что вертит тирания,
Казна завинчивает все винты дрянные.
Есть у казны расчет...
Скрипят винты, скрипят, давиленью тупо движут.
И, словно виноград, труд человека выжат, —
А золото течет!

Из безнадежности, из длительных агоний,
Из мрака, из лачуг, где белый день в загоне,
Где безысходна ночь,
Из стоков нечистот, из горечи и муки
Отцов и матерей, что заломили руки
И молят им помочь, —

Да, из таких глубин униженности лютой
Встает чудовище со звонкою валютой
И щупальца свои
Протягивает в мир, и во дворцах пирует,
Венчает розами, и взорами чарует,
Купается в крови!

3

Ступай же в яркий рай! Пей, чтоб гортань не сохла!
Оркестр хохочет. Пир окрасил кровью стекла.
Стол ломится от яств.
Тьма где-то там, внизу. Здесь двери на запоре.
Там плачет девушка, с проклятой жизнью споря,
Она себя продаст.

Вы — соучастники всех наслаждений темных:
Подкупленный судья, или солдат-наемник,
Или бесстыжий поп!
Ваш Лувр на нищете построен. В этой бездне
В обнимку с голодом свирепствуют болезни,
Свирепствует потоп.

А во дворце Сен-Клу, среди нежных фавориток,
Резвящихся всю ночь в венках из маргариток,
В разгаре шумный съезд.
И каждая из них под люстрою стосвечной
Зубами белыми с улыбкою беспечной
Живьем ребенка съест.

Ей наплевать на все! Горит огнем палата.
У императора, у принца, у прелата
Немало есть утех!
Плачь, погибай, народ, или зубами лязгай,
С тебя достаточно, что любовался пляской,
Что услышал их смех!

Ну и пускай! Набьют сундук, набьют карман свой,
Пускай Тролон, Сибур, Барош продолжат пьянство,
Картина хоть куда!
И если весь народ от голода распухнет
И в бездну нищеты невозвратно рухнет,
Не дрогнут господа!

4

Шагают по тебе, народ, по баррикадам,
Недавно выросшим из мрака под раскатом
Твоих недавних битв.
Кареты катятся, блестя и торжествуя,
Под их колесами ты втоптан в мостовую,
Ты, как булыжник, вбит.

Им — золото твое. Тебе — нужда и голод.
Ты, как бездомный пес, что вечно терпит холод
У запертых дверей.
Им — пурпур и шелка. Тебе опять объедок.
Им — ласка женская, народу напоследок —
Бесчестье дочерей!

Но кто-то говорит! И муза речь услышит.
Сама история негодованьем дышит
    И судит палачей.
Есть мститель за тебя, о Франция родная!
Есть слово, что гремит, казня и проклиная,
    Во тьме твоих ночей.

Лихая шатия, разбойничья орава,
Свободу, и народ, и родину, и право
    Безжалостно грызя,
Дрянь бессердечная, двулика болтает:
«Какая чушь! Поэт? Он в облаках витает...»
    Что ж! В облаках — гроза!

(«Возмездие», 1853)

---

* * *

Леса, холмы, трава на взгорье,
Полей благоуханный цвет,
Что за молчанье, что за горе?
— Того, кто был здесь, больше нет.

Чей сад заглох в начале мая,
Чье глухо заперто окно,
Где твой хозяин, дом? — Не знаю.
Он далеко давным-давно.

Что дремлешь, пес? — Развлекись нечем,
Все опустело на крыльце.
— Что плачешь, мать? — О непришедшем.
— Что плачешь, мальчик? — Об отце.

— Вы, волны, в смене ежечасной
О берег бьете без конца,
Откуда? — С каторги несчастной.
— Что принесли вы? — Мертвеца.

(«Возмездие», 1853)

СДАЕТСЯ НА НОЧЬ

Искатель случая, бездомный человек
Вошел в харчевню «Лувр» и попросил ночлег
Себе и лошади, породистой, но чахлой.

Мольер почувствовал: Скапеном тут запахло.
Злодея Ричарда в нем угадал Шекспир.
Перекрестился гость, вошел. В харчевне пир.
Как встарь, гостиница освещена. Все та же,
Качается, скрипит, вся в сальных пятнах, в саже,
Большая вывеска. Над Сеной есть окно.
Здесь Карл Девятый жил. И, как давным-давно,
На ржавой вывеске чернеют буквы: «...громы» —
Обломок лозунга старинного: «Погромы».

А в черном логове дым коромыслом, чад;
Хохочут, пьют, поют и кружками стучат;
В лоснящихся мехах избыток вин шипучих;
Висят окорока на потолочных крючьях.
В честь будущих удач гремит всеобщий смех.
Тот крикнул: «Резать всех!», а этот «Грабить всех!»
Тот машет факелом слепящим и зловонным.
Там кулаки стучат, кроша стекло со звоном.
Все печи докрасна раскалены. Еда
Дымится. В хлопотах снуют туда-сюда
Замаранные в лоск, в передниках багровых
Низар и Риансе, два повара здоровых.
Расселись за столы Фортуль, Персиль, Пьетри,
Карлье и Шапюи, главарь им. Посмотри:
Дюко и Мань внизу две подписи поставят
И тут же паспорта подчистят и подправят.
Руэр — Радецкого, Друэн — Гайнау ждет;
И хрюкает сенат на свалке нечистот.
Тут столько свалено грехов, что и епископ

Не в силах отпустить. Всмотрись, исследуй близко,
Послушай, как стучат их дряблые сердца!
Входи без дураков, не корчи гордеца,
Жми, не робей, хвостун, одетый и обутый
Под Бонапарта! Чу! Приветствия как будто?..
Там рывкнули: «Ура!» Визг, ликованье, стон...
И весь растрепанный, упившийся притон
Моргает на тебя гляделками косыми.
Вот бабы дюжие. Тебя знакомят с ними;
И весело звучит их воровская брань,
Здесь и маркиза Рвань, и герцогиня Дрянь.
Пылают их глаза. Сердца их не потухли.
«Ты Регентство?» — Ну что ж, они напудрят букли.
«Ты Директория?» — Оденутся в шелка.
Хватай любую, вор. Капризничай, пока
Есть у тебя мильон! Сядь около красавиц,
На крыльях газовых порхай всю ночь, мерзавец!
Шалят Сюэн, Монжо, Тюрго и д'Агессо.
Сорока Сент-Арно мгновенно стибрит все.
И тут же троица: Рейбель в хмельном угаре,
С ним рядом Фульд—кюре, за ним Сибур—викарий.

Чтоб чествовать тебя, готово все. Очаг
Раздут и запылал на славу. И смельчак
Взамен орла сову на старый герб наляпал.
Народ, как тучный бык, повален тут же на пол
И освежеван. Кровь стекает в гулкий таз.
И с тушей возятся, не опуская глаз,
Тролон как живодер, Маньян как главный повар.
Бычина жарится под оголтелый говор.
И точит на ремне свой длинный острый нож
Трактирщик Кареле, предчувствуя кутеж.
Дымящийся бюджет на тот же крюк насажен.
Еврейский выкормыш, ты церковь уважен:
Лойола за тебя, а Ротшильд за тобой
На бирже бешеной, на ярмарке любой.
Пора! Подходит срок. Приличия исчезли.
Садись у камелька, плотней устройся в кресле,
Согрейся, обсушись. Харчевня заперта —
Стань королем, бандит, не бойся ни черта!
Забудь о юности, сын маленькой креолки;
Плюнь на величье, плюнь на чьи-то кривотолки!
В притоне воровском, как дальше ни верти,

Лишь пролитая кровь по-прежнему в чести;
Лишь грязь прилипшая внушает уваженье.
Мыслитель и герой, когда идут в сраженье,
Бессмертной славы блеск проносят на челе.
Ты славу сапогом расплющил на земле.
Валяй, забудь про все, чем стоит красоваться.
Под вопли карликов, под грохот их овец
Раздуйся пузырем, Аттила-лилипут!
Жаркое на столе. Вся челядь тут как тут:
Мопá — твой верный негр; Барош, твоя собачка,
Вылизывает пол, что ты в крови запачкал.

Меж тем как ширятся трезвон, и визг, и вой, —
Там, далеко, в ночи, дорогой столбовой,
Еще таинственной, по рытвинам опасным,
Под небом сумрачным, что скоро будет ясным,
С депешой срочною, пустив коня в карьер,
Спешит Грядущее! Несется наш курьер!

(«Возмездие», 1853)

ТЕМ, КТО СПИТ

Пора вставать! Настало завтра.
Бушует полая вода.
Плевать на их картечь и ядра!
Довольно, граждане, стыда!
Рабочие, наденьте блузы!
Ведь шли на королей французы!
Был Девяносто Третий год!
Разбейте цепь, восстаньте снова!
Ты терпишь карлика дрянного,
С тираном дравшийся народ?

Встать на хозяина и челяды! Побороть их!
Бог все-таки за нас. Попы, конечно, против, —
Но только бог для нас закон.
Все тлен и суета пред ним, и все остынет.
Пред богом, как шенок, трясется тигр в пустыне
И на море дракон.
Одним лишь веяньем он, будто стаю птичью,
Сметает всех церквей, всех идолов величье
И святость всех икон.

Вам нечем драться? Ладно! Молот
Возьмите в руки или лом!
Там камень мостовой расколот,
Сквозь стену вырублен пролом.
И с криком ярости и с криком
Надежды, в дружестве великом, —
За Францию, за наш Париж!
В последнем бешеном боренье,
Смывая с памяти презренье,
Ты свой порядок водворишь!

Иль надо приводить в пример вам роялистов?
Ведь был же их напор безумен и неистов,
Когда, куда ни глянь,

Давало мужество, пространствами владея,
Двойную мощь рукам. Не правда ли, Вандея?
    Не правда ли, Бретань?
Чтоб влезть на бастион, чтоб во дворцы ворваться,
Чтоб дулам пушечным до смерти не сдаваться,
    Хоть с кольями восстань!

Но если жизнь в клоаке черной
Еще продлится день иль час,
Не надо вам трубы иль горна,
Я отыщу клеймо для вас,
Трусливых и неблагодарных
Потомков предков легендарных!
Как быстро выродились вы!
Какой знобимы лихорадкой,
Как вы малы! Как это гадко,
Что кроликов рожают львы!

(«Возмездие», 1853)

ЧЕРНЫЙ СТРЕЛОК

Кто ты, бредущий в чаще дремучей?
Вороны вьются горластой гучей.
Дождь недалек.
— Я прохожу над кремнистой кручей,
Черный Стрелок!

Лес зашумел, гудит, шевелится,
Ветер поет.
Что за шабаш здесь веселится,
Пляшет, снует?
Туча тусклым лучом серебрится, —
Месяц встает.

Бей по хищникам, дружным с мраком,
Вскачь по чащобам, по буеракам!
Сумрак глубок.
Бей по царям, по австриякам,
Черный Стрелок!

Лес зашумел, гудит, шевелится...

В рог протруби в ликование диком
Дичи вдогон со злорадным гиком,
Жди у берлог,
Бей по попам, бей по владыкам,
Черный Стрелок!

Лес зашумел, гудит, шевелится...

Ливень, гроза по лесистым склонам,
Прячется зверь в дупле потаенном,
В норке залег.
Бей по судьям, по гнусным шпионам,
Черный Стрелок!

Лес зашумел, гудит, шевелится...

Видит святой Антоний со страхом:
Бесы танцуют над смертным прахом.
Вышел их срок.
Бей по аббатам, бей по монахам,
Черный Стрелок!

Лес зашумел, гудит, шевелится...

Бей по медведям матерым, злейшим,
С гончею сворой путем быстреешим
Вскачь без дорог!
Бей по святейшим, по августейшим,
Черный Стрелок!

Лес зашумел, гудит, шевелится...

Волк отошальный злобится к марту.
Доброе имя поставь на карту,
Туже курок!
Бей по бандиту, по Бонапарту,
Черный Стрелок!

Лес зашумел, гудит, шевелится,
Ветер поет,
Что там за шабаш тоскует, злится,
Вянет, гниет?
Закукарекал петух с денницей.
Солнце встает.

Все пробудилось, полнится светом.
Стань всей Францией в пламени этом,
Ясен и строг,
Ангелом белым, в славу одетым,
Черный Стрелок.

(«Возмездие», 1853)

ПЕСНЯ

Его величье перед богом
Пятнадцать лет
Печатало по всем дорогам
Слепящий след.
Весь мир, в восторге и досаде,
Ему внимал.
А ты, мартышка, прыгай сзади!
Ты мал! Ты мал!

Наполеон в боях был страшен.
Его орел
Над городами выше башен
Приют обрел.
И он, взойдя на мост Аркольский,
Врага сломал.
Грабь золото, змееныш скользкий!
Ты мал! Ты мал!

Он города картечью шпарил
В пылу страстей.
За каменным корсажем шарил
У крепостей.
Бастилиям швырял он плюхи,
Им плечи мял.
А для тебя танцуют шлюхи!
Ты мал! Ты мал!

Пройдя над веком грозной тенью,
Он сжал рукой
Бразды и узы угнетенья, —
Плачь, род людской!

И пьяный славою, стакан свой
Вверх поднимал.
Пей кровь, подлец, валяйся, пьянствуй,
Ты мал! Ты мал!

Его паденью с острой кручи
Раскрыл прибор
Свой зев, огромный и горячий,
И взял с собой,
Чтоб сладко мировой изгнанник
На дне дремал.
Утонешь ты в грязи, племянник!
Ты мал! Ты мал!

(«Возмездие», 1853)

* * *

Есть время подлое, когда любой успех
Блестит соблазном
И, обольщая всех, легко марает всех
Бесчестьем грязным.

Все убаюканы в дремоте роковой.
Никто не дышит.
И честный человек теряет облик свой,
Как губка, выжат.

Он перед подлостью и хитростью поник
С самозабвеньем.
И он качается, как зыблемый тростник
Под дуновеньем.

Гуляют, празднуют — открытого лица
Нигде не встретим.
Пьют, едят и пьют в палатах подлеца,
Довольны этим.

Министр позвал гостей. Преступный пир хорош!
Сластей отведав,
Хохочет общество. Но бьет немая дрожь
Великих дедов.

Все разделяют срам, все молча смотрят вниз,
Дурь без исхода.
Вдруг запоем труба: «Республика, вернись!
Восстань, Свобода!»

Фанфара грянула. Вокруг переполох,
Как будто это
Ночного пьяницу заставшие врасплох
Лучи рассвета.

(«Возмездие», 1853)

ОТВЕТ НА ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Да, да, людоеду, козлу отпущенья,
Исчадию хаоса, — нет мне прощенья.
Я вкус растоптал и словесность убил,
Я сам захотел, чтобы мрак наступил.
И мрак наступает, и в сумерках дрогнут
Язык и трагедия, школа и догмат.
Французская классика сбита с пути.
За все я ответственность должен нести.
За все, что сдвигаю, свергаю, ломаю, —
Вину на себя одного принимаю.
Вы хлещете в прозе меня, как кнутом,
Кричите: долой! — и спасибо на том!
Так движется время: однажды выходит
Из церкви — и новую церковь находит.
Исследуем дело искусства в упор
И дело свободы включим в этот спор,
Рассмотрим же мелочи, в лупу проверим,
За что я прослыл отвратительным зверем.
Ведь может случиться, что суд поспешил:
Я худшее дело еще совершил, —
Не только поэзию переиначил,
Но самое злое лекарство назначил
Для скучных невежд и для вяучных ослов,
Все прошлое выкорчевал до основ
И с формою разворошил содержанье.
Чудовищно дело мое, парижане!
Быть может, лихой демагог-сорванец,
Я азбуку вашу расстроил вконец.
Ну что ж, побеседуем! Выйдя из школы,
Неведомый школьник, и вялый и квелый,
С латинской цитатой и ворохом книг,
Я медленно в сущность явлений проник,
Увидел искусство, услышал природу,

Узнал, что дворянство враждебно народу!
Поэзия та же монархия. В ней
Есть герцог и пэр. Есть и тени теней.
Разъяты меж теми и этими связи.
Немыслимо выйти из грязи да в князи.
Здесь конный. Там пеший. Меж них пустота.
Бастилия слова была не взята.
Слова в языке различались, как касты.
Поклонники Федры, друзья Иокасты
Блюли свой декорум, неслись ввечеру
В старинных каретах, как встарь, ко двору.
А висельный сброд обитал в диалектах,
Гнезвился в жаргонах, как в каторжных клетках,
В лохмотьях аргó щеголял босиком,
С малиной блатной с малолетства знаком,
Играл непотребные фарсы на рынке,
Вторгался в роман плутовской по старинке.
И старый лингвист эту нищую тварь
Включал под сомнительным грифом в словарь.
Веселая братия в давнюю эру
Могла бы служить одному лишь Мольеру.
Расин на нее лишь глазами косил.
А если Корнель у себя выносил,
То за снисходительность в щедром величье
Вольтером бывал обвинен в неприличье.
Но старый Корнель добродушен и тих.
А я, как разбойник, пришел после них,
Спросил: — Почему? — И посмел удивиться,
Что есть Академия, бабка-вдовица,
Что прячет под юбками клад Буало.
Двенадцатисложник пиша набело,
Я ввел революцию в общество чучел
И красный колпак на словарь нахлобучил.
Нет слова «вельможа»? Нет слова «батрак»?
Я сделал все перья оружием для драк
И в каждой чернильнице вырастил бурю,
Срывая все маски, бранясь, каламбурия,
Воочию я показал, что была
У черного слова изнанка бела.
Метафоры взвыли, что век их недолог.
Тома Аристотеля рухнули с полок.
Нет выпренных слов, нет заглавных имен.
Все гунны и скифы минувших времен,

Всех варваров орды над нашей планетой —
Щенята в сравнении с дерзостью этой,
Когда на риторику двинулся я.
Увидев свинью, я сказал ей: «Свинья!
Была ты Вителием в прозе Тацита,
Была ты и Борджиа. Это забыто!»
Ошейники выдумки сорваны с псов.
На пастбищах, в сумраке наших лесов
Пасутся корова и телка из хлева.
За шлюхой смиренно грядет королева.
Вином мою оду Рабле накачал,
Ей смехом божественный Пинд отвечал,
И Музы плясать карманьолу пустились,
И стили смешались, и жанры сместились.
Женился на эллинской девушке Жан.
Король: «Что случилось?» — спросил горожан.
Так я алебастр примешивал к снегу.
И черных очей легендарную негу
Сравнил со стеклярусом, белой руке
Сказал: «Ты бела». Я был накоротке
С любой хронологией. Я Митридату
Советовал помнить зловещую дату, —
О срам! — превращал в проститутку Лаис.
И вот уже с мест словари сорвались.
Парик сохраняя с эпохи Капета,
Слова понимали, что песня их спета.
Тогда революция в гордой красе
Велела на волю их выпустить все.
И вместо седых париков горделиво
Под ветром взлохматились дерзкие гривы.
Свобода! Под солнцем твоей синевы
Спаньели и те зарычали, как львы.
В проклятом твоём и святом урагане
Присловья и притчи пришли в содроганье.
С латынью школярской покончив расчет,
Я понял, куда меня время влечет.
И все иезуиты-грамматики скисли,
Заметив, что сбиты наручники с мысли.
К оружию, прозаик! На приступ, поэт!
На строфах и рифмах намордников нет.
Трагедия в узах, поэма в темнице,
А там эпигон над Расином глумится,
Там в злобе зубами скрипит Буало, —

В отставку, в отставку! Их время прошло.
Риторика в печку, а синтаксис в руки, —
Споем «Марсельезу», любезные други!
И дрогнули небо и твердь. И обмяк
От ужаса провинциал Пурсоньяк.
Меж тем как педанты в гнуснейших харчевнях,
Ученость забыв, пропивали учебник.
Силлабика перешагнула строку.
Вдогон существительному-мужику
Сбежал оборванец-глагол. Эту мерзость
Вы пили до дна! И пред вами разверзлась
Вся сцена для новшеств и для перемен.
Не нужен ей вестник. Молчит Терамен.
Все старорежимное смыто и стерто.
Все ваши условности посланы к черту.
На сцене трагической я возвестил
Свой собственный, дикий, чудовищный стиль.
Схватил я в истории нашей французской
За шиворот правду на улице узкой,
Увидел монархию, вбитую в прах,
Все званья, висящие на фонарях.
Да, я был Дантоном и был Робеспьером,
И назло придворным учтивым манерам,
В обиду всем выпадам гибких рапир
Позвал я лакея на жизненный пир.
Таким же преступным отмечено грифом
Мое разрушение бастилии рифм.
Есть большее: уничтожение преград,
Скрывающих слово «народ», — целый ад
Монашеских, постных, загробных терзаний.
Порвав со спиралями иносказаний,
Я слил, и смешал, и сравнивал меж собой
Тот разноречивый, как жизнь, разнобой.
Я знал, что рука моя служит народу,
Не слово, а мысль отпустив на свободу.
Я знал, что я делал, чего я хотел:
Все та же стрела — и все тот же прицел.
Итак, я раскрыл вам, почтенные судьи,
Свои преступления по смыслу и сути.
Вы все старики! И поэтому днесь
Я настежь распахнут и виден вам весь.
Вы вправе причислить меня к атеистам.
Французский язык был суровым и чистым:

Цвет лилии сверху, и верность в груди,
И сорок бессмертных, и трон посреди.
Я спутал счета и в салон достославный
Привел деревенщину с буквой заглавной,
В блестящий салон якобинца привел,
Капрала в полковники я произвел,
Наделал гиен из частей предложенья
И гидру анархии в каждом спряженье.

Сознание сделано. Что ж, господа!
Сказал я струям Ипокрены: «Вода!»
Плодам золотым удивительным: «Груши!»
Умнейшим ученым: «Ослиные уши!»
Всей литературе: «Республикой будь,
Живи, наслаждайся, работай и — в путь!»
Всю область поэзии, все ее грезы
Я бросил в собачники изменной прозы.
Но это еще до меня свершено.
Все музы, все девять со мной заодно,
Со мной Каллиопа, со мною Эвтерпа, —
Как мало богатства, как много ущерба!
Ну что ж, проклинайте! — Он встал у ворот.
Двенадцатисложный, тревожный народ,
Что прыгал, как девочка через скакалку,
Согласно просодии только под палку.
Он палку швырнул и скакалку отверг
И вольною птицею ринулся вверх,
И, сдвинув резак пресловутой цезуры,
Мой жаворонок утопает в лазури.
Поэзия стала проста и ясна.
Писателям снова свобода дана.
По милости этих лихих террористов,
Отброшен плачевных грамматиков приступ.
И воображение и правда, кружа
Умы обывателей и буржуа,
Отлично справляются с праздничным пиром,
Якшаются с Плавтом, хохочут с Шекспиром.
Плавт — в обществе черни, Шекспир — среди фей.
Библейская мудрость — наш горький трофей,
Рассудок Горация — наша добыча,
Небесная синь — наш безумный обычай.
Шалунья Поэзия, в пламени вся,
По лестницам времени свет вознося,

Все дальше, все выше ведет нас и гонит,
Порой о скорбях человеческих стонет,
Порой утешает и в струны звенит,
Порой отражает надир и зенит, —
О лира летящая, песнь вихревая,
Ты мчишься, крылами весь мир покрывая!

Движенье закончило дело свое
Во имя свободы, во славу ее.
Опять революция вверх вырастает.
Читатель о ней в каждой книге читает.
Кричит, и поет, и смеется она,
До всех достучавшись, со всеми дружна.
В романах звучит ее шепот для женщин.
Но двойственным светом тот пламень увенчан,—
Для граждан один, для ученых другой.
Сестрицу свободу обнявши рукой,
Вошла революция внутрь нашей жизни.
И все заблужденья, все липкие слизи,
Все дохлые бредни тупой головы
Должны раствориться в господстве молвы,
Звучащей от сердца и сказанной прямо.
Она — и поэма, и проза, и драма,
И глина, и краски, и строф череда,
Фонарь городской, и на небе звезда.
Она — языка подземельные недра
И рупор летящего поверху ветра.
Так хочет господь, чтобы ныне она
Будила от тысячелетнего сна
И в толпах отверженных смело и здраво
Рождала бы мысль, подтверждала их право.

(«Созерцания», 1856)

НАДПИСЬ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ
«БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»

Однажды человек мне пересек дорогу.
Он был закутан в плащ, как в консульскую тогу,
И странно черен был под звездами плеяд.
Остановясь, вперил в меня запавший взгляд,
Горящий пламенем и грозно одичалый,
И молвил:

— Я стоял как горный кряж сначала
И заслонял собой безмерный кругозор,
Потом разбил тюрьму и сделал зрячим взор,
Прошел одну ступень по лестнице явлений,
И мощным дубом стал для гимнов и молений,
И шелестом листвы будил ночную синь.
Потом в обличье льва среди нагих пустынь
Рычаньем оглашал полуночные дали.
Теперь я человек. Мне имя Данта дали.

(«Созерцания», 1856)

СТАТУЯ

Катилась римская империя во мглу.
Погибший Карфаген сквозь пламя и золу
Желал и ей расплаты срочной.
Все, что в ней славилось, рассыпалось во прах.
Кончался мощный мир в полуночных пирах,
Еще надменный и порочный.

Он был богат и пуст, и тщетно попирал
Своих бесчисленных рабов. Он умирал,
Не слыша собственного стога.
Вино, да золото, да кровь в конце концов,
Да евнухи взамен державных мудрецов,
Да Тигеллин взамен Катона.

То было зрелище не для людских очей.
Отшельники пещер в глубокой тьме ночей
О нем раздумывали глухо.
В течение трех веков господствовала тьма.
Народы слышали, что катятся грома
Над трижды проклятой разрухой.

Лень, Роскошь, и Разврат, и Ненависть, и Спесь,
И Скупость, и Алчба изнемогали здесь,
Вытьем вселенную наполнив.
Ударила гроза во мглу их сонных век,
И на мечях семи архангелов навек
Остался слабый отблеск молний.

А Ювенал — поэт безумных этих дней —
Стал ныне статуей. Сверкает соль на ней.
Он страж полуночного храма.
К подножью голому не ластится трава.
И в сумрачных глазах читаем мы слова:
— Я слишком много видел срама.

(«Созерцания», 1856)

---

* * *

Скупая, чахлая, иссохшая земля.
Где люди трудятся, сердца не веселя,
Чтоб получить в обмен на кротость и упорство
Горсть зерен иль муки для их лепешки черствой;
Навеки заперты среди бесплодных нив
Большие города, что, руки заломив,
И мира лишены, и благодатной веры;
Там нищий и богач надменны выше меры;
Там ненависть в сердцах, там смерть, слепая тварь,
Казнит невинного и лучшего, как встарь;
А там снега вершин, за маревом туманным,
Где стыд и правота живут в ладу с карманом;
Любая из страстей рождает столько бед,
И столько волчьих стай в чащобе жрет обед;
Там — засуха и зной, тут — северная вьюга;
Там океаны рвут добычу друг у друга,
Полны дрожащих мачт, обрушенных во тьму;
Материки гудят, тревожатся в дыму,
И с чадным факелом рычит война повсюду,
И, села превратив в пылающую груды,
Народы к гибели стремятся чередой... —

И это на небе становится звездой!

(«Созерцания», 1856)

ЧТО Я ВИДЕЛ В ТОТ ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Когда я дверь толкнул, лачуга задрожала.
Детишки плакали. Их мать мертва лежала.
Все устрасало взгляд в жилище мрачном том.
Простерта мертвая на топчане пустом.
Ни лампы, ни свечи. Убогий угол темен.
Сквозь дыры в потолке торчат пучки соломин.
Ребята сгорбились, молчат, как старики.
Как предрассветный луч, как сквозь туман реки,
Лицо покойницы блестит улыбкой странной.
И старший, лет шести, промолвил: «Ах, как рано
Ушла она от нас, как стало нам темно!»
Здесь преступление сейчас совершено.
Я вижу, вот оно! Под солнцем дня лучистым
Та женщина была созданием кротким, чистым.
Всевышний, знающий глубины наших душ,
Ей счастье обещал. Был у нее и муж,
Рабочий молодой. Без горечи, без злобы
Шли по земле они, дружили честно оба.
Сначала был убит холерой муж. Вдова,
Мать четырех детей, от горя чуть жива,
За труд мужской взялась неутомимо, скромно,
Самостоятельно, упорно, экономно...
Постель без одеял, лачуга без огня.
Нигде не жалуясь, достоинство храня,
Мать штопает старье, плетет рогожу, вяжет,
Не разогнет спины, до света спать не ляжет,
Чтоб накормить детей — куда там подремать!..
Однажды к ним войдут, — прикончил голод мать.
О да, кусты полны малиновок поющих!
Грохочут кúзницы от молотов кующих.
Ждут маски на балу, чтоб кто-то их искал.
Есть нежный поцелуй, и волчий есть оскал.
Все на земле живет. Барыш купцом подсчитан.

Кареты катятся. Смех — вот опять звучит он.
Жрут землю поезда. Нарядный пароход
Гудит над зеркалом морских соленых вод.
И среди общего движения и света
Скончалась в хижине страдальца вот эта.
Встал голод, как вампир, и взвыл, ожесточась,
И скрытно к ней вошел, и в полуночный час
Сдавил он глотку ей. Конец несчастной жуток.

Да, голод — это взгляд бульварных проституток,
Дубинка и кастет грабителя, рука
Ребенка, что крадет бутылку молока,
Бред лихорадочный, предсмертное хрипенье
На ложе нищенском у гробовой ступени.
Избыточен твой сад, создатель наш, увы!
Земля полна плодов, и злаков, и травы;
Где лес кончается, там зеленеет поле.
Меж тем как все живет по милосердной воле.
И муха кормится на ветке бузины,
И пташка пьет вздох из чистой быстрины,
И дарит кладбище стервятникам их ужин,
Меж тем как каждый зверь живой природе нужен,
И здравствуют шакал, и тигр, и василиск, —
Погибнет человек! Предъявим общий иск!
Голодной смертью строй общественный затронут.

Вот сирота, господь! Он в саван запеленут,
Со дня рождения лишен твоих щедрот.
Ты гнезда дал птенцам. Но ты забыл сирот.

(«Созерцания», 1856)

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ГРАНТА

Народ Америки, свободный властелин,
Твои вершины — Пенн, и Фультон, и Франклин.
Республиканских зорь высокое сиянье,
Ты именов своим прикроешь злодеянье?
Чтоб натравить Берлин солдатский на Париж,
Ты славишь ясный день, но тьме благоворишь
И хочешь превратить свободу в ренегата.
Вот, значит, для чего на палубе фрегата
Когда-то протянул вам руку Лафайет!
Распространяя ночь, вы тушите рассвет.
Как! Громко возглашать, что выше правды — сила?
Что звон тупых мечей она благословила,
И был ошибкою труд двадцати веков,
И вся история — работа червяков,
И молодой народ стал себялюбцем лютым.
Нет бесконечности, нет связи с абсолютом.
Кто палку взял, тот прав, он вам необходим.
Свобода, право, долг рассеялись, как дым.
И будущего нет, и обезглавлен разум,
И мудрость не зовет своим благим приказом.
Книг не писал Вольтер, законов не дал бог —
Раз прусский офицер кладет на стол сапог!

А ты, чья виселица висится во мраке,
У грани двух миров, в их разъяренной драке,
Джон Браун, ты, чья кровь уроком нам была,
Ты, гневный мученик, ты страстотерпец зла,
Восстань, задушенный, из темноты могильной
И отхлещи в лицо своей веревкой мыльной
Того, по чьей вине историк скажет так:
— Свобода Франции с отрядом братских шпаг
На помощь к вам пришла в далекую годину.
Затем Америка ей нож воткнула в спину...

Пускай любой дикарь пустынных берегов,
Гурон, скальпирующий собственных врагов,
Кровавого вождя германцев почитает.
Что ж, краснокожий прав, он сам о том мечтает
И на свирепый бой глядит во все глаза:
Деревьям нравятся дремучие леса.
Но если человек был воплощением права
И героическая колумбийцев слава
Не меркла в памяти Европы целый век;
И если ползает свободный человек
Пред грязным призраком минувшего на брюхе,
И нагло раздаёт парижской славе плюхи,
И, императору открыв свою страну,
Он наводнил во всю длину и ширину
Ее тиранами, предательством и ложью,
И изнасиловал ее на гнусном ложе,
И видит целый мир, как в беге колесниц
Пред кесарем его страна простерлась ниц, —
Пускай же сдвинутся великие надгробья,
И кости затрещат во тьме, в земной утробе,
И павшие борцы подавят тяжкий стон.
Костюшко задрожит! Спартак забудет сон!
Воспрянет Джефферсон! И Мэдисон восстановит!
И Джексон руки в ночь ужасную протянет!
И закричит Адамс! И, разучившись спать,
Линкольн почувствует, что он убит опять!
Так возмутись, народ! Восстань грозой мятежной!
Ты знаешь, как тебя люблю я братски нежно,
Но об Америке сегодня слезы лью,
О ней, теряющей былую честь свою,
Чье знамя звездное сияло вашим дедам.
Гнал Вашингтон коня к блистательным победам
И пригоршнями искр осыпал синий шелк
В свидетельство того, что выполнил свой долг.
Взошел его посев, расцвел он нивой звездной.
Я плачу. Кончено. Об этом думать поздно.
Загублен звездный стяг и омрачен навек.
Так будь же проклят тот несчастный человек,
Который замарал ручищею кровавой
Сиянье звездное старинной вашей славы!

(«Грозный год», 1872)

ПЕРЕД ЗАКЛЮЧЕНИЕМ МИРА

Когда предпишут нам пруссаки
Свой подлый мир невядалеке,
Пусть Францию считает всякий
Стаканом в грязном кабаке:

Вино допив, его разбили.
Страна, что ярко так цвела,
В таком богатом изобилье,
Кому-то под ноги легла.

А завтра вдвое будет горше, —
Допьем ничтожество свое.
Вслед за орлом явился коршун,
Потом взовьется воронье.

И Мец и Страсбург — гибнут оба,
Один — на казнь, другой — в тюрьму.
Седан горит на нас до гроба,
Подобно жгучему клейму.

Приходит гордости на смену
Стремленье жизнь прожить шутя
И воспитать одновременно
Не слишком честное дитя;

И кланяются лишь на тризне
Великим битвам и гробам,
И уважение к отчизне
Так не пристало низким лбам;

Враг наши города увечит,
Нам тень Аттилы застит свет,
И только ласточка щебечет:
«Французов больше нет как нет!»

Повсюду толки о Базене.
Горнист, играющий отбой,
И не скрывает омерзенья,
Когда прощается с трубой.

А если бой, то между братьев...
Давно Баярд в гробу лежит.
Убийца, часу не потратив,
Убьет и тут же убежит.

На стольких лицах ночь немая.
Никто не встанет в полный рост.
И небо, срам наш понимая,
Не зажигает больше звезд.

И всюду сумрак, всюду холод.
Под сенью траурных знамен
Мир меж народами расколот,
Он тайной злобой заменен.

Мы и пруссаки в деле этом
Виновны больше остальных.
И наш закат стал их рассветом.
И наша гибель — жизнь для них.

Конец! Прощай, великий жребий!
Все преданы, — все предают.
Кричат о знамени: «Отребье!»
О пушках: «Струсили и тут!»

Ушла надежда, гордость — тоже.
Мертв многовековой кумир.
Не дай же Франции, о боже,
Свалиться в черный этот мир!

(«Грозный год», 1872)

ТЕМ, КОМУ СНИТСЯ МОНАРХИЯ

Я — сын республики и сам себе управа.
Поймите: этого не голосуют права.
Вам надо назубок запомнить, господа:
Не выйдет с Францией ваш фокус никогда.
Еще запомните, что все мы, парижане,
Деремся и блажим Афинам в подражанье;
Что рабских примесей и капли нет в крови
У галлов! Помните, что, как нас ни зови,
Мы дети гренадер и гордых франков внуки.
Мы здесь хозяева! Вот суть моей науки!
Свобода никогда нам не болтала зря.
И эти кулаки, свой правый суд творя,
Сшибали королей, сшибут прислугу быстро.
Наделайте себе префектов и министров,
Послов и прочее! Роднитесь меж собой!
Толстейте, подлецы! Пускай живет любой
В наследственном дворце среди утех и шуток.
Старайтесь тешить нрав и ублажать желудок
И благоденствуйте, швыряя серебром, —
Пожалуйста! Мы вас за горло не берем.
Грехи отпущены. Народ презренье копит.
Он спину повернул и срока не торопит.
Но нашей вольности не трогать, господа!
Она живет в сердцах, спокойна и тверда,
И знает все дела, ошибки и сужденья
И ждет вас! Эта речь звучит ей в подтвержденье.
Попробуй кто-нибудь, посмей коснуться лишь —
Увидишь сам, куда и как ты полетишь!
Пускай и короли, воришек атаманы,
Набьют широкие атласные карманы
Бюджетом всей страны и хлебом нищих, но
Права народные украсть им не дано.
Республику в карман не запихнете, к счастью!

Два стана: весь народ — и клика вашей масти:
Голосовали мы, — проголосуем впредь.
Прав человеческих и богу не стереть.
Мы — суверен страны. Нам все-таки угодно
Царить, как хочется, и выбирать свободно,
И списки составлять из нужных нам людей.
Мы просим в урны к нам не запускать когтей!
Не смей мошенничать, пока здесь голосуют!

А кто не слушает, такой гавот станцуют,
Так весело для них взмахнут у нас смычки,
Что десять лет спустя быть им белей муки!

(«Грозный год», 1872)

ГОРЕ

Памяти сына

Шарль, мой любимый сын! Тебя со мною нет.
Ничто не вечно. Все изменит.
Ты расплываешься, и незакатный свет
Всю землю сумраком оденет.

Мой вечер наступал в час утра твоего.
О, как любили мы друг друга.
Да, человек творит и верит в торжество
Непрочно сделанного круга.

Да, человек живет, не мешкает в пути.
И вот у спуска рокового
Внезапно чувствует, как холодна в горсти
Щепотка пепла гробового.

Я был изгнанником. Я двадцать лет блуждал
В чужих морях, с разбитой жизнью,
Прощенья не просил и милости не ждал:
Бог отнял у меня отчизну.

И вот последнее — вы двое, сын и дочь,
Одни остались мне сегодня.
Все дальше я иду, все безнадежней ночь.
Бог у меня любимых отнял.

Со мною рядом шли вы оба в горький час
По всем дорогам бесприютным.
Мать пред кончиною благословила вас,
Я воспитал в изгнание трудном.

Подобно Иову, я, наконец, отверг
Неравный спор и бесполезный.
И то, что принял я за восхождение вверх,
На деле оказалось бездной.

Осталась истина. Пускай она слепа.
Я и слепую принимаю.
Осталась горькая, но гордая тропа —
По крайней мере, хоть прямая.

(«Грозный год», 1872)

---

* * *

Проходит пленница. Она в крови. Она
Неведомо в каких делах уличена.
Ее бранят, клянут, пинают, как скотину.
Ткет ненависть вокруг несчастной паутины.
Что сделала она? Обыскивайте тьму,
Обшарьте весь Париж в пожарах и в дыму.
Ответа не найдешь и у самой несчастной.
Понятие вины для разума неясно.
Глухим советчиком был голод, только он.
Что голод подсказал — голодному закон.
Он душу темную для преступленья будит,
К наклонной плоскости скользить ее принудит.
Заговорит инстинкт, и темная душа
Сквозь вихорь роковой летит, едва дыша.
Гражданская война, как только в город входит,
На каждой площади дремучий лес возводит.
В простых словах: «Я нищ, а у других все есть,
Мне нечего надеть, мне нечего поесть» —
Причина многих зол и многих бед причина,
И вот уже несет несчастную пучина...
Она бредет среди безжалостной толпы.
Ударили в глаза карателям снопы
Их ослепительной победы и расправы.
Версальцы празднуют сегодня пир кровавый.
Там раздается смех. Там дети всей гурьбой
Бегут за пленницей, кричат наперебой.
Она не задрожит, не слышит брани грубой.
Ей складка горькая кривит сухие губы.
Ужасные глаза не видят ничего,
И солнце для нее уныло и мертво.
А женщины меж тем, гулявшие в аллее,
Белея шляпками и розами алея,
К своим любовникам прильнувшие сейчас,

Взмахнули ручками и, красотой кичась,
Сбегаются. Ага! Ты поймана, чертовка!
И зонтик шелковый уже направлен ловко,
И каждая из них играет в палача
И рану пленнице наносит хохоча.
Я с пленницей делю и срам ее, и муки.
Волчицу бешено приканчивают суки.

(«Грозный год», 1872)

---

* * *

Рассказ той женщины был краток: — Я бежала,
Но дочь заплакала, и крепче я прижала
Ее к груди: боюсь, услышат детский крик.
У восьмимесячной и голос не велик,
И силы, кажется, не больше, чем у мухи...
Я поцелуем рот закрыла ей. Но в муке
Хрипела девочка, царапала, рвала
Мне грудь ручонками, а грудь пуста была.
Всю ночь мы мучились. Ей стало тяжелее.
Мы сели у ворот, потом ушли в аллею.
А в городе — войска, стрельба, куда ни глянь.
Смерть мужа моего искала. В эту рань
Притихла девочка. Потом совсем охрипла.
И занялась заря. И доченька погибла.
Я лобик тронула — он холоден как лед.
Мне стало все равно — пускай хоть враг убьет...
И выбежала вон из парка как шальная.
Бегу из города, куда, сама не знаю.
Вокруг прохожие... И на поле пустом,
У бедного плетня, под молодым кустом,
Могилу вырыла и схоронила дочку,
Чтоб хорошо спалось в могиле ангелочку.
Кто выкормил дитя, тот и земле предал.

Стоявший рядом муж внезапно зарыдал.

(«Грозный год», 1872)

---

* * *

За баррикадами, на улице пустой,
Омытой кровью жертв, и грешной, и святой,
Был схвачен мальчуган одиннадцатилетний.
— Ты тоже коммунар? — Да, сударь, не последний!
— Что ж! — капитан решил. — Конец для всех —
расстрел.

Жди, очередь дойдет! — И мальчуган смотрел
На вспышки выстрелов, на смерть борцов и братьев.
Внезапно он сказал, отваги не утратив:
— Позвольте матери часы мне отнести!
— Сбежишь? — Нет, возвращусь! — Ага, как ни верти,
Ты трусил, оголец! Где дом твой? — У фонтана. —
И возвратиться он поклялся капитану.
— Ну живо, черт с тобой! — Сбежавшего кляня,
Хохочет офицер, гогочет солдатня.
С хрипеньем гибнущих смешался смех победный.
Но стихло все, когда внезапно мальчик бледный
Предстал им, гордости суровой не тая.
Сам подошел к стене и крикнул:— Вот и я!

И устыдилась смерть, и был отпущен пленный.

Дитя! Пусть ураган, бушуя во вселенной,
Смешал добро со злом, с героем подлеца,
Что двинуло тебя сражаться до конца?
Невинная душа была душой прекрасной.
Два шага сделал ты над бездною ужасной:
Шаг к матери один и на расстрел — второй.
Был взрослый посрамлен, а мальчик был герой.
К ответственности звать тебя никто не вправе.
Но утренним лучам, ребяческой забаве,
Всей жизни будущей, свободе и весне —
Ты предпочел прийти к друзьям и встать к стене.

И слава вечная тебя поцеловала.
Когда-то в Греции поклонники, бывало,
На меди резали героев имена
И прославляли их земные племена.
Парижский сорванец, и ты из той породы!
И там, где синие под солнцем блещут воды,
Ты мог бы отдохнуть у каменных вершин.
И дева юная, свой опустив кувшин
И мощных буйволов забыв у водополя,
Смущенно издали следила б за тобою.

(«Грозный год», 1872)

РАССТРЕЛЯННЫЕ

Свершилось. Всюду смерть. Не надо жалких фраз.
К проклятой той стене придем в последний раз.
Все вихрем сметено. Запомним эту дату.
Воскликнул человек: — Прощай, мой брат! — солдату.
Сказала женщина: — Мой муж убит, а мне,
Виновен он иль нет, осталось встать к стене.
Раз мы делили с ним всю жизнь нужду и горе,
Раз муж товарищем мне был, то я не спорю.
Вы мужа отняли, пришел и мой конец.
Стреляйте прямо в грудь. Спасибо за свинец. —
На черных площадях лежат вповалку трупы.
Шло двадцать девушек. Конвой забрал всю группу.
Но песня девушек, живая прелесть их
Встревожили толпу. И общий гомон стих.
Прохожий удивлен: — Куда же вы, красотки?
— Нас гонят на расстрел, — раздался голос кроткий.
В казарме мрачный гул. Казарма заперта.
Но кажется, что гром ворочает ворота,
Ведущие в ничто. Ни вскрика, ни рыданий.
Как будто смерть сама стыдится страшной дани,
А тысячи спешат из мрака и нужды
На волю вырваться — и гибелью горды.
Они спокойны. Всех к стене поставят рядом.
Вот внучка с дедушкой. Старик с померкшим взглядом.
А внучка весело кричит команду: «Пли!»

Они свой горький смех с презреньем пронесли
В конце трагедии, как знамя. В чем же дело?
Иль жизнь им не мила, иль кровь похолодела?
Задумайся о них, мыслитель и пророк!
Пришел чудесный май, пришел для сердца срок
В цветенье, в радости блаженной раствориться.
Ведь эта девушка смеяться мастерица.

Проснулось бы дитя при солнечных лучах.
Согрелся бы старик, что в декабре зачах.
Ведь эти существа, ведь эти парижане
Могли бы услышать пчелиное жужжанье,
И пенье ранних птиц, и аромат цветов.
Ведь каждый юноша влюбиться был готов...
Но в долгожданный миг весеннего расцвета
Пришла безглазая и прекратила это!
Внезапно выросла на черном их пути!
Могли бы воплями все небо потрясти,
Призвать на помощь всех, провозглашая всюду
Позор карателям, проклятье самосуду,
Иль ползать у стены, или в толпе пропасть,
Укрыться, убежать, взмолиться и проклясть,
Завыть от ужаса... Нет! Не было в том нужды.
Всему, что свершено, они остались чужды.
Не крикнули: «Постой! На помощь! Пощади!»
Не ужаснулись, что могила впереде.
Как будто весть о ней давно в мозгу звенела
И яма братская в самой душе чернела.
Смерть, здравствуй!

С нами жить — невыносимо им.

Что же мы сделали согражданам своим?
Мы разоблачены. Кто мы такие с вами,
Что перед этими кладбищенскими рвами
У них ни жалобы, ни вздоха не нашлось?
Мы плачем, — только мы. А им не надо слез.
Откуда этот мрак? Но ни тревогой поздней,
Ни поздней жалостью не уничтожишь розни.
Как защитили мы тех женщин? Как и где
Трепещущих детей лелеяли в нужде?
Работу дали им, читать их научили?

Не дали ничего — и ярость получили!
Ни света, ни любви! И в нищете нагой
Был голоден один и замерзал другой
Горит ваш Тюильри, в отместку подожженный!
И вот от имени всей голытьбы сраженной
Я объявляю вам, бездушные сердца,
Что мертвое дитя дороже нам дворца.
Вот почему они так грозно погибли,
Не жаловались нам и шеи не сгибали,

Шли равнодушные, веселые вперед
И молча рухнули, когда настал черед.
Приговоренные расстреляны сегодня.
Нужда безвыходна — но гибель безысходней.

. . . . .
Поймите! Саваны покрыли их тела.
Я говорю, что тень содеянного зла
Висит над обществом, безжизненным отныне.
Что их предсмертный смех грознее, чем унынье.
Что должен трепетать живущий человек
Пред этой легкостью уйти от нас навек!

(«Грозный год», 1872)

СУД НАД РЕВОЛЮЦИЕЙ

Вы революцию призвали к трибуналу
За то, что, грозная, безжалостно изгнала
Факиров, дервишей, полночных сов, ворон;
За то, что нанесла церковникам урон;
За то, что, поглядев в глаза им неприкрыто,
Принудила бежать попа и иезуита.
Вы негодуете!

Да, верно, это так!

Божественность — ничто, и царственность — пустяк.
Все папские шуты, затрепетав, притихли,
И потускнели все, и завертелись в вихре.
И вы разгневаны, вы — мощный трибунал.
Вот горе! Черный мрак затрясся, застонал.
Ночные пиршества кончаются навеки.
Мир Сумрака хрипит, смежая насмерть веки.
Ужасно!.. День встает. Спустился в норку крот.
И мышь летучая ослепла в свой черед.
Светляк теряет спесь. Лисица горько плачет.
Шакал полночную свою добычу прячет,
При первом крике птиц в берлоге заперся.
От воя волчьего гудит чашоба вся.
Не знают призраки, как быть, за что приняться.
О, если все-таки захочет день заняться
Истоит на том, чтобы покончить с тьмой, —
Вампир от голода издохнет, боже мой!
Заря безжалостно разрушит царство это!

Вы, судьи, судите преступный луч рассвета!

(«Грозный год», 1872)

ВО МРАКЕ

Старый мир

Волна! Не надо! Прочь! Назад! Остановись!
Ты никогда еще так не взлетала ввысь!
Но почему же ты угрюма и жестока?
Но почему кричит и воеет пасть потока?
Откуда ливень брызг, и мрак, и грозный гул?
Зачем твой ураган во все рога подул?
Валы вздымаются и движутся, как чудо...
Стой! Я велю тебе! Не дальше, чем досюда!
Все старое — закон, столбы границ, узда,
Весь мрак невежества, вся дикая нужда,
Вся каторга души, вся глубь ее кручины,
Покорность женщины и власть над ней мужчины,
Пир, недоступный тем, кто голоден и гол,
Тьма суеверия, божественный глагол, —
Не трогай этого, не смей сдвигать святыни!
Молчи! Я выстроил надежные твердыни
Вкруг человечества! Крепка моя стена!
Но ты еще рычишь? Еще растешь, волна?
Кипит водоворот, немилосердно воя.
Вот старый часослов, вот право вековое,
Вот пляшет эшафот на гребне волн крутых...
Не трогай короля! Увы, король — бултых.
Не оскорбляй святых, не подступай к ним близко!
Стой — это судия! Стой — это сам епископ!
Сам бог велит тебе, — прочь, осади назад!..
Как? Ты не слушаешь? Твои валы грозят
Уничтоженьем — мне, моей ограде мирной?

Волна

Ты думал, я прилив, — а я потоп всемирный!

(«Грозный год», 1872)

КАССАНДРА

Аргос. Перед дворцом.

Кассандра на колеснице. Клитемнестра.

Х о р

Это царская дочь. Есть у пленницы право
Не сойти, не сходить с колесницы кровавой.
После гибели Трои застыла она,
Неподвижна, как мрамор, как снег, холодна,
Онемела и в гордой печали не дышит
И всем сердцем грядущие бедствия слышит, —
Может быть, со своим божеством говорит.
Может быть, Аполлон над царевной царит,
И, в печальном молчанье ее обнаружась,
Он туманит ей мозг и внушает ей ужас.
Что за беды предвидит она на земле,
Что за мрачное пламя на бледном челе?
Видно, это пророчица, а не царевна,
Исступленная жрица, глядящая гневно,
Поднялась в колеснице у царских ворот.
И беспечный, хохочущий, праздный народ,
Тот, что пленников копьями колет и гонит,
Молча перед страдалицей голову клонит.

К л и т е м н е с т р а

Эй, рабыня! Склонись! Ты не дома у нас!

Х о р

Повинуйся! Исполни царицын приказ!

К л и т е м н е с т р а

Нету времени мне объясняться с тобою.
Возвращается царь после грозного боя.
Если эллинский говор тебе незнаком,

Мы и варварским заговорим языком.
Ты пришла из страны, где слуга и владыка
Выражаются знаками, молча и дико.

Х о р

Может быть, наши граждане к ней подойдут
И понятные ей выраженья найдут,
Может быть, и смирится несчастный звереныш.

К л и т е м н е с т р а

Нет, меня этим странным несчастьем не тронешь.
Пусть рыдает о жребии жалком своем,
Мы до времени цепью ее не скуем,
Не нуждаемся мы в обращенье жестоком.

Клитемнестра уходит.

Х о р

Вот наш добрый совет. Преклонись перед роком.
Жди решенья владычицы. Встань у колонн.

К а с с а н д р а

Боги света и тьмы! Аполлон! Аполлон!

А п о л л о н (во мраке)

Я с тобой. Ты бессмертна. Я взор твой открою
На пылающий Аргос, и вспомнишь ты Троию.

(«Легенда веков», 1859—1877—1883)

ЧЕТЫРЕСТА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ГОД

Германия. Лес. Сумерки. Лагерь. Майорен у бойницы.
Всю окрестность заполнила бесчисленная орда.

Человек из орды

Тебе помощь нужна, — мы стоим у ворот.

Майорен

Кто такие?

Человек

Валы океана. Народ.

Майорен

Кто ведет вас?

Человек

Никто. Первый встречный и каждый.

Майорен

Что вас гонит?

Человек

Ничто. Только голод и жажда.

Майорен

Сколько вас?

Человек

Нет числа нам. Бесчисленны мы,

Майорен

Ваша родина?

Человек
Край непогоды и тьмы.

Майорен
Это ваши арбы и телеги я вижу?

Человек
Видишь несколько тех, что находятся ближе.
Это скопище — передовой наш отряд.
Чтобы всех охватить, нужен божеский взгляд.

Майорен
Что за дело у вас?

Человек
Дела нет. Мы бродяги.

Майорен
Всполошили весь край. Обложили мой лагерь.
Сколько дней прошагала бы ваша орда
Перед римским орлом в три-четыре ряда?

Человек
Восемь дней и ночей.

Майорен
Даром время потратим.

Человек
Ты захочешь, — и быстро с тобою поладим, —
Был ничтожеством, станешь владыкой земли.

Майорен
Цезарь вас победил?

Человек
Мы его обошли.

Майорен
Сокрушили вас кимвры, тевтоны и гогы?

Человек

Истлевают их кости в краю непогоды.
Только шлемы помяты у нас да мечи.

Майорен

Что страшит вас?

Человек

Страшит неизвестность в ночи,
Лютый холод, да ливни, да молнии в тучах,
Да безлюдье, да голод, — никто из живущих...
Мы сильнее всех тварей, бродящих вокруг,
И боимся одних только божеских рук.
Ищем места под солнцем полуденным божьим.
Обещай нам его, и тебе мы поможем.
Примешь нас — будет мир, а не примешь — война.

Майорен

Угрожаете?

Человек

Нет.

Майорен

Сам боишься меня?

Человек

Кто ты? Воин и римлянин? Это немного.

Майорен

Что же дальше?

Человек

Далекая наша дорога.
Бесконечность, неведомый людям предел.
Я мерцанье далекое там разглядел,
Полвселенной лучами оно охватило.

Майорен

Назови себя. Как твое имя?

Человек

Аттила.

(«Легенда веков», 1859—1877—1883)

ПЕСНЯ КОРАБЕЛЬНЫХ МАСТЕРОВ

На боевой оснастке флота
Сверкает наша позолота.
Над прозеленью волн крутых
Разгуливает ветер шалый.
Природа с тенью свет смешала
В несчетных бликах золотых.

Шквал бешено и прихотливо
Ломает линию прилива.
Случайность на море царит.
Куда ни глянь — игра повсюду.
Подобен призрачному чуду
Наш раззолоченный бушприт.

Волна грозит ему изменой,
Но блещет золото надменно —
Изделье нашей мастерской,
Оно само мишень для молний,
Но взор вперяет, гнева полный,
В седой туман, в простор морской.

Король взимает дань дневную.
Султан, несчетных жен ревнуя,
Добычи новой не лишен, —
Сегодня на галдящем рынке
Рабынь скупил он по старинке,
Всех, без разбора, нагишом.

Белы или чернее сажи
Красавицы на распродаже,
Все, из каких угодно стран,
Товаром станут окаянным.
Так входит в сделку с океаном
Работорговец и тиран.

У деспота и урагана,
У молнии и ятагана
Хозяйство исподволь растет.
Здесь отдыха ни у кого нет,
Шторм непрерывно волны гонит,
Царь подданных своих гнетет.

А мы любим владыкам служим,
Поем, трудясь над их оружием.
Эмир, в глазах твоих свинец, —
Меж тем как в песне нашей честной,
Как в гнездышке, в листве древесной
Трепещет маленький птенец.

Природа-мать спокойно дышит,
И кротко колыбель колышет,
И пестует чужих детей.
Пусть наша песня дальше льется,
А в ней неволью отдается
И гул громов, и стон смертей.

И если надобно султанам
Жить в опьяненье непрерывном —
Пускай выходят из игры
В разгар грехов, в цвету желаний.
Но есть в лесу для каждой лани
Темно-зеленых мхов ковры.

Любой подъем с паденьем связан.
Любой огонь затлеть обязан.
Могила ищет старика.
Над пляской волн, над пенем бури,
Над зыбким зеркалом лазури
Ползут часы, летят века.

На золотых бортах галерных
Ты шесть десятков весел мерных
Движенью вечному обрек.
Они легко взлетают к высям.
Но каждый взлет весла зависим
От каторжников четырех.

(«Легенда веков», 1859—1877—1883)

РОЗА ИНФАНТЫ

Она еще дитя. Ее ведет дуэнья.
Сжав розу в пальчиках, глядит без удивленья,
Глядит бессмысленно. На что?.. Вот водоем,
Дробящий в зеркале таинственном своем
Седые пинии. Вот лебеди белеют.
Вот волны зыбкие в полудремоте млеют.
Вот светом залитой большой цветущий сад.
И нежный ангелок бросает взгляд назад.
Там высятся дворцы — седые исполины.
Там синева озер, блестящие павлины
И лани, пьющие в озерах. И дитя
Любуется на все, с дуэньей проходя.
При виде грации, трепещущей несмело,
Как будто и трава нежней зазеленела
И превращается в чистейший изумруд,
Дельфины брызгами сапфирными плюют.
А девочка с цветка отвести не может взора.
На юбке кружевной тончайшего узора
Меж складок прячется расшитый арабеск,
И сыплет золото свой флорентийский блеск.
А роза лепестки меж тем раскрыла сразу.
Раздвинутый бутон — как маленькая ваза,
И ваза хрупкую ручонку тяготит.
И, губы вытянув, ребенок вновь глядит
И морщится слегка, вдыхая благовонье.
И роза яркая в пурпуровой короне
Закрыла розовое личико собой.
И роза и дитя — как в дымке голубой.
И глаз колеблется, не видит грани зыбкой
Меж розовым цветком и розовой улыбкой.
И синие глаза ребенка все синей.
Вся красота весны, вся прелесть мира в ней,
В больших ее глазах и в имени Марии.

Смотри на девочку и сердце подари ей!
Но пятилетняя, бросая взгляд вокруг,
Свое владычество почувствовала вдруг.
Струится светотень, лазурь сверкает ярко.
Закат, пылающий великолепной аркой,
Склоняет перед ней багряные лучи.
У ног ее журчат незримые ключи.
И в средоточии всей видимой вселенной
Она ведет себя и чванно и надменно.
Любое из существ пред нею спину гнет.
Есть у нее Брабант. Но скоро день придет,
Когда вся Фландрия к ногам инфанты ляжет,
Когда Сардинии она молчать прикажет.
И слабое дитя, гуляя по земле,
Тень власти будущей пронесит на челе.
И каждый шаг ее ведет к ступеням трона.
В руках ее цветок, в мечтах ее корона:
И выражает взгляд младенца: «Все — мое!»
И каждый в ужасе невольном от нее.
И если кто-нибудь взгляд на дитя уронит,
Чтобы ее спасти, хотя бы пальцем тронет, —
Рта не раскроет он и шагу не шагнет,
Как тотчас пред собой увидит эшафот.

А у нее сейчас есть лишь одна забота —
Держать в руке цветок, дойти до поворота
Аллеи стриженной и повернуть назад.

Вечерним золотом горит роскошный сад,
И в гнездах на ветвях стихает щебетанье.
Богиням мраморным как будто грустно втайне,
Как будто боязно, что ночь уже близка.
Ни звука резкого вокруг, ни огонька.
И вечер близится, скрывая мглой растущей
И пташку на ветвях, и солнышко за тучей.
Смеется девочка и смотрит на цветок...
А между тем угрюм и набожен чертог.
Там каждый шпиль похож на пастырскую митру,
Там, за цветным стеклом, невидимый и хитрый,
Какой-то призрак есть. Он бродит по дворцу,
И тень зловещая змеится по лицу.
Порою целый день, безмолвный и недвижимый,
Стоит он у окна в тревоге непостижной.

Он в черное одет. Его землистый лик
Жесток и чопорен. Он страшен и велик.
Прижавшись лбом к стеклу, о чем-то он мечтает,
И тень его в лучах заката вырастает,
И шаг его похож на колокольный звон.
Он мог бы смертью быть, не будь монархом он.

Вот он бредет, и вся империя трепещет.
И если б видел ты, как взор усталый блещет,
Когда он бодрствует, прижав плечо к стене,
Ты смог бы разглядеть в глазах, на самом дне,
Не милое дитя, не парк в зеркальных водах,
Не солнца низкого передвечерний отдых,
Не птиц, порхающих среди густых ветвей, —
Нет, в мертвенных глазах из-под густых бровей,
В их мрачной скрытности, в их черством

честолюбье,
На самом дне зрачков, как в океанской глуби,
Ты мог бы разгадать, чем этот призрак полн:
Он видит корабли среди взметенных волн,
Лохмотья пенных брызг, и в полуночи звездной
Он видит паруса, подобно туче грозной.
Там, за туманами, есть остров меловой,
Услышавший раскат грозы над головой.

Встают пред королем все новые виденья.
Вся суша, все моря, весь мир — его владенья.
И только власть и смерть увидев пред собой,
Непобедимую армаду шлет он в бой.
И вот плывет она, плывет по глади пенной,
И завтра вызовет смятенье во вселенной.
Король следит за ней с недобрым торжеством,
Сосредоточенный в решенье роковом.

Король Филипп Второй воистину был страшен.
Его Эскуриал в ограде острых башен
Казался чудищем для всех племен и стран.
Не знала Библия, не выдумал Коран
Такого образа для воплощенья злобы.
Служил подножьем мир лишь для его особы.
Он жил невидимый, и странные лучи
Немого ужаса распространял в ночи.
Дрожали многие при виде слуг дворцовых,

Карл Пятый коршун был. Филипп Второй — сова.

В обычном грауре, в минуты торжества
Он высится, как страж неведомой судьбины,
Недвижный и сухой. Очей его глубины
Зияют отсветом пещерной пустоты.
Легонько дрогнули костлявые персты,
Чтоб мраку дать приказ и сделать росчерк зыбкий.
Но что за чудеса! Подобие улыбки
Непроницаемой уста кривит ему.
Он видит сквозь туман, сквозь тучи и сквозь тьму
Свой флот, отстроенный и мощно оснащенный,
Заветную мечту он видит воплощенной —
Он воспарил над ней высоко в небеса.
Послушен океан. Надуты паруса.
Непобедимая снаряжена армада
И держит курс вперед. И все идет, как надо.
Порядок шахматный ровняют корабли.
Лес вознесенных мачт, прочерченных вдали,
Покрыл морскую ширь решеткой, как на плане,
Свирепые валы смиряются заране.
К причалу корабли течением влечет.
Куда ни глянь — везде им помощь и почет.
Все глаже гладь воды, все тише плеск прибоя,
И море пенится, жемчужно-голубое.
Галеры на подбор. На скамьи для гребцов
И Эско и Адур прислали храбрецов.
Сто рослых штурманов, два зорких полководца.
Германия прислать орудия клянется.
Там сотня бригантин. Сто галиотов тут.
Неаполь, Кадикс, Лиссабон приказа ждут.
Филипп склоняется. Что значит расстоянье!
Не только видит он, но слышит в океане.
Вот, ринувшись к бортам, завыли в рупора.
Сигнальные флажки взвиваются с утра.
Вот адмирал, склонясь к плечу пажа, смеется,
Дробь барабанная. Свистки. И раздается
Сигнал: «На abordаж!» По вражеским бортам
Залп! Вопли раненых. И снова залп! А там —
Что это? Крылья птиц иль паруса белеют?
Иль башни рушатся и в дымных тучах тлеют?
Крепчает дикий шторм. В разгаре грозный бой.
Все движется пред ним на сцене голубой.

Страшна улыбка уст его землисто-серых.
Сто тысяч храбрых шпаг на ста его галерах.
Вампир оскалился. Он голод утолил,
Позором Англии себя развеселил.
Кто выручит ее? Мир порохом наполнив,
Победу празднуя, он машет связкой молний.
Кто вырвет молнии из этой пятерни?
Он выше Цезаря. Куда там ни взгляни,
Все ждет его суда, все ждет его удара —
От Ганга берегов до башен Гибралтара.
Он скажет: «Я хочу!» — и так тому и быть.
Он за волосы взял победу, чтоб добыть
Ширь океанскую без края, без преграды
Для устрашающей, для праведной армады.
И распахнулся мир! И развернулся путь!
Достаточно ему мизинцем шевельнуть,
Чтоб дальше ринулись плавучие драконы.
Да, он есть властелин единственный, исконный!
Пусть прозвучат ему стоустые хвалы!

Султан Бей-Шифразил, преемник Абдиллы,
Построивший мечеть священную в Каире,
На камне вырезал: «Аллах царит в эфире, —
Я правлю на земле». Для всех веков и стран
Лгут одинаково насильник и тиран.
То, что сказал султан, король подумал втайне.

А между тем бассейн еще хранит блистанье.
Инфанта-девочка целует свой цветок,
Любуется, смеясь, на каждый лепесток.
Вот легкий ветерок, чуть слышный, незаметный,
Подул негаданно, запел в листве несметной,
Он воду зарябил, и шевелит тростник,
И легким трепетом в огромный парк проник,
И дерево встряхнул, и, словно ненароком,
Коснулся девочки крылом своим широким,
Дохнул на личико, еще дохнул, — и вот
Шесть алых лепестков плывут по глади вод...
Остался девочке лишь стебель острых терний.
И погибает она к воде вечерней.
Ей страшно. Как понять, куда цветок исчез?
Так смотрим мы порой на темный свод небес,
Оцепенелые, ждем приближенья бури...

Бассейн волнуется. Он полон был лазури,
Сверкал, как золото, — и, сразу почернев,
Кипит и пенится. В нем пробудился гнев!
И роза бедная рассыпалась и тонет.
Намокли лепестки. Их ветер дальше гонит,
И вертит медленно, и тянет их на дно.
Их участь решена. Мгновение одно —
И вот пришел конец корабликам несчастным.
Дуэнья хмурится и с видом безучастным
Ребенку говорит: «Власть ваша велика.
Все вам принадлежит — все, кроме ветерка».

(«Легенда веков», 1859—1877—1883)

МЯГКОСЕРДЕЧНЫЕ СУДЬИ

Здесь, в тесных камерах для пыток, в царстве боли,
Четыре-пять часов работали, не боле.
Сюда входил юнец, чтоб выйти стариком.
Палач знал ремесло, а судия — закон.
Здесь смешан был топор и дыба с римским правом,
Чтобы живая плоть, став месивом кровавым,
Кричала под конец, что вся она — вина.
С костями, мышцами и мозгом шла война,
Пока живая тварь вопила, искалечась,
Теряла облик свой и превращалась в нечисть.
Здесь человек служил гитарой палачам,
И страшный инструмент в агонии брэнчал.

Монахи и писцы, епископы и судьи
Пытались жалостью порой добиться сути,
Давали мученикам отдых и покой
И услаждали их страданья добротой.
Трещали страшные параграфы устава
Под треск ломаемого надвое сустава.

И вот, отечески молясь и умилясь,
Беззлобно вслушивались в скрежет пил и лязг,
И, лишь бы вырвалась обмолвка дорогая,
Дрожали, каждый вздох и стон подстерегая.
Один обманчивой надеждой оболещал,
Другой латинский стих не к месту верещал,
А третий — выдумки пастушеских идиллий...

Случалось,— плакали и эти крокодилы.

(«Легенда веков», 1859—1877—1883)

ОГЮСТ БАРБЬЕ

1805—1882

ВСТУПЛЕНИЕ

Ни кротостью, ни негой ясной
Черты любимых муз не привлекают нас,
Их голоса звучат сурово и пристрастно,
Их хор разладился, у каждой свой рассказ,

Одна, угрюмая, как плакальщица, бродит
В ущельях диких гор, у берега волн морских.
С гробницы короля другая глаз не сводит,
Владыкам сверженным свой посвящает стих,
Поет на тризнах роковых.

А третья, наконец, простая дочь народа,
Влюбилась в город наш, в его тревожный ад,
И ей дороже год от года
Волненье площадей и залпы с баррикад,
Когда, грозней, чем непогода,
Шлет «Марсельеза» свой рыдающий раскат.

Читатель-властелин, я с гордой музой этой
Недаром встретился в крутые времена,
Недаром с той поры мерещится мне где-то
На людной улице она.

Другие музы есть, конечно.
Прекрасней, и нежней, и ближе к дали вечной,
Но между всех сестер я предпочел ее,
Ту, что склоняется к сердцам мятежным близко,
Ту, что не брезгует любой работой низкой,
Ту, что находит жизнь в любой грязи парижской,
Чтоб сердце вылечить мое.

Я тяжкий выбрал труд и не знавался с ленью.
На горе голосам, звучащим все грозней,
Хотел я отвратить младое поколенье
    От черной славы наших дней.
Быть может, дерзкое я выбрал направление,
    Махины, может быть, такой
Не сдвину и на пядь слабеющей рукой,

    Но если жизнь пройдем мы розно,
    Мы оба, дети городов, —
Пусть муза позовет, ответить я готов,
Откликнуться готов на этот голос грозный!

Читатель-властелин, пусть я замедлю шаг,
    Но праведные изречения
Вот этих медных губ звучат в моих ушах.
Пусть наши партии, постыдно оплошав,
Равно повинны в преступленье —
    Но пред лицом вседневных зол
Поэт узнал свое гражданское значенье:
Он — человечества посол.

1837

ПРОЛОГ

Твердят, что мой восторг оплачен чьей-то взяткой,
Что стих мой плавает в любой канаве гадкой,
Что я, как Диоген, дырявый плащ влачу
И над кумирами из бочки хохочу,
Что все великое я замарал в чернилах,
Народ и королей, — всех разом осквернил их.
Но чем же все-таки касается меня
Та шарлатанская крикливая брехня?
Чем оскорбят меня в своем однообразье
Торговцы пафосом и плясуны на фразе?
Я не взнуздал стиха, и потому он груб, —
Сын века медного, звучит он медью труб.
Язык житейских дразг его грязнил, бывало,
В нем ненависть ко лжи гиперболы ковала.
Святошу и ханжу ни в чем не убедив,
Пускай суров мой стих, но он всегда правдив.

(1831, «Ямбы»)

РАЗДЕЛ ДОБЫЧИ

1

Когда тяжелый зной накаливал громады
Мостов и площадей пустых,
И завывал набат, и грохот канонады
В парижском воздухе не стих,
Когда по городу, как штормовое море,
Людская поднялась гряда,
И, красноречию мортир угрюмых вторя,
Шла «Марсельеза», — о, тогда
Мундиры синие, конечно, не торчали,
Какие нынче развелись.
Там под лохмотьями сердца мужчин стучали,
Там пальцы грязные впились
В ружейные курки. Прицел был дальнозорок,
Когда, патрон перегрызя,
Рот, полный пороха и крепких поговорок,
Кричал: «Стоять насмерть, друзья!»

2

А вам, молодчикам, с большим трехцветным
бантом,
Во фраках, с белой грудью, вам,
Затянутым в корсет женоподобным франтам,
Бульварным модникам и львам, —
Как вам спалось, когда, под саблями не тая,
Наперез ночной стрельбе,
Шла рвань великая, шла голытьба святая
Добыть бессмертие себе?

Был полон весь Париж чудес. Но, в малодушье,
Сиятельные господа,
От ужаса вспотев и затыкая уши,
За шторой прятались тогда!

3

В гостиных Сен-Жермен Свобода не блистала.
У ней не княжеская масть.
Ей падать в обморок от криков не пристало,
Ей незачем румяна класть.
Свобода — женщина с высокой грудью, грубо
Сердца влекущая к себе.
Ей широко шагать среди народа любо,
Служить на совесть голытьбе.
Ей любо-дорого народное наречье.
Дробь барабана ей сладка,
Пороховой дымок и где-то за картечью
Ночной набат издалика.
Она любовника в народе выбирает
И бедра отдает свои
Таким же силачам и сладко замирает,
Когда объятья их в крови.

4

Дитя Бастилии, она была в те годы
Еще невинней и страстней.
Народ сходил с ума от девочки Свободы,
Пять лет он изнывал по ней.
Но скоро, затянув походный марш в дорогу,
Швырнув колпак фригийский свой,
Она с полковником двадцатилетним в ногу
Шла маркитанткой войсковой.
И, наконец, сейчас, за дымкой предрассветной
Достаточно ей промелькнуть
В проломе черных стен косынку трехцветной,
Чтоб слезы с наших глаз смахнуть, —
Трех дней достаточно — и ветхая корона
Восставшим в руки отдана,
Двух-трех булыжников — и пыль на месте трона,
И армия отражена.

О стыд! Вот он, Париж! От гнева хорошея,
 Как был отважен наш боец,
 Когда народный вихрь свернул Капету шею
 И выкорчевывал дворец;
 Как был он сумрачен в мгновенья роковые,
 Во дни гражданских похорон:
 Зияли бреши стен, чернели мостовые
 В лохмотьях боевых знамен...
 Париж, увенчанный так щедро, так недавно,
 Вольнолюбивых стран кумир, —
 Колена преклонив перед святыней славной,
 Его недаром любит мир.
 Сегодняшний Париж — в промозглых водостоках
 Смешался с гнилью нечистот,
 Кипит бурдой страстей, стоустых и стооких, —
 Волна спадает, вновь растет.
 Трущоба грязная, где выходы и входы
 Салонной шатией кишат,
 Там старые шуты, львы прошлогодней моды,
 Ливрею выклянчить спешат.
 Толкучка зазывал, божащихся бесстыдно,
 Где надо каждому украсть
 Лоскут могущества, обломок незавидный,
 Смертельно раненную власть!

Так, если выгнанный из заповедной чаши,
 Кабан пропорот на лету
 И, наземь падая, дрожит, кровотокащий,
 В слепящем солнечном свету;
 И захлебнувшийся в пузырящейся пене,
 Стихает, высунув язык,
 И рог заливистый, хрипя от нетерпенья,
 Скликает на поле борзых;
 И свора, как хребет одной волны громадной,
 Хребтами выгнулась, рыча,
 И чует пиршество, оскаленная жадно
 На приглашенье трубача;

И стая собрана, — и прокатился в парке
И по полям свирепый лай,
И воют гончие, борзые и овчарки
Остервеневшие: «Валяй!»
Валяй! Кабан издох, — псы королями стали!
Псам эта падаль отдана!
За гонку дикую, за то, что мы устали,
Заплатим мертвому сполна!
Валяй! Псаря ушли, ошейники не душат,
Арапники не просвистят.
Кровь горяча еще! Клыки нам честно служат,
Клыки за голод отомстят...
И как поденщики, кончающие к сроку,
Разделявают тушу вмиг,
Зарывшись мордами, когтями рвут глубоко,
И свалка между псов самих, —
Ведь есть у них закон, чтобы кобель обратно
Принес обкусанный мосол,
И перед сукою, ревнующей и жадной,
Надменным щеголем прошел,
И суке доказал, как предан ей и жарок,
И, страсть собачью утоля,
Залаял весело, бросая кость в подарок:
— Я вырвал ляжку короля!

(Август 1830, «Ямбы»)

ИДОЛ

1

За дело, истопник! Раздуй утробу горна!
А ты, хромой Вулкан, кузнец,
Сгребай лопатою, мешай, шуруй проворно
Медь, и железо, и свинец!
Дай этой прорве жрать, чтобы огонь был весел,
Чтоб он клыками заблестал
И, как бы ни был тверд и сколько бы ни весил,
Чтоб сразу скорчился металл.
Вот пламя выросло и хлещет, цвета крови,
Неумолимое, и вот
Штурм начинается все злее, все багровей,
И каждый слиток в бой идет;
И все — беспамятство, метанье, дикий бормот...
Свинец, железо, медь в бреду
Текут, сминаются, кричат, теряют форму,
Кипят, как грешники в аду.
Работа кончена. Огонь сникает тлея.
В плавильне дымно. Жидкий сплав
Уже кипит ключом. За дело, веселее,
На волю эту мощь послав!
О, как стремительно прокладывает русло,
Как рвется в путь, как горяча, —
Внезапно прядает, и вновь мерцает тускло,
Вулканом пламенным урча.
Земля расступится, и ты легко и грозно
Всей массой хлынешь в эту дверь.
Рабыней ты была в огне плавильни, бронза,
Будь императором теперь!

Опять Наполеон! Опять твой лик могучий!
 Вчера солдатчине твоей
 Недаром Родина платила кровью жгучей
 За связку лавровых ветвей.
 Над всю Францией ненастье тень простерло,
 Когда, на привязи гудя,
 Как мерзкий мародер, подвешена за горло,
 Качнулась статуя твоя.
 И мы увидели, что у колонны славной
 Какой-то интервент с утра
 Скрипит канатами, качает бронзу плавно
 Под монотонное «ура».
 Когда же после всех усилий, с пьедестала,
 Раскачанный, вниз головой
 Сорвался медный труп, и все затрепетало
 На охладевшей мостовой,
 И торжествующий, вонючий триумфатор
 По грязи потащил его,
 И в землю Франции был втоптан император, —
 О, тем, чье сердце не мертво,
 Да будет памятен, да будет не просрочен
 Счет отвратительного дня,
 Нет, с лиц пылающих не смоем мы пощечин,
 Обиду до смерти храня.
 Я видел скопище повозок орудийных,
 Громоздких фур бивачный строй,
 Я видел, как черны от седел лошадиных
 Сады с ободранной корой.
 Я видел чужаков дивизии и роты.
 Нас избивали в кровь они,
 Съедали весь наш хлеб, ломились к нам в ворота,
 Дышали запахом резни,
 И мальчиком еще я увидал прожженных,
 Бесстыдных, ласковых блудниц,
 Влюбленных в эту грязь и полуобнаженных,
 Перед врагами павших ниц.
 Так вот, за столько дней обиды и бесславья,
 За весь их гнет и всю их власть
 Одну лишь ненависть я чувствую — и вправе
 Тебя, Наполеон, проклясть!

Ты помнишь Францию под солнцем Мессидора,
 Ты, корсиканец молодой, —
 Неукорощенную и полную задора
 И незнакомую с уздой?
 Кобыла дикая, с шершавым крупом, в мыле,
 Дымясь от крови короля,
 Как гордо шла она, как звонко ноги били
 В освобожденные поля!
 Еще ничья рука чужая не простерла
 Над ней господского бича,
 Еще ничье седло спины ей не натерло,
 Господской прихоти уча.
 Всей статью девственной дрожала, и, напряжась,
 Зрачками умными кося,
 Веселым ржанием она внушала ужас,
 И слушала Европа вся.
 Но загляделся ты на тот аллюр игривый,
 Смельчак-наездник, и пока
 Она не чуяла, схватил ее за гриву
 И шпоры ей вонзил в бока.
 Ты знал, что любо ей под барабанным громом
 Услышать воинский рожок,
 И целый материк ей сделал ипподромом,
 Не полигон — весь мир поджег.
 Ни сна, ни отдыха. Все мчалось, все летело.
 Всегда поход, всегда в пути,
 Всегда, как пыль дорог, топтать за телом тело,
 По грудь в людской крови идти.
 Пятнадцать лет она, не зная утомленья,
 Во весь опор, дымясь, дрожа,
 Топча копытами земные поколения,
 Неслась по следу грабежа.
 И, наконец, устав от гонки невозможной,
 Устав не разбирать путей,
 Месить вселенную и, словно прах дорожный,
 Вздымать сухую пыль костей,
 Храпя, не чуя ног, — военных лет исчадь, —
 Сдавая что ни шаг, хоть плачь,
 У всадника она взмолилась о пощаде, —
 Но ты не вслушался, палач!
 Ты ей сдавил бока, ее хлестнул ты грубо,

Глуша безжалостно мольбы,
Ты втиснул ей мундштук сквозь сцепленные зубы,
Ее ты поднял на дыбы.
В день битвы прянула, колени искалечив,
Рванулась, как в года побед,
И глухо рухнула на ложе из картечи,
Ломая всаднику хребет.

4

И снова ты встаешь из глубины паденья,
Паришь над нами, как орел,
В посмертном облике, бесплотное виденье,
Ты над вселенной власть обрел.
Наполеон уже не вор с чужой короной,
Не узурпатор мировой,
Душивший некогда своей подушкой тронной
Дыханье Вольности живой;
Не грустный каторжник Священного союза,
На диком острове вдали,
Под палкой англичан влачивший вместо груза
Дар Франции, щепоть земли.
О нет! Наполеон той грязью не запятнан.
Гремит похвал стоустый гам.
Поэты лживые и подхалимы внятно
Его причислили к богам.
Опять на всех углах его изображенье.
Вновь имя произнесено,
И перекрестками, как некогда в сраженье,
Под барабан разглашено.
И от окраинных и скученных кварталов
Париж, как пилигрим седой,
Склониться, что ни день, к подножью пьедестала
Проходит длинной чередой.
Вся в пальмах призрачных, в живом цветочном
море,
Та бронза, что была страшна
Для бедных матерей, та тень людского горя, —
Как будто выросла она.
В одежде блузника, и пьяный и веселый,
Париж, восторгом распален,
Под звуки труб и флейт танцует карманьолу
Вокруг тебя, Наполеон.

Так проходите же вы, мудрые владыки,
 Благие пастыри страны!
 Не вспыхнут отблеском бессмертья ваши лики:
 Вы с нами участью равны.
 Вы тшились облегчить цепей народных тягость,
 Но снова мирные стада
 Паслись на выгонах, вкушая лень и благодсть,
 И к смерти шла их череда.
 И только что звезда, бросая луч прощальный,
 Погаснет ваша на земле, —
 Вы тут же сгинете бесследно и печально
 Падучим отблеском во мгле.
 Так проходите же, не заслуживши статуй
 И прозвищ миру не швырнув.
 А черни памятен, кто плетью бьет хвостатой,
 На площадь пушки повернув.
 Ей дорог только тот — кто причинял обиды,
 Кто тысячью истлевших тел
 Покрыл вселенную, кто строить пирамиды,
 Ворочать камни повелел.
 Да! Ибо наша чернь — как девка из таверны:
 Вино зеленое глуша,
 Когда ей нравится ее любовник верный,
 Она кротка и хороша.
 И на соломенной подстилке в их каморке
 Она с ним тешится всю ночь,
 И, вся избитая, дрожит она от порки,
 Чтоб на рассвете изнемочь.

(Май 1831, «Ямбы»)

ЦАРИЦА МИРА

Могучий Гутенберг, германец вдохновенный!
Когда-то мужественно ты
Омолодил своей находкой дерзновенной
Земли дряхлеющей черты.
На рейнском берегу, в ночи животворящей,
Свободу гордую любя.
О, как ты прижимал ее к груди горящей
В тот миг, блаженный для тебя!
Как радовался ты, как веровал сердечно,
Что мать суровая родит
Ребенка красоты и силы безупречной,
Который землю победит.
В преклонном возрасте пришел ты к вечной ночи
И опочил в сырой земле,
Как потрудившийся весь долгий день рабочий,
Спокойно дремлющий во мгле.
Увы! Как ни светлы заветные надежды,
С тобой дружившие тогда,
Как тихо ни смежил ты старческие вежды,
Устав от честного труда, —
Но в целомудренных объятиях — блаженства
Небесного не заслужил,
И не вдохнул в свое творенье совершенства,
Свойств материнских не вложил.
Увы! Так свойственно, так суждено от века:
Страдая, веруя, борясь,
Чистейшая душа простого человека
Погибнет, втопанная в грязь.
Сначала в облике бессмертного творенья
Все наши радует глаза:
И светлое чело, и пристальное зренье,
Что отражает небеса;
И звонкость голоса, могучего, как волны,
Как нестихающий прибой,

Когда он, тысячами отголосков полный,
    Покрыл вселенную собой;
И зрелище, когда неправда вековая,
    С печатью встретившись в упор,
Поникла, кандалы и цепи разбивая
    И опуская свой топор;
И гармоническая сила созиданья,
    Наполнившая города,
И стройный хор искусств, и строгий голос знанья
    Во славу мира и труда, —
Все так чарует нас, так мощно опьяняет,
    Так упоительно горит,
Как будто это май влюбленного пленяет,
    О светлом счастье говорит.
Пред Гутенберговым божественным твореньем
    Не позабудем — я и ты,
Что старец подарил грядущим поколениям
    Весь мир грядущей красоты.

Но если пристальней и ближе приглядеться
    К бессмертной дочери его,
И если, осмелев, ей предложить раздеться,
    Сойти с подножья своего, —
Тогда бессмертное, сверкающее тело
    Разочарует, — видит бог! —
И явится глазам вознею оголтелой
    Чудовищ, свившихся в клубок!
Мы обнаружим там собак охрипших свору,
    Облаивающих страну,
Зовущих города к всеобщему раздору
    И накликающих войну;
Отыщем скользких змей, что гения задушат,
    Едва расправит он крыла,
И жалом клеветы отравят и разрушат
    Надгробье мертвого орла;
Найдем обжорливых, драконовидных гадин,
    Что за червонец иль за грош
Пускают по миру, распространяют за день
    Потоком льющуюся ложь;
Мы табуны страстей продажных обнаружим,
    Все осквернившие вокруг,
Которые живут и действуют оружием
    Клыков и загибаемых рук.

Какое зрелище! Бывает, что при виде
Всей этой свалки нечистот
На самого тебя, о Гутенберг, в обиде,
Смутится этот или тот
Достойный гражданин, и глухо оч застонет,
Оплакав общую беду,
И молча на руки он голову уронит,
Пылающую, как в бреду,
И обвинит во всем несправедное, злое,
Безжалостное божество,
И самого тебя объявит с аналоя
Лихим сообщником его,
И проклянет за то, что ты трудился честно,
Свободу гордую любя,
И, наконец, начнет кричать он повсеместно,
Что лучше б не было тебя!

(Сентябрь 1835, «Ямбы»)

МАШИНА

Вы, следопыты тайн, хранимых божеством,
Господствующие над косным веществом,
Создатели машин, потомки Прометея, —
Стихии укротив и недрами владея,
Вы подчинили их владычеству ума,
И славит деспотов природа-мать сама.
И дочь ее, земля, так жертвенно бесстрастно
Все клады вам вручить заранее согласна
И позволяет рыть, дробить и мять себя,
Свои бесценные сокровища губя.

Ну что ж! Титанам честь. Я славлю ваше племя.
Но и сообщников я вижу в то же время,
И Гордость алчную я вижу, и Корусть:
Они готовятся вам горло перегрызть.
У них есть мощные и бешеные слуги, —
До срока под ярмом, до времени в испуге...
Но к мятежу зовут их злые голоса.
Но грозный их огонь ударит вам в глаза.
И вырвутся они, как хищники из клеток,
И прыгнут на своих хозяев напоследок.
Слепые чудища накинута на вас,
От ваших мук еще жесточе становясь.

Какой же вы лихвой заплатите за недра,
Что раскрывала вам сама природа щедро?
Каким тягчайшим злом иль хитростью какой
Искупите вы нож в груди ее нагой?
Настанет черный день. Он мертвых не разбудит!
Так ни одна из войн безобразных не кутит.
Народы целые сойдут живые в ад.
Обломки туловищ под облака взлетят.
Тела раздавленных, попавших под колеса,
Под шестерни машин низвергнутся с откоса.
Все пытки гнусные, что Дант изобретал,
Воскреснут, двинутся на городской квартал,
Наполнят каждый дом и двор рекою слезной!

Тогда поймете вы, поймете слишком поздно:
Ты хочешь царствовать среди огня и волн, —
Будь мудрым, словно бог, будь благодати полн.
Божественный огонь, что знанием назвали,
Употребив во зло, раздуешь ты едва ли.
Враг низменных страстей, он не позволит впредь
Вам деньги загребать и в чванстве ожиреть.
Нет, знанье на земле дается человеку
Для целей праведных, для чистых дел от века:
Чтоб уменьшались тьмы несчетных бед и зол,
Вершащих над людьми свой черный произвол,
Чтоб исцелялся ум от грубых суеверий
И настезь открывал все тайники и двери,
Чтобы язвы нищеты исчезли без следа,
И радовался тот, кто не жалел труда!
Вот в чем могущество и существо познания!
Смиренно чтите их! Иначе в наказанье
Орудье вырвется из неумелых рук,
И сразу в мстителя преобразится друг!

Машина на земле, в работе человеческой
Есть богатырь Геракл, боец широкоплечий,
Геракл, на высях гор и в глубине лесов
Разящий подлых змей и кровожадных львов,
Друг, осушающий туман болот прибрежных
И укрощающий течение рек мятежных.
С дубинкою в руках, с колчаном за спиной,
Он облегчает нам тяжелый путь земной.

Но этот же Геракл оглох от пенья фурий!
По всей Фессалии прошел он дикой бурей.
Шла кровь из толстых жил, раздувшихся на лбу.
С природой-матерью затеял он борьбу.
Напрягши мускулы, согнувши бычью выю,
Тащил он за волосы скалы вековые,
Расшатывал дубы и сосны корчевал.
И сына милого Геракл не узнавал,
Схватил он мальчика ручищею железной.
Страх, жалобы и плач — все было бесполезно!
Ребенка трижды он взметнул над головой
И в пропасть черную швырнул подарок свой!

(1842, «Ямбы»)

ПРОГРЕСС

Какая надобность в картинах, что широко
История рисует нам?
В чем смысл ее страниц, крутых ее уроков,
Навеки памятных сынам, —
Когда воскрешены все крайности, все беды,
Все заблуждения времен
И путь, которым шли на гибель наши деды,
Так рабски нами повторен?
О жалкие глупцы! Июльский день был ярок.
И, увенчав чело листвою,
Мы пели, полные воспоминаний ярых,
Мотив свободы огневой.
Ее священный хмель звучал в раскатах хора,
Но мы не знали, что таит
Вторая встреча с ней. Не знали мы, как скоро
За все расплата предстоит.
Нам снился светлый день, безоблачно-прозрачный,
Густая летняя лазурь.
А время хмурилось, оно дышало мрачно
Дыханием грядущих бурь.
История отцов нам заново предстала:
Кровь жертвенная потекла.
Дрожали матери. Всю ночь свинцом хлестало.
Тревога грозная росла.
Мы увидали все: и пошлость, и распутство,
И низменнейшую корысть,
И грязь предательства, и грубое искусство
Соседу горло перегрызть,
И мщенье черное, и подлое бесчестье,
И усмиренье мятежа,
И штык, пронзивший мать, пронзивший с нею вместе
Дитя, прильнувшее дрожа.
И поднялась тогда над веком вероломным
Злодейства прежнего рука,
Как доказательство, что мир в пути огромном
Не сдвинулся на полвершка.

(1839, «Ямбы»)

БЕДЛАМ

Свирепое море гудит в непогоду
И, голову тяжело подняв к небосводу,
То падает, то, накалясь добела,
Бросает на скалы людские тела.
Пожар завывает грозней и жесточе,
Когда в безнадежности пасмурной ночи
Он топчет, как дикий табун, города.
Но злые стихии — огонь и вода,
В их похоти грубой, в их ярости краткой, —
Ничто по сравненью с иной лихорадкой,
Она леденит наше сердце навек.
Смотрите! Душевнобольной человек, —
Лишь тень человека, — томится годами
Под мрачными сводами, в страшном Бедламе.
Плачевное зрелище! Вот он бредет,
Низвергнутый в дикую тьму идиот,
До пояса голый, согбенный тупица,
Бредет он, шатаясь, боясь оступиться,
С опущенным взглядом, с бескостной спиной,
С руками, повисшими мертвой лозой,
С глазами, что смотрят бессмысленно-тускло.
И рот, и глаза, и любой его мускул,
И низкий, изрытый морщинами лоб —
Все, кажется, быть стариковским могло б.
Он молод годами. Но, взявши за горло,
Безумье к земле человека приперло.
И черепом лысым увенчан скелет.
И мнится: бедняге под семьдесят лет.
Машина оглохшей души бесполезна,
Но все-таки вертится в сцепке железной.
И днем его небо окутано тьмой.
И летом он темен, и мрачен зимой.
Уснет, и во сне ничего не приснится.
И, дня не заметив, откроет ресницы.
Живет он, бесчувственный к бою часов,
Он брошен во Время, как в чашу лесов.

Слюна набегает, пузырится пеной.
Он никнет на ложе свое постепенно.
Навеки вокруг темнота, тишина.
Когда же он ляжет для вечного сна
И в землю вернется, не вызвав участия, —
Материя вновь распадется на части.

Смотрите: другой за решеткой не спит,
Постель его смята. Он скачет, вопит.
Молчания нет в одиночной палате.
Он роет солому и рвет свое платье,
Как будто в ожогах вся кожа его.
Глядит, и белки стекленеют мертво,
Зубами скрипит, кулаком потрясает,
Кровавая оргия в нем воскресает.
Не будь он в цепях, — берегитесь тогда!
Попасться в могучие лапы — беда.
Двойная дана сумасшедшему сила!
Дай только ей волю, — рвала бы, крушила
Могильные плиты з столетней пыли,
Прошла бы по дальним дорогам земли,
Неслась бы в горах грохотаньем обвала,
Овраги бы рыла, дубы корчевала.
И вот он простерт на земле, и, хоть плачь,
Бессилен и наг этот дикий силач.
И вертит его колесо вихревое,
Сверкая нагими ножами и воя.
Парит разрушенье над бешеным лбом,
Как в небе стервятник парит голубом.
И только рычанье да смех беспричинный
Внезапно, как молнии, спорят с пучиной.
И если он крикнет, — то здесь глубина
Нечленораздельного, страшного сна:
Горячка справляет победу лихую,
Сквозь бедную глотку трубя и ликуя.
А смерть не добила страдальца еще,
Но сзади стоит и трясет за плечо.

Вот так и стоишь пред столбами Геракла:
Отвага слабеет, и воля иссякла,
Но наглухо вбиты, не дрогнут столбы.
И снова о них расшибаются лбы.

Загадка для всех мудрецов это зданье.
Здесь гибель назначила многим свиданье:
Тот явится после утраты души,
Внезапно лишенный покоя в глуши,
Другой — заглядевшийся слишком упорно
В сознанье бездонное, в ад его черный.
И грязный преступник, и честный герой
Подвержены общей болезни порой.
Любого гнетет одинаковой властью
Проклятый недуг, роковое несчастье.
И лорд, и король, и священник, и нищий —
Все легче соломинки в брэнном жилище.
Постой у широко распахнутых врат.
Здесь гордость и алчность незримо царят.
Да, гордость и алчность одни! Их призыву
Послушны все твари, кто мыслят, кто живы.
Во тьму слабоумья влечет их поток...

Прощай же, Бедлам, безутешный чертог!
Я глубже проникнуть в тебя не рискую,
Я только смотрю на толпу городскую
И вижу, что яростный гомон и гам
Звучит, как молитва безумным богам!
Лишь небо английское, в тучах косматых,
Похоже на сумрак в больничных палатах.

(«Лазарь», 1837)

ДЖИН

Бог несчастных, мрачный дух у стойки,
Родич можжевеловой настойки,
Ядовитый северный наш Вакх!
Вот в невразумительных словах
В честь твою составлена кантата.
Эту песню жалобно когда-то
Черт луженой глоткой напевал,
Затевая адский карнавал.
Это память о веселых гимнах,
Что во славу ураганов зимних
Пел нормандец, пенной брагой пьян,
Слушая, как воеет океан.
Этот вой еще грубей, пожалуй,
Чем когда кентавров рать бежала
И раскатом страшных голосов
Оглашала глубину лесов.

Площадной божок! Тебе людское
Прозябанье в бедах и в покое.
Всё тебе — все скверы, все мосты,
Все задворки черной нищеты,
Вся земля в плаще туманной ночи.
И когда, воспламеняя очи,
Веселишься ты, людей губя,
Сам Спаситель не святей тебя.
Каждый душу на прилавок кинет,
Мигом детство розовое сгинет,
Осквернят седины старики,
Мигом бросят вахту моряки,
Женщина зимой, во тьме кромешной
Все продаст, вплоть до рубашки грешной.
Джина, джина! Наливай полней,
Чтобы волны золотых огней
Дивное несли самозабвенье,
Сладострастный трепет на мгновенье.
Это двери в рай, а не питье,

Горемык бездомных забытье!
К черту шерри-бренди и малагу,
Все, что старой Англии на благо
Бродит в погребях материка!
Дорогая влага нам горька,
И в сравненье с джином та водица
Согреть расслабленных годится,
Взбадривать, рассеивать недуг,
Разжигать тщедушный, вялый дух.
Для других — веселье пьяных ночек,
Хороводы вокруг тяжелых бочек,
Буйный хохот, пляску там найдешь,
Жар любви, живую молодежь!
Нет! От джина мы уж не пылаем,
Женской ласки больше не желаем.
Это пойло мы в себя вольем,
Чтобы отыскать забвенья в нем.

Здравствуй, джин! В грязи ночной таверны
Встань, безумье, как хозяин скверный,
Расставляй нам кружки, идиот!
Смерть накатит, — часу не пройдет.
Смерть не дремлет. У нее обычай:
Костяной ладонью с силой бычьей
Сеять плюхи, не жалеть пинков
Беднякам английских кабаков.
Тиф или чума на всех кладбищах
Не уложит в землю столько нищих,
Лихорадка по размывам рек
Стольких не наделает калек.
Кожа пожелтеет, как булыжник,
Потускнеет пламя глаз недвижимых,
Ошалее мозг, трезвон в ушах, —
Только тяжелее станет шаг.
И как пулей скошенная кляча,
Пьяный рухнет, ноги раскоряча,
Стукнется о камень головой
И уже не встанет с мостовой.
Так, не расставаясь с тяжким бредом.
Будет он и погребенью предан.
Впавших в этот роковой недуг
Мнет телега или бьет битюг.
Тот, в дупло пихнувши все наследство,

Вешает на черный сук скелет свой.
Глядь — шагнул на шаткий мост иной,
Прыгнул спьяну в омут ледяной.
Всюду джин глушит, калечит, валит,
Всюду смерть на жертву зубы скалит...
Мать — и та, квартала не пройдя,
Выпустит из глупых рук дитя.
На глазах у женщин забубенных
Разбивает голову ребенок.

(«Лазарь», 1837)

МЕДНАЯ ЛИРА

Только детям италийской
И германской стороны
Песни лирников слышны,
Трепетанье струн им близко,
А Британии сыны
Позабыли песен звуки:
Если струн коснутся руки,
Им в ответ начнет греметь
Только сумрачная медь.
Мать гармонии всемирной —
Полигимния, — не лирный
Звон, а грубый лязг и вой
Породила в наши годы.
И гудят, гудят заводы
В устрашение природы
Гимн жестокий, мировой.

Так обратитесь в слух, внимайте песне ветра
Вы, дети стран других, и ты, Европа вся!
Фабричных городов клокочущие недра
Вздымают пыль столбом и расточают щедро
Кричащие людские голоса.
Рыданья долгие и вздохи к вам неся,
Гуляет по свету, бродяжничают ветер...
Так вот услышьте все народы и ответьте:
Найдется ль музыка на свете
Мрачнее этой и страшней?
Тысячеустая — все молкнет рядом с ней.
Так этот гул силен и так инструментован,
Что слышится в нем медь, мерещится чугуи.
Как будто шпорами язвимый атакован,
Храпит и фыркает бесчисленный табун,
Как будто бык мычит, на привязи тоскуя...
В котлах бушует пар. Пустив струю густую,
Выталкивает он два поршня. И вослед
Колеса вертятся, и перебоев нет.
В невидимом для глаз, отчаянном круженье
Снует бесчисленных катушек хоровод.

Смертельный посвист их, змеиное их жженье
Все те же день и ночь — никто их не прервет.
Визг блоков сцепленных, железных лап объятья,
Зубчатых передач скрипенье в перекате,
Шум поршней, свист ремней — и вечный гул окрест—
Вот эта музыка! Вот дьявольский оркестр,
В чьих звуках потонул стон чернолицых братьев,
Существ едва живых и видимых едва,
Глухие, вялые, чуть слышные слова:

Р а б о ч и й

Хозяин! видишь, как я бледен,
Как после стольких лет труда
Спина согнулась, мозг изъеден, —
Мне нужен сон хоть иногда.
Измучен я дешевой платой.
За кружку пива, за рагу,
За блузу новую могу
На всякий труд пойти проклятый.
Пускай чахотка впереди,
Пускай огонь горит в груди,
Пускай три сотни лихорадок
В мозгу пылают ярче радуг,
Пускай умру, пускай жена
С детьми на смерть обречена!
Но в землю лечь со мной нельзя им, —
Возьми же их себе, хозяин!

Д е т и

О мать, до чего наша жизнь тяжела!
Нам фабрика легкие с детства сожгла.
Мы вспомним деревню свою, умирая.
Ах, если б добраться до горного края,
До поля, где пахарь в сторонке глухой
Проходит вдоль пашни со ржавой сохой.
Ах, если б пасти у холмистого склона
На травке зеленой овечьи стада!
Ах, как бы согрело нас солнце тогда!
И, вольно дыша у ложбины зеленой,
Сбежав от машины тупой, раскаленной,
Уснем, надышавшись душистой травой,
Уйдем мы, как овцы, в траву с головой...

М а т ь

Кричите, дети, плачьте! Долей черной
Униженные с самих малых лет,
Кричите, плачьте! На земле просторной
От века нам животные покорны,
Но и для них такого ига нет.
Придет ли срок родить корове стельной,
Ее ведут в сухой и теплый хлев,
Дадут покой полнейший, безраздельный.
Корова мирно ждет, отяжелев.
А я... Пускай набухнет грудь тугая,
Пускай ребенок, лоно раздвигая,
Рвет плоть мою! И часа не дадут!
Тобой навек машины завладели.
Гляди! Их пасти пышут там и тут.
Следи, чтоб их ручищи не задели
Созданье божье в материнском теле!

Х о з я и н

Всем, кто не хочет знать труда,
Плохим работникам — беда!
Всем, кто не поспевает к сроку,
Всем, от кого мне мало проку,
Лентяям, лодырям, больным —
Беда! Не будет хлеба им.
Ни слез, ни жалоб, ни упрека!
Колеса в ход, и руки в ход!
Пускай работает завод,
Всех конкурентов разгоняя,
Все рынки мира наводняя!
Хочу, чтоб ткань моя дрянная
Одела бы весь род людской,
А золото лилось рекой!

И снова этот гул крепчает миг от мига.
Котлы кипят и ждут, чтоб поршнями задвигать.
И снова великан отплясывает джигу,
Вколачивает в мир два крепких каблука.
Раскачанный рычаг коснулся рычага —
И тысячи колес от гонки центробежной
Визжат пронзительно. И гибнут безнадежно
Людские голоса среди этой тьмы безбрежной,
Слабеют жалкие биения сердец,
Как с бурей бьющийся и тонущий пловец.

О, ни глухой раскат прибоев беспокойных,
    Ни гулкий лай собачьих свор,
Ни вздохи тяжкие седых верхушек хвойных,
    Когда под бурей гнется бор,
Ни жалкий стон солдат, что в беспощадных войнах
    Не встанут на последний сбор, —
Ни в яви, ни в бреду нет голосов, достойных
    В ужасный этот влиться хор!

Да! Ибо в этом трубном хоре,
В скрипичных голосах, настроенных не в лад,—
Не оратория звучит, а черный ад.
Здесь алчность черная и нищенское горе
    Не могут спеться — и кричат!

А вы, счастливые сыны благого края!
Вам музыка цветет, как роза, обагряя
    Ярчайшим блеском утренние сны,
И дышит свежестью и сладостью весны.
Вас многие сочтут в сей жизни быстротечной
Толпой изнеженной, ленивой и беспечной
За то, что так легко, без скуки и невзгод,
Дыша амброзией и опьяняясь вечно,
Вы празднуете жизнь уже который год!
Вы, граждане Италии счастливой,
Красавцы кроткие, как мир ваш негой полн,
    Как безмятежны очертанья волн!
Вам мир завидует ревнивый,
Меж тем как северян гордыня леденит.
Пускай же целый мир бушует и звенит,
Пускай свои дары бросает благосклонно
Ему Промышленность из урны златодонной!
Вас, дети бедности, она не соблазнит.
Зачем же вам менять богиню дорогую,
    Возлюбленную вашу — на другую,
На ту, что властвовать пытается, торгуя,
Но чаще бедами вселенную дарит,
Повсюду войнами гражданскими горит,
Где ради пятака, под вой титанов злобных,
Один использует мильон себе подобных?

(«Лазарь», 1837)

УГЛЕКОПЫ НЬЮКАСЛА

Пускай другие пьют среди природы горной
Метелей снеговых напитков животворный
Иль нежный ветерок, ласкающий глаза.
Пускай другие мчат по безмятежным волнам,
Доверясь синеве и острогрудым челнам,
Поставив наискось тугие паруса.

Им подарила жизнь улыбку снисхожденья,
Счастливая звезда встречала их рожденье
В счастливом месяце, в полуденной стране.
И руки божества, — что из одной колоды
Тасуют жизнь и смерть, удачи и невзгоды, —
Дарят их жребием, не тягостным вдвойне.

А мы невольники, мы узники позора.
Мы заперты в тюрьму не в силу приговора,
Лишающего прав, а только потому,
Что в час, когда на свет явились, или раньше,
Кормилица-нужда — тупая великанша —
Нас обрела на труд и ввергнула во тьму.

Мы дети Англии богатой, углекопы,
Вползаем, как кроты, во глубь земной утробы.
Шесть сотен футов спуск. И тяжкие кирки
Рвут уголь каменный, земную плоть ломая.
Вокруг сырой туман. И смерть глухонемая,
Как дряхлая сова, глядится нам в зрачки.

Беда молодчику, что поутру с похмелья,
Шатаясь, побредет по ходам подземелья, —
Один неверный шаг — и рухнешь в эту ночь.
Беда и старику, чьи ноги не проворны!
Когда лихой поток взыграет в штольне черной,
Никто несчастному не кинется помочь.

Беда беспечному, когда, уйдя глубоко,
Очутится на миг без лампы желтоокой,
Без дружелюбного подспорья впереди.
Сейчас же злой угар в сквозную шахту хлынет,
Дымком закутает, и наземь опрокинет,
И сердце оборвет у смельчака в груди.

Там, в этой темноте, все жутко и тревожно:
Круша по выступу, кирка неосторожно
Ударила, — и вот ползет могучий пласт.
И не один из нас в слепых проходах этих
За мысль, за помысел о женщине или детях,
За нерадивый миг дыхание отдаст.

И в то же время мы, — мы, призрачные тени,
Даем тепло и свет в ста тысячах сплетений,
Вращаем поверху весь ваш круговорот
И рвем сокровище, рискуя ежечасно,
Растим промышленность громадою ужасной,
Пишаем топливо в ее свирепый рот.

Всех паровых котлов мгновенный вдох и выдох,
Медно-багровый жар всех домен ядовитых,
Верчение всех колес вагонных — это он,
Наш уголь каменный! Во всех краях вселенной
Раскачивает он суда на глади пенной,
Которыми богат державный Альбион.

И если дивный блеск в британской диадеме
Никем не превзойден и признан перед всеми, —
Был углем тот алмаз, он — наших рук удар.
Мы роскошь создали богатым джентльменам,
Мы лордам Англии четыремстам надменным
Вручаем смерть свою голодную как дар.

О боже праведный! Мы ничего не взыщем.
Порядка нарушать не надо смирным нищим.
Да не прервется днесь покойный сон ничей.
Не тщимся мы занять места высокородных,
Ученых, доблестных. Не жаждем для голодных
Ни сытого стола, ни денег богачей.

Но просим одного мы, нищенские рати:
Смягчи сердца господ, погрязшие в разврате,
Дай опереться нам на праведный закон.
И день и ночь опять напоминай им строго,
Что стоит расшатать ступени их чертога, —
Колонны сдвинутся, и разом рухнет он.

(«Лазарь», 1837)

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

1811—1872

ГВАРДЕЙЦЫ-ВETERАНЫ

Со скуки из дому я вышел
И вдоль Больших бульваров шел,
Вой ветра зимнего услышал,
Мок под дождем и сам был зол.

И вдруг во мгле темно-лиловой
Смутило зрелище меня, —
Явились призраки былого,
Не то дразня, не то маня.

Добро бы в лунном освещенье,
За Рейном, в башне где-нибудь
Бесплотных духов посещение
Не удивило бы ничуть;

Добро бы эльф, струист и гибок,
В кувшинках, в капельках росы
Вальсировал под стоны скрипок
В иные звездные часы;

Добро бы Цейдлицу послушен
Из давних дедовских времен
Причалил парусник воздушный,
А на борту Наполеон...

Но вявь, не в силу наважденья,
Бок о бок с Варьетэ, вот тут,
Не в саванах, не привиденья,
Седые бодрячки бредут!

Сыны триумфов иль аварий,
Но встали как из-под земли
И на Монмартрском ждут бульваре,
Средь бела дня до нас дошли.

И как же нам не заглядеться:
Три ветерана-ворчуна
И два гусара, два гвардейца,
Обугленные дочерна.

То не набросок карандашный
На камне спиртом протравлен, —
Мы слышим лозунг их всегдашний:
«Да здравствует Наполеон!»

Не барабаны зорю бьют им,
Но в сетке мелкого дождя
Приветствуют они салютом
Возврат усопшего вождя.

Сраженья их давно померкли.
Те худы, эти толстяки.
Мундиры сшиты не по мерке,
Тем широки, другим узки.

Но их лохмотья — целый эпос!
От фолиантов тяжелей.
Смешна их жалкая нелепость,
Но краше мантий королей.

Тут, в меховую шапку воткнут,
Султан болтается лихой.
Там доломаны в ливне мокнут,
От моли ставшие трухой.

В провисшей складками штанине
Обрубок дерева торчит.
Лишь сабли по камням доныне
Едва скребут, а не стучат.

Пускай пузан с трудом немалым
Все пуговицы застегнул, —
Не смейся же над бедным малым,
Услышь, как тяжко он вздохнул.

Не издевайся же, товарищ,
Скинь шапку, — только и всего!
Ахиллов наших не состаришь,
Как и Гомера самого.

Пускай обрюзгли, облысели...
Но бронза этих лбов и скул
Вся в шрамах явственна доселе —
И это грозной славы гул!

Недаром высмуглил солдата
Египетский полдневный зной,
А вьюги русские когда-то
Покрыли снежной белизной.

Их руки слабые бессильны
Еще со дней Березины;
От Африки до самой Вильны
Походы были так длинны!

Ты узнаешь по их увечьям,
Что эпос груб, а не лукав.
И если честь отдать им нечем,
То, значит, правый пуст рукав.

Пускай же сорванец смеется,
Пускай ничем им не помочь.
Они — наш полдень. Но сдается —
Мы вечер их, а то и ночь.

Пускай зима не благосклонна, —
Пройдут сквозь ветер, сквозь дожди:
Их ждет Вандомская колонна,
Алтарь священный впереди.

В страданье гордом, с ясным ликом
И благодарны все равно,
Что в сердце Франции великом
Течет их кровь давным-давно.

Грусть и веселье встали рядом!
Как раньше битву открывал,
Открыл посмертным маскарадом
Наполеон свой карнавал.

И снова бедным ветеранам
Простерла в небе два крыла
И блещет золотом багряным
Тень Бонапартова орла.

ИНЕС ДЕ ЛАС СЬЕРРАС

Нодье описал нам точно,
Как три офицера шли
В испанской мгле полуночной
И странный приют нашли.

Был замок в ненастных тучах.
В нем Радклиф скопила мглу,
А Гойя мышей летучих
Развесил в каждом углу.

Но замок, о прошлом грезя,
Утаивал все, что знал.
Плутал бы и Пиранези
В пустых лабиринтах зал.

С портретов глядел на ужин
Усопших прадедов сонм.
Но вот их покой нарушен, —
То песня, крик или сон, —

Изваяна лунным бликом
На ветхой обшивке стен,
Мерцает неясным ликом
Прелестная чья-то тень.

Блестящим гребнем подчеркнут
Двойной шиньон, а она
Вся в лентах белых и черных,
То скроется, то видна.

Качает бедрами в дреме,
В истоме грешных страстей,
Возникла в дверном проеме
И сводит с ума гостей.

На юбках смятых и жестких
Струится лучик луны,
На фольговых жалких блестках
Снежинки еле видны.

И вся — как трепет невроза —
Развенчанность злой тоски.
На кудри чайная роза
Осыпала лепестки.

На шее — шрам от кинжала,
Но давний рубец багров,
И краска с ланит сбежала,
И в жилах остыла кровь.

Бела как мел ее кожа.
В руках напряженья нет.
На щелк челюстей похожа,
Трескуча дробь кастаньет.

Молчит вакханка, танцую.
И танец смертельно стар,
И муки ада к лицу ей,
И рвутся струны гитар.

Как крылышки черных пташк,
Дрожат ресницы ее.
И танец медлен и тяжек,
В нем странное забытье.

И в муке и в томной лени
Свиваются юбки в жгут,
И мраморные колени
Лобзаний безумных ждут.

И тут же склонилась низко.
И зрительный зал затих.
В букет собрала артистка
Охапки цветов своих.

Реальна или бездушна,
Объемна или пуста,
Чьей воле чуждой послушна
Та женская красота?

Испанскою дикой сказкой
Овеян танец такой.
Гремит ее бубен баскский
Посмертной вечной тоской.

Струится и серебрится
Зубчатых юбок узор.
То ленту быка царице
Влюбленный дал матадор.

Смертельный удар когда-то
Нанес другой человек.
Но шрам остался — как дата,
Все та же — из века в век.

Париж не забыл кошмара,
Когда на сцену Жимназ
Явилась Петра Камарра,
Закутана в легкий газ.

И страстно иль безучастно
Закрывает глаза — гляди! —
Подобно Инес несчастной
С кинжальной раной в груди.

ИСКУССТВО

Чтоб сделать вещь бессмертной,
Крой, шлифуй, чекань
Усердно
Мрамор, поэму, ткань.

Приманку ветхой фальши
Брось, Муза, позабудь
И дальше —
В жестких котурнах в путь!

Ритм как башмак растоптан,
Разношен, загрязнен
И оптом
Брошен на свалку он.

Любую глину к черту, —
Засохла иль мягка,
Но стерта
Пальцами пошляка.

Паросский и каррарский
Есть мрамор, чьи дары
По-царски
К сильным творцам щедры.

Божественную бронзу
В пламя, ваятель, кинь —
И грозно
Вспыхнут лица богинь.

Ласкай агат руками, —
В прожилках и сквозь них
На камне
Бог Аполлон возник.

Пусть акварель растает,
Зато эмаль тверда, —
    Блистает
Красками навсегда.

Хвостом сирены вьются
Синие на гербе —
    Сдаются
Чудовищам в борьбе.

Вот Богоматерь свято
Спасителя растит,
    Распятый
Правду благовестит.

Все гибнет во вселенной.
Шел бой — и город пуст.
    Нетленны
Статуя или бюст.

Медаль в земле тускнеет,
Протри и верь глазам:
    Яснеет
Надпись и Цезарь сам.

Все божества исчезнут,
Лишь властные стихи
    Воскреснут
Сверстниками стихий.

Гранен, чеканен, плавлен,
Останется твой след —
    Прославлен
Вплоть до скончанья лет.

ЭЖЕН ПОТЬЕ

1816—1887

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

1

Те пламенные дни планету потрясали,
Тот славный Март, когда вчерашний день Версаля
На завтрашний Париж послал тупую рать,
Пытаясь мужество и доблесть покарать.
Распутный Вавилон, скопивший столько злата,
Дряхлевший двадцать лет с империей проклятой,
Где в будуарной мгле дышал казармы смрад,
Где австриячке дан военный был парад;
Париж, как смиренный зверь, запрященный в загоне,
Где плебисцит скреплял любое беззаконье, —
На волю вырвался и, чуя у бедра
Вновь великанский меч, решает, что пора!
Вновь зорю протрубил год девяносто третий.
Воззвал к республике, к любимице столетий
Париж, — и выблевал на свалку, разъярясь,
Бонапартистский блеск и вековую мразь.
И в тот же день и час Парижа подвиг пылкий
«Чрезмерным» назван был Бордоской учредилкой.
Едва заняв места, пыталось дурачье
Разжаловать Париж, поднять лицо свое,
Смять Революцию... Голосовала бляя
Сих ископаемых страшилищ ассамблея.
Глухие мумии, слепые костяки
Нежданно вылезли на кладбище с тоски.
Так, не очухавшись с сорок восьмого года,
Скупцы из деревень, политики прихода,
Убийцы тайные (теперь мы знаем вас!)

Легко отдали бы весь Рейн, и весь Эльзас,
И контрибуции миллиардов тридцать, чтобы
Оставить Тюильри для нужд одной особы.
Тьер, мелкий выродок из мелкой той семьи,
Уже подготавливал предательства свои.
«Должны мы запугать,—сказал он,—город грозный!
Пусть видит буржуа, что я старик серьезный.
На брюхе буржуа к спасенью приползет,
И я спасу его. Мне явно тут везет!
Мы ампутируем легко голосованье,
И, красных обыграв, заигрывая с рванью,
Закинем удочку в кровавые моря!»

Он осадил Монмартр, едва взошла заря.
И, провокацию поняв и негодуя,
Париж провозгласил Коммуну молодую.

Победа! Ярый клич людского торжества
Пронесся! Яркая сияла синева.
Империя в туман, как призрак, расплывалась.
Жизнь, глубоко дыша, грядущим любовалась.
Святое равенство опять зажгло умы.
Обезоружив дух, вооружались мы.
Коммуна родилась бесхитростной и здоровой.
— Один за всех, и все за одного — вот право,
Вот образ общества грядущего. Сотрут
Из права «собственность». Ее заменит «труд».

2

Ты провозглашена. И хаос черной ночи
    Рассеется навек.
В тебе душа и мозг, — тобою жив рабочий,
    С тобой он — человек.
Пускай не для него еще мыслитель пишет,
    Он не читает книг.
Слова: «Кто был ничем, тот будет...» он услышит
    И разберется в них.
Мы в битвах и труде принять участие рады,
    Встает за ратью рать.
Проходяг блузники предместий, федераты,
    Чтоб стойко умирать.

Вы первыми пришли, седые инвалиды,
Вам отступить не след.
Бойцы июньских дней, три месяца обиды
Для вас — как двадцать лет.
Коммуна юная! Ты, вопреки клеветам,
Блистаешь чище звезд,
И франкмасон к тебе является с приветом,
Склоняет ветхий крест.
Был идол, роковой для Франции когда-то, —
Бандит-Наполеон.
Был этот амулет у каждого солдата —
В навоз отброшен он.
Прожив два месяца, не свергла ты бастилий,
Но сила правды в том,
Что мы декретами века оповестили:
Исполнят их потом!
Ты банка не взяла. Пусть же уроком служит
Твоя ошибка впредь:
Чтоб сдался враг — сумей врага обезоружить.
В чем слаб он — рассмотреть.

3

Вы, знатные глупцы, вы, мастера наживы,
Банкир, барышник, ростовщик, священник лживый,
Ты, солдафон-болван, что наотмашь нас бьешь,
До нитки грабишь нас, а сам кричишь: «Грабеж!» —
В день восемнадцатого марта сразу
Не обезвредили мы всю эту заразу,
Кишеньке вашего змеиноного гнезда.
Одна лишь ненависть спасла бы нас тогда:
Щадить гиен, волков и тигров — преступленья!
Пусть узник в Сатори и каторжник в Кайенне
Простят нам жалостливость... Грянул майский гром.
Пальба с фортов. И смерть во рвах. И тьма кругом.
Был осажден Париж. И, обойденный сзади,
Весь изувеченный, задохся лев в засаде.
Неделя майская, кровавая! Жесток
Был облик города, и красен был поток, —
То наша кровь текла, то наши гибли жизни.
Весь род людской рыдал на этой братской тризне.

Но наши старики и женщины во рвах
Опять подымутся, своих убийц назвав.
Июньская резня — безделица пустая:
Погром сменил свое обличье, подрастая.
Не одиночек бьют, не пленников, — а враз
Из пушек по толпе палят без лишних фраз.
Все скверы — кладбища, все парки — место боен,
Где, шпорами звеня, прошел версальский воин,
Где выла бравая орда офицера,
Расправу краткую над нашими творя.
Абсента с коньяком хватив для вдохновенья,
Златопогонники соревновались в рвенье, —
Не целясь, без суда и без команды «пли»
Мололи нас в муку и веяли в пыли.
Вот подвиг буржуа, чья слава боевая
Войдет в историю, все славы затмевая!
Жаль: живописца нет, изобразить верней
То небо красное, то зарево огней,
Ту пляску дикую взбешенных людоедов,
Те тридцать тысяч жертв, что улеглись, отдавав
Глоток свинца, — и тех конвойных, что штыком
Толкают схваченных, бредущих босиком...
Вот маменькин сынок швыряет в них проклятье;
Вот барышня, визжа, боясь испачкать платье,
В них тычет зонтиком... А дальше — Пантеон,
Где с Тьером обнялись Жюль Фавр и Мак-Магон,
Министры мокрых дел, святоши, у которых
На несколько ракет еще остался порох.
И сзади, наконец, свободолюбец тот,
Что руки подлые отмыл от нечистот, —
Но он виновней всех, Коммуна, пред тобою!

Грядущее прочтет: здесь место боя
Версалья с городом.

«Что масло в пламя лить? —
Воскликнул буржуа.— Как бога не хвалить!
Порядок водворен...» Эй, сударь! Без загадок,
Оставим господа в покое. Ваш порядок
Нам беспорядком стал. И мы его сметем,
А господа на суд гражданский приведем.

Господь — сообщник преподобный
 Всех черных палачей земли:
 Префект, для жуликов удобный,
 Вы бога в сделку вовлекли.
 Хвала благому провиденью —
 Моральный царствует закон.
 Мир быстро близится к паденью —
 Порядок прежний водворен.

Хвала, господь! Тебя спасают.
 В мозгах не выветрился чад.
 Собаки бешено кусают,
 Кусаемые не кричат.
 Все рты — в осадном положении.
 И после выкидыша сон
 Объял страну. Конец движенью.
 Порядок прежний водворен.

Хвала, господь! Руэр со сворой,
 Кровавый генеральский сброд
 И карлик, их главарь матерый,
 Устроили переворот.
 Чтоб дело закрепить двояко,
 Вновь дяденька—Наполеон
 Воздвигнут над своей клоакой.
 Порядок прежний водворен.

Хвала, господь! Вот проститутки,
 Шиньоны растрепав свои,
 Задами вертят, сыплют шутики
 Насчет достоинства семьи.
 Вот Кора Пирль куда-то прячет
 Отцовский краденый мильон
 И над отцом усопшим плачет.
 Порядок прежний водворен.

Хвала, господь! К нам спруты тянут,
 Как прежде, щупальца в ночи.
 Их пищей наши дети станут,
 Как ни ласкай их, ни учи...

Младенец вырастет бескровен.
Сосет уже сегодня он
Не молоко — золу жаровен.
Порядок прежний водворен.

Хвала, господа! Для банка — прибыль,
А для рабочих — пуля в лоб.
Им подает жаркое гибель,
Периной служит узкий гроб.
И кровью их неотомщенной
И смертным потом их вспоен,
Червяк плодится золоченый.
Порядок прежний водворен.

Хвала, господа! Тобой нас душат.
Ты — винт давилъни вековой.
Пора очистить мир, обрушить
Кумир неистребимый твой.
Сгинь, государство! Мы добудем
Иной и праведный закон.
Хвала не господе, а людям!
Порядок будет водворен!

5

Порядок водворен! Ты думала, старуха,
Карга-процентщица, что прочен твой мешок,
Что рынка своего пропоротое брюхо
Зашьет республика за семилетний срок?

А вы, мазурики, кем держится порядок,
Вы, инквизиторы во всей былой красе, —
Вы вправду верите, что из парижских грядок
Коммуны корешки повыдернуты все?

Ты, старый мир, мертвец! Тебя два Рима грызли.
Ты — преисподняя холопов и святош!
Сто тысяч человек погублено. При мысли
Об этих тысячах ты все-таки уснешь?

Ведь стены Сатори, твоей тюрьмы хваленой,
Крепки, а мертвые, конечно, звук пустой.
Ты сбил историю своей игрой крапленой,
Ты мертвых замарал газетной клеветой.

Ведь в Каледонии проходят дни и годы,
Ведь каторга долга, надсмотрщики — черствы.
Пусть люди корчатся, лишённые свободы,
Воды и родины. Они почти мертвы.

Ты всех нас пригвоздил, расстрелянных заочно,
К изгнанию вечному во все края земли,
И к безработице безвыходной и прочной, —
В страшилищ превратил и смотришь издали.

Ведь расстрелял Жюль Фавр Флуранса и Мильера,
Они не двинутся. Они ничто и тлен.
Давно минувшая, неслыханная эра —
Мильер и Делеклюз, Домбровский и Варлен.

Но наступает час тупого отвращенья.
И вот решаешь ты, что дети спать хотят,
Приманиваешь их подобием прощенья,
Из тигров делаешь угодливых котят.

Что нам беречь, ответь! Какую грязь, чью горечь,
Чью роскошь сторожить, взращенную опять?
Ты думаешь уснуть под звон веселых сборищ,
Под чоканье обжор? — Нет, ты не будешь спать.

Набат смутит покой ночей неумолимых.
Корми своих солдат, шпионов заводи,
Плачь, исповедуйся, нуждайся в подхалимах,
Нуждайся в господе, стоящем позади, —

Ты больше не уснешь! Продажно, и растленно,
И безнаказанно, ты не свернешь назад.
Короче говоря, отныне во вселенной
Два стана: едоки и те, кого едят.

Ты больше не уснешь! Ничто не отодвинет
Дня кары. Он спешит, он мчится все быстрее.
Проснись, кричи: огонь! Огонь в жилище хлынет, —
Чтобы залить его, не хватит ста морей.

Нет, это не поджог, не керосином пахнет, —
Течет народный гнев багровою рекой.
Свод рухнувший тебя по темени шархнет.
Смотри, как возмущен, как страстен род людской!

Покайся, или смерть! Вот выбор, данный нами.
Нет неба, нет земли, исчерпан ад и рай.
Так встань под красное Коммуны нашей знамя, —
И мы тебя простим. Ты слышишь? Выбирай!

Нью-Йорк, 18 марта 1876

ШАРЛЬ БОДЛЕР

1821—1867

ВЕЛИКАНША

Когда во мгле веков природа-мать рожала
Чуть ли не каждый день чудовищный приплод,
Я с великаншею сдружился бы, пожалуй,
И льнул к ее ногам, как сладострастный кот.

Я любовался бы, как девственница дышит,
Как забавляется зловещею игрой,
Как в сердце у нее опасный пламень пышет
И влажные глаза туманятся порой.

Я наблюдал бы рост могучий с удивленьем,
Карабкался бы вверх по согнутым коленям,
А в летний зной, когда на черно-синий мох

Она простерлась бы и тень ее скрывала, —
Спал на ее груди, меж двух живых холмов,
Как мирный городок у горного провала.

---

* * *

Всю вселенную ты в своей спальне вместила.
Только скука нечистую тварь охватила,
Вот и точишь играючи зубы с тоски,
Что ни день, разрываешь сердца на куски.
А в глазах — освещенье, как в лавках столичных:
Не мигая горят на гуляньях публичных, —
Так могущество взгляда используешь ты,
Но не знаешь закона его красоты.

О слепая, глухая машина увечий,
Инструмент, чтобы высосать мозг человеческий,
Как бесстыдно нагла, как ты только могла
Не бледнея глядеться в свои зеркала?
Мастерица по части зловещей заразы,
Как же ты не отступишь, не дрогнешь ни разу,
Если это природа сама неспроста
Обработала женщину, словно скота,
Чтобы ты забавлялась, уродуя гения?

О величие грязи, блистанье гниения!

ТАНЕЦ ЗМЕИ

Как эта женственная кожа
В смуглых отливах
На матовый муар похожа
Для глаз пытливых!

Я в запахе прически душной
Чую жемчужный
Приморский берег, бриз воздушный
В гавани южной,

И расстаюсь с моей печалью
В томленье странном,
И, словно парусник, отчаю
К далеким странам.

В твоих глазах ни тени чувства,
Ни тьмы, ни света —
Лишь ювелирное искусство,
Блеск самоцвета.

Ты, как змея, качнула станом,
Зла и бездушна,
И вьешься в танце непрерывном,
Жезлу послушна.

И эта детская головка
В кудрях склоненных
Лишь балансирует неловко,
Словно слоненок.

А тело тянется, как будто,
В тумане рея,
Шаланда в зыбь недвижной бухты
Роняет реи.

Не половодье нарастает,
Льды раздвигает, —
То зубы белые блистают,
Слюна сбегает.

Какой напиток в терпкой пене
Я залпом выпью,
Какие звезды упоенья
В туман просыплю!

КОТ

1

В мозгу моем гуляет важно
Красивый, кроткий, сильный кот
И, торжествуя свой приход,
Мурлычет нежно и протяжно.

Сначала песня чуть слышна, —
В басовых тихих переливах,
Нетерпеливых и ворчливых,
Почти загадочна она.

И вот она струит веселье
В глубины помыслов моих,
Похожа на певучий стих,
На опьяняющее зелье.

Смиряет злость мою сперва
И чувство оживляет сразу.
Чтобы сказать любую фразу,
Коту не надобны слова.

Он не царапает, не мучит
Тревожных струн моей души
И только царственно в тиши
Меня, как скрипку, петь научит,

Чтобы звучала скрипка в лад
С твоею песенкой целебной,
Кот серафический, волшебный,
С гармонией твоих рулад!

Двухцветной шкурки запах сладкий
В тот вечер я вдохнул слегка,
Когда ласкал того зверька
Один лишь раз, и то украдкой.

Домашний дух иль божество,
Всех судит этот идол вещей,
И кажется, что наши вещи —
Хозяйство личное его.

Его зрачков огонь зеленый
Моим сознанием овладел.
Я отвернуться захотел,
Но замечаю удивленно,

Что сам вовнутрь себя глядел,
Что в пристальности глаз зеркальных,
Опаловых и вертикальных,
Читаю собственный удел.

КОТЫ

Любленные и мудрые, свершая
Свой зрелый труд в течение годов,
Заводят дома зябнущих котов,
К оседлости бандитов приглашая.

Друзья познания и любовных драк,
Коты вкушают в сумерках усладу,—
А ведь они и скакунами ада
Могли бы стать, обслуживая мрак.

Но благородный вид они приемлют
И, словно сфинксы, вытянувшись, дремлют.
И кажется, что разум их высок,

Что в их дремоте искрятся созвездья,
И сыплется, как золотой песок,
У них в зрачках мистические вести.

ТРУБКА

Давно писателю близка,
Я только трубка-самокурка
С головкой кафра или турка
И ублажаю знатока.

Когда гнетет его тоска,
Когда темна его конурка,
Я словно сельская печурка,
Что согревает бедняка.

Я эту душу занавешу
Как бы завесой дымовой,
И он забудет сумрак свой.

В колечках дыма распотешу
Его тревогу, а тоску
Всю целиком заволоку.

УЖАСНОЕ СООТВЕТВИЕ

Распутник! В этих тучах рваных
Есть сходство с жребием твоим.
В каких же ты смертельных ранах,
Каким отчаяньем томим?

— О днях неведомых и странных
Мой жадный бред ненасытим, —
Но, как Овидий в чуждых странах,
Я не оплакиваю Рим.

Но в рваных тучах, в их тревоге
Я поневоле узнаю
И гордость, и печаль свою, —

Пускай, как траурные дроги,
Они влекутся в тот же ад,
В котором я погибнуть рад.

НЕПОПРАВИМОЕ

1

Мысль, Форма, Существо, жестоко
На землю рухнув с небеси,
Утонут в стиксовой грязи,
Куда не глянет божье око.

Неосторожный ангел был
Одной безобразности предан,
И, очарован смутным бредом,
Себя отвагой он сгубил.

Напрасно он руками машет —
Стремительный водоворот
Неумолимо верх берет
И бешено поет и пляшет;

Страдалец темной силой сжат
И, очутившись без оплота,
Стремится выйти из болота,
Где гады гнусные лежат;

Но, осужденный и безвестный,
Он только в темень заглянул,
И запах пропасти вдохнул,
И рухнул с лестницы отвесной.

Он видит бельма желтых глаз,
Фосфоресцирующих слизней,
И оттого загадка жизни
Еще темней заволоклась.

Корабль в засаде мглы полярной, —
Под утро льды его затрут, —
Какой же выбрал он маршрут,
Кем он обманут был коварно?

— Вот он, неумолимый знак,
Уведомляющий, что Дьявол
Работу безупречно справил, —
По этой части он мастак!

2

Лицом к лицу с врагом зловещим,
Друг другу зеркалом служа,
Мы встретились у рубежа,
А больше нам остаться не с чем.

Маяк иронии во мгле,
Чадящий факел, милость ада,
Одна бесславная услада:
Самосознание во Зле!

ЧАСЫ

Часы! Божество их бесстрастно в решенье,
Беззвучно и мрачно поет: НЕ ЗАБУДЬ!
Окончатся муки твои где-нибудь
И в сердце прицелятся вместо мишени.

Сильфида не выпорхнет из-за кулис,
Где радость скрывается ежесекундно.
Секунды сочатся и сыплются скудно,
И все они в прошлое прочно влились.

Малейшая шестидесятая долька
Зудит: НЕ ЗАБУДЬ! — голоском комара, —
Я было Сегодня и стало Вчера,
Но мой хоботок уже высосал столько.

Стальная пружина, завзятый лингвист,
Вопит: ESTO MEMOR! REMEMBER!
ЗАПОМНИ!
Распутник! Ты слышишь приказ вероломный?
Плати не плати, а в черед становись!

А Время — не шулер, играет на совесть,
Не надо ему никаких козырей.
А ночи все дольше, а дни все быстрее.
И вот уже кончилась скучная повесть.

Божественный случай и сам набредет.
Останется Доблесть вдовой новобрачной
Раскаянье встретит в гостинице мрачной.
И рано иль поздно, а Поздно придет.

РЫЖЕЙ НИЩЕНКЕ

Девчонка рыжая! Твое
Прелестно рваное тряпье,
Оно открыло нищету —
И красоту.

Я жалок и клянусь тебе,
Что к этой юной худобе
Веснушек ярких пестрота
Льнет неспроста.

Ты в деревянных башмаках
Изящней, чем на каблуках
Влачат актрисы, осмелев,
Шлейф королев.

Взамен юбочки как бы шел
Тебе добротный, плотный шелк,
Шуршащих складок водопад
До самых пят!

Сквозь дыры нитяных чулок
Не смуглый жар повес привлек,
То зайчик солнца задрожал,
Словно кинжал.

Косынка сбита как на грех,
Но разве грех, что из прорех
Приоткрывается чуть-чуть
Такая грудь!

Раздеть красотку не пустяк!
Пускай попробует простак —
Ан на щеке и вспыхнет вдруг
След ловких рук!

Померкнул жемчуг как назло,
Не сочинил стихов Белло,
Придворные смущались лишь, —
Так ты шалишь.

Бывало, пылкий рифмоплет
Следил сквозь лестничный пролет
За твоим узким башмачком —
И лег ничком.

Бывало, бедный паж краснел,
Старик Ронсар и тот не смел
Вести двусмысленную речь —
Тебя завлечь.

Ни блеск дворцовый, ни почет
Тебя не манит, не влечет.
Да и живешь ты веселей
Французских королей.

Меж тем ты нищенски живешь,
А может, и объедков ждешь,
Когда кабатчик в злую ночь
Не гонит прочь.

Или тайком косишься на
Колечко — грош ему цена,
Да мой карман в иные дни
Пуст, — извини!

Ступай же и на этот раз
Без украшений, без прикрас,
Ступай, гуляй, голь-нагота,
О красота!

СЕМЬ СТАРИКОВ

Виктору Гюго

Столица старая кишит ненастным бредом.
Он и средь бела дня к прохожим пристаёт,
Бредет по улицам, ползет за нами следом,
В каналах зыблется, мерцает и гниет.

Над крышами домов, над их грядюю тусклой
Туман наращивает кверху этажи,
Как берега реки, чье вздувшееся русло —
Лишь декорация для гибнущей души.

Продрогший, взвинченный, я безрассудно шел там,
На собственную жизнь давно ожесточась,
И спорил сам с собой в тумане грязно-желтом
Под грохот грузных фур, в передраcсветный час.

Внезапно из дождя, во всем дождю подобен,
В лохмотьях нищенских старик прорезал мглу.
Казалось, взгляд его был откровенно злобен,
Но все же милостыни ждал он на углу.

Потухшие зрачки застлало желчью лютый.
Он весь заиндевел, и сжался, и дрожал.
Кривая борода, Иудина как будто,
Торчала жесткая, как маленький кинжал.

Не согнут, не согбен, но сломан. Позвоночник
К трясущимся ногам лег под прямым углом.
Все было мерзостно в его шагах неточных.
Казалось, что ко мне сквозь время напролом

Трехпалый этот зверь переползает щебенъ.
Казалось, Вечный Жид перешагнул века,
Не равнодушен к нам, скорее уж враждебен,
И давит мертвецов остатком башмака.

За ним проследовал двойник. Какое сходство!
Отрепья, палка, взгляд, кривая борода...
Какое колдовство — два вычурных уродства
Шли ниоткуда, чтоб исчезнуть в никуда!

В какой же заговор нечистый был я впутан,
Какой случайностью унижен и сражен?
Я сосчитал семь раз — и снова тут как тут он,
Столетний оборотень — снова тот же он!

Кто рассмеется над боязнью и тревогой,
Кто братски не поделит дрожь мою со мной?
Кто не почувствует, что в немощи убогой
Все семеро пришли из дали вековой?

А если бы еще дождался я восьмого,
Необратимого, как время, близнеца,
Который сам себя воспроизвел бы снова
И вылупился бы, как феникс, из яйца?

Как пьяница, в глазах которого двоится,
Вернулся я домой и запер дверь ключом,
Озябший до костей, в припадке огневицы,
Шепча бессмыслицу бог ведает о чем.

Рассудок не искал разгадки и причины.
Все тщетно. С толку сбил меня осенний вихрь.
И прыгала душа по прихоти пучины,
Как ветхий парусник на волнах штормовых.

СТАРУШОНКИ

Виктору Гюго

1

В старинных городах, в кривых ущельях грязи,
Сквозь ужас красота проглянет, чуть жива.
Я шел по их следам. В самом их безобразье
Очаровательны смешные существа.

Горбуньи хроменькие женщинами были,
И ветреность Лаис не выветрилась в них —
В залатанных шелках, в налете ветхой пыли,
В юбчонках вязаных, поношенных, дрянных...

А все карабкаются! Ветер злобно хлещет.
Внезапно — дилижанс, и давка на углу...
Бедняжка мечется, сторонится, трепещет,
Прижала ридикюль и прячется во мглу.

Но все ползут они, как раненые звери,
Смешные куколки, силком гонимы в пляс, —
Не Демон ли вверху, в жестоком недоверье,
Встряхнув бубенчики, их гонит, распался!

Но кем бы ни были — в глазах неомраченных
Блестит божественное, детское у всех.
Такие же глаза у озорных девчонок:
И любопытство в них, и беспричинный смех.

Не кажется ли вам, — гроба старушек часто
Бывают не длинней, чем гробики детей?
Смерть любознательна, умела и глазаста,
Мила причуда ей, по нраву странность ей.

Когда бы в городе старушек я ни встретил,
Мне кажется порой, — то призраки бредут,
И шаг их наугад, и взгляд незрячий светел,
Но колыбель себе их тени обретут.

И на глазок сравнив размеры душ бесплодных,
Я не догадывался произвести расчет:
Как сделает гроба мастеровитый плотник,
Каким он способом зарубки насечет.

Глаза — луженые, остуженные тигли,
Колодцы горьких слез, не текших никогда.
Загадку этих глаз немногие постигли,
А выкормила их такая же беда!

2

Ту жрицу Талии в кордебалете старом
По имени — увы! — один суфлер и знал.
Когда-то Тиволи любил ее недаром,
Ей аплодировал, бросал цветы ей зал.

Иные хрупкие созданья мне открыли,
Что в муках радость есть. Их жребий был таков:
Самоотверженности жертвенные крылья
Вносили женщин тех превыше облаков.

Одна изгнанницей по Франции томилась,
Другая прочь ушла от мужа-старика,
Погиб у третьей сын — и в том Пречистой милость ..
За каждой — горьких слез бездонная река.

3

И вот одна из них мне памятна навеки!
В тот смутный час, когда закатные снопы
Кровавят облачные, пламенные реки, —
На каменной скамье, в сторонке от толпы.

Сидит поклонница военного оркестра,
Впивает жадно марш солдатчины былой,
А в сердце горожан история воскресла,
Быль героическая тлеет под золой.

Старуха выпрямилась гордо по уставу,
Блаженно внемлющая грохоту литавр,
Как дальнзоркая орлица. И по праву
Над мраморным челом мерещится мне лавр!

4

Так проходите же, безропотны и глухи,
Сквозь хаос городской, сквозь сумерки и тьмы,
Вы, вдовы, матери, святые или шлюхи!
Как ваши имена когда-то чтили мы!

Вы были чьей-нибудь и прелестью и славой.
Никто не помнит вас. Невежа, пьяный вдрызг,
Пристанет походя с ухмылкой слюнявой,
Мальчишка свистнет вслед или поднимет визг.

Как будто долгого стыдясь существованья,
Пугливые, к стене прижались вы спиной,
Не узнаны никем, лишенные призванья,
Как бы созревшие для вечности одной!

А я — признаться ли? — я непременно буду
В тревожной радости вас ждать исподтишка.
Я стал для вас отцом и, благодарный чуду,
За вами следую, отстав на три шага.

Я вижу весь расцвет влюблений ваших прежних,
Всю прелесть юных дней — о, как она светла!—
Всем сердцем расщеплен в поступках ваших
грешных,
Всея вашей доблестью испепелен дотла!

Развалины семьи! Я кровный ваш наследник,
Вечерний мой поклон по-прежнему глубок.
Где завтра встречу вас, восьмидесятилетних?
Но в чье плечо вдавил свой коготь страшный бог?

К ПРОШЕДШЕЙ МИМО

Оглушительно улица выла, когда
Эта юная женщина в трауре полном
Подняла край вуали движеньем безмолвным, —
И прошла, словно статуя, странно горда.

Только стройные ноги мелькнули мгновенно.
Но я пил в этом взоре, как пьяница пьет,
Наслажденье, которое тут же убьет,
Наважденье, которое самозабвенно.

Проблеск молнии... Ночь! Лишь на миг красотой
Воскрешен и отравлен! Но миг этот прожит.
Только в вечности я прикажу тебе: стой!

Впрочем, так далеко! Да и поздно, быть может!
У меня нет примет — от тебя и следа...
Как тебя я любил бы, — ты знала тогда?!

СКЕЛЕТ-ЗЕМЛЕРОБ

1

Вдоль Сены, там, где книжный рынок,
Среди бумажных мумий ты
Заметишь рваные листы
Анатомических картинок.

Давно таблицы стерлись там,
Но, кажется, художник ветхий
Подправил их иглою меткой,
Придал красоту их чертам.

И, чтобы таинство за гробом
Возможно явственней открыть,
Он предоставил землю рыть
Лишенным кожи землеробам.

2

Что ты вспахало, мужичье,
Зачем к работе вновь стремишься?
Трясешь костями, напряжив мышцы,
В ярмо впрягаешься свое?

Для жатвы странной и безумной,
Рабы, восстав из-под земли,
Какому фермеру пришли
Вы до краев засыпать гумна?

Иль это значит (видит бог,
Эмблемы не найдешь свирепей),
Что на погосте или в склепе
Могильный сон не так глубок?

Или Ничто — предатель скверный,
И смерть обманывает нас,
И, к бесконечности стремясь,
Еще придется нам, наверно,

Покинуть кладбища свои,
Для земляных работ проснуться
И грубых заступов коснуться
Ногой в запекшейся крови?..

ВЕЧЕРНИЕ СУМЕРКИ

Прелестный вечерок, сообщник всех убийц,
Явился, крадучись по-волчьи. Заклубись,
Вечерняя заря, и нависай альковом!
Твой хищник распален, разнуздан и раскован.
Приятный вечерок, желательный для всех.
Чьи руки не солгут, сказав про свой успех:
«Мы поработали на славу!» Будь же сладок,
Пережитых забот мучительный осадок,
И для мыслителя, смотрящего во мглу,
И для рабочего, что прикорнул в углу!
А вот и демоны вторгаются в наш климат.
Похожи на дельцов, они стыда не имут
И хлещут на лету по ставням и дверям.
Вот проституция готовится и впрямь
Навстречу фонарям разжечь свои приманки
И муравейник свой показывать с изнанки,
Тайком прокладывает в переулках путь,
Предательский удар дает кому-нибудь
И в центре города любую грязь шурует,
Кишит, червивая, еду у нас ворует.

Прислушайся! Сейчас жаровни зашипят,
Театры запоют, оркестры завопят.
Вкруг общего стола расселись в сладкой дрожи
Мерзавцы похитрей и шлюхи подороже.
Воришки мелкие, не знающие сна,
Уже наметили — им тоже цель ясна —
Решетки крепких касс, замки церковных кружек,
Чтоб закусить сытней и разрядить подружек.

Замкнись, душа моя! Твой наступает час.
Но не прислушивайся к ним, ожесточась!
Возобновляются мученья всех агоний.

Глухая ночь берет за глотку их в погоне.
А там в могильных рвах костей и не найдут.
Последних вздохов ждет больница. Не придут
Они к себе домой и под огнем зажженным
Не сядут ужинать, не улыбнутся женам.

Ведь слишком многие и не бывали вблизи
Домашних очагов — к земле не прижились.

ИГРА

На креслах, на шелку истрепанных подушек
Ждут шлюхи крашенные, бровки подведа.
Они жеманятся, с их отощавших ушек
Сережки падают дробинками дождя.

Зеленые столы, бессмысленные лица,
Бесцветные глаза, беззубых ртов оскал.
Лишь пальчик трепетный украдкой шевелится,
Пустую грудь, пустой кармашек отыскал.

Нависший потолок от грязи фиолетов.
От грузных канделябр и некрасивых ламп
Ложится тень на лбы прославленных поэтов,
Давно растративших рыдающий свой ямб.

Я вижу, как сквозь сон, всю черную картину
Так зорко, пристально, такой тоской томим,
Что сам проваливаюсь в гниlostную тину,
Озябший и глухой, завидующий им, —

Да, я завидую всем страстью одержимым,
И шлюхам и хлыщам, что вечно на посту,
Что тычут мне в лицо с наигранным нажимом
Один — былую честь, другая — красоту!

Но отвратительна мне зависть к этим нищим,
Что к бездне подошли, и ринулись назад,
И спяну предпочли, теснясь перед кладбищем,
Небытию — печаль, уничтоженью — ад!

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Эрнесту Кристофу

Похожа на живых осанкой безупречной,
С растрепанным букетом, в лайке до локтей,
Она любезничает в обществе беспечно,
Ей светскость нравится, к лицу игривость ей.

Чей стан девический с такой осой сравнится?
Чья роба пышная, чей переливный шелк
Вдоль бедер царственной спадает и струится
И к узким туфелькам надменной снизошел?

На уровне ключиц в трепещущих оборках
Зазыбился батист, подобно ручейку,
Двусмысленно прикрыв от ухажеров зорких
Соблазны мертвенные, — дама начеку!

Гнездятся сумерки в пустотах лобных скважин,
А череп в кудельках прически завитой
Лениво вертится, на позвонки посажен, —
Так нас прельщает Смерть беспечной красотой.

Иные назовут тебя карикатурой.
Иной бесчувственный, во цвете сил и лет,
Влюблен в живую плоть, сожительствует с дурой.
А я в твоих сетях, загадочный скелет!

Пришла ли ты смутить наш развеселый праздник
Гримаской ужаса под маскою шута?
Иль самое тебя пришпорила и дразнит
Распутных шабашей ночная суета?

Иль стон скрипичных струн и наших оргий свечи
Рассеяли твоих кошмаров забытье
И наши шуточки, забавы человечьи,
Развеселили ад, прибежище твое?

Вот глупости людской невычерпанный кладезь,
Вот змеевидный куб, — в нем самогон страстей!
Но тень твоя сквозит, прозрачнеет, разглядясь:
Я вижу сквозь тебя, как алчен этот змей.

По чести, я боюсь, что ты напрасно тратишь
Так много женских чар на смертные сердца, —
Своими шутками лишь страхом их охватишь,
Но мужественного не обретешь борца!

В глубинах глаз твоих такие мысли реют,
Так кружит головы зиянье их тоски,
Что наши плясуны опасно хиреют,
Едва ослабила ты желтые клыки.

Меж тем, кто не сжимал тебя хоть раз в объятьях,
Кто не заглядывал в кладбищенскую тьму,
Какая надобность в духах, прическах, платьях?..
Самоуверенность брезглива ко всему.

Встань, баядерка, в рост — безноса, лихая,
Всю правду выскажи, смуги наш хоровод:
— Малютки! С ваших лиц я пудру отряхую,
Я рядом, господа! Вы слышите! Так вот —

Подонки и хлыщи, отбросы крутоверти,
Как вы, мышинные жеребчики, стары!
Вселенская раскачка, свистопляска смерти
Всех потащила вас — айда в тартары!

От холода на Сене до жары на Ганге
Бредут, не замечают смертные стада,
Что купол продырявлен, что трубит Архангел
Зловещую побудку Страшного суда.

На всех широтах Смерть от века обожает,
Чтоб люди корчились безумней и лютей,
И миррой душится, и стан свой обряжает,
Мешает свой сарказм с отчаяньем людей!

ПАРИЖСКИЙ БРЕД

Константину Гису

1

Всем этим зрелищем ужасным,
Еще неведомым для вас,
Едва проснувшись утром ясным,
Я воскрешен и в этот раз.

Природа наших снов капризна,
Есть у нее свои права,
И вот в бреду моем был изгнан
Зеленый цвет — цветы, трава.

Став живописцем настоящим,
Недаром я предпочитал
В однообразии пьянящем
Лишь воду, мрамор и металл.

Мой Вавилон был пуст и страшен
В сверканье лестниц и аркад,
Со ступеней высоких башен
Струился пенистый каскад.

Вода кипела и взлетала,
И разливалась, и текла.
Поверхность гладкого металла
Была бесцветнее стекла.

На водной глади, в окруженье
Не зелени — лишь колоннад,
Не женщин были отраженья,
Но сны чудовищных наяд.

Вплоть до предела мироздания
Вдоль набережных синих вод
Зелено-розовые зданья
Закрыли плотно небосвод.

Лишь скал, доселе небывалых,
Немая высилась гряда,
Лишь в ослепительных овалах
Посверкивали глыбы льда.

И, безрассудны и безбурны,
Все Ганги сказочной страны
Свои опорожняли урны
В жерло алмазной быстрины.

Так, счастье зодчества отведав,
Нездешней волей обуян,
Я в подземелье самоцветов
Мятежный запер океан.

Все краски, вплоть до черной сажи,
Сливались радужной дугой
В отполированном пейзаже,
На тверди гладкой и нагой.

Ни звезд, ни солнца, — но повсюду,
Куда ни глянь, своим огнем
Заполыхало это чудо,
И мысль моя царила в нем.

В том молчаливом озаренье
Одна страшила новизна,
Что не для слуха — лишь для зренья
Такая вечность создана.

2

Открыв глаза, я вижу ужас
Своей каморки без прикрас.
И, постепенно обнаружась,
Меня он заново потряс.

Часы на голос погребальный
Пробили вновь двенадцать раз,
И небо хмурилось печально,
С оцепененьем не борясь.

АМУР И ЧЕРЕП
Старинная виньетка

Амур на череп влез, хохочет,
Соломку сунул в рот,
Как будто околпачить хочет
Весь человеческий род.

Он пузыри пускает в воздух,
И от такой игры
Рождаются на дальних звездах
Мгновенные миры.

Вот шарик мешкотно взлетает
С большим усилием вверх,
И лопается там и тает
Потешный фейерверк.

Взмолился череп: «Как нелепа,
Амур, твоя игра!
Ты шутишь глупо и свирепо,
Тебе кончать пора!

Чего же хочешь ты добиться,
Чью силу побороть?
Ведь это же мой мозг, убийца,
И кровь моя, и плоть!»

ПОЛНОЧЬ ДОПРАШИВАЕТ

Часы, в полуночи звоня,
Допрашивают нас со смехом,
Каким довольны мы успехом
В итоге прожитого дня:
— Как предназначено, сегодня,
Тринадцатого в среду мы,
Лишив познания умы,
Не слыша голоса господня,
Христа отвергли наотрез
И отказались от причастья.
Но, как нахлебников, по счастью,
Нас пригласил к обеду Крез.
При этом скотском угощенье
Мы Сатане служили вновь,
Унизили свою любовь
И одолели отвращенье.
Мы прославляли палача
И умилялись не потупясь,
Когда чудовищная тупость
Блаженствовала хохоча,
И спины набожно клонили,
И лобызали бранный прах,
И на полуночных пирах
Вдыхали плотный запах гнили.
И, силясь в страсти утопить
Шальное головокруженье,
Мы испытали наслажденье
Без вкуса есть, без жажды пить.
Мы — жрец Поэзии! Однако
Ведет к могиле славный путь.
Скорей бы лампу нам задуть —
И с головой в пучину мрака!

ГРУСТНЫЙ МАДРИГАЛ

1

На что мне твой превосходный разум!
Нет, будь красива и будь грустна!
Едва слезинка блеснет алмазом,
Твое лицо просветлеет разом,
Как от широкой реки страна.

Мне любо чувствовать, что веселье
Бежит огромных очей твоих,
Когда все мучившее доселе
Справляет странное новоселье
И отравляет счастливый миг, —

Когда во взгляде, открытом странно,
Источник жгучей печали бьет,
И кровь сочится из давней раны,
И ты не хочешь моей охраны,
И стон предсмертный в груди поет.

И я в божественном сладострастье,
Что гимном благодным донеслось,
Дышу огнем твоего несчастья,
Дышу одной небывалой властью
Внезапно хлынувших горьких слез!

2

Я знаю, — сердце твое покорно
Любви, что гибели обречена.
Похоже сердце на пламень горна,
И только гордость так чудотворна,
Как будто насмерть осуждена.

Но, дорогая, пока неведом
Тебе твой прежний кромешный ад,
И непрестанно, над смутным бредом
Нет блеска молний, и, значит, следом
Не блещет нож, не струится яд, —

Пока сама ты не разглядела,
Что всюду гибель, всюду беда,
Не содрогнулась, не побледнела,
Не ощутила, что нет предела
Для отвращения и стыда, —

Ты не сумеешь, раба-владыка,
В ночи зловещей, в грозной борьбе
Любить бесстрашно, отдаться дико,
И не раздастся такого крика:
— Мой властелин, я равна тебе!

ЖАЛОБЫ ИКАРА

Наверно, у продажных женщин
Пресыщен счастьем каждый друг.
А я ломаю плети рук,
С бесплотным призраком повенчан.

Непоправимая беда!
Мне свет созвездий отдаленных
Затмил в глазах испепеленных
Земное солнце навсегда.

Пространство было так широко,
Что я предела не открыл,
И воск моих ничтожных крыл
Расплавился в огне до срока.

Отвергнут жгучей красотой,
Я неопознанный исчезну,
И назовут одну лишь бездну
Моей могильною плитой.

К ПОРТРЕТУ ОНОРЕ ДОМЬЕ

Изображенный здесь на диво,
Художник смелый, выйдя в бой,
Смеяться учит над собой, —
Он мастер мудрый и правдивый.

Его веселые листы
Полны энергии великой.
И Зло со всей своею кликой
Такой страшится прямоты.

В изломах контуров и линий
Ни Мефистофель, ни Мельмот
Нам сердце стужей не проймет,
Не вспыхнут факелы Эринний.

Там — сатанинская игра,
Отчаянье, уничиженье.
Здесь — яркое воображенье,
Провозглашение Добра.

ЖАН-БАТИСТ КЛЕМАН

1836—1903

КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ

Расстрелянным в 71-м г.

В пути не встретишь никого ты.
Одни жандармы да шпики.
Отчаявшиеся сироты,
Измученные старики...
Париж — вертеп людского горя,
Где и счастливых душит страх,
Где тонет все в солдатском хоре,
И льется кровь во всех углах.

Да, — но
Непрочен мир и шаток!
Пройдут их красные деньки!
Любую цепь рогаток
Сметут еще раз бедняки!

Оплаченные шелкоперы,
Пираты всех мастей и форм,
От власти ждущие опоры,
Вынюхивающие корм,
Все выскочки с мощною знатной,
Всех шлюх замызганных коты
Кишат, как гнилостные пятна
На голом трупе нищеты.

Да, — но...

Опять нас иезуиты кружат,
И Мак-Магон вошел в зенит.
Об олово церковных кружек
Шальное золото звенит.
А завтра певчие во храме
Хористов оперных забьют,
И расцветет Париж хорами —
А нами каторгу набьют!

Да, — но...

А у любой из потаскушек,
Любой из честных дев и жен,
Эмблемами штыков и пушек
Турнюр приятно освежен.
Везде трехцветное наляпав,
На карты блюд, на ленты шляп,
Они в детей стреляют слабым
И в глотку нам пихают кляп!

Да, — но...

А завтра полицейских орды
Затопчут нашу кровь во прах,
Пока заслуги их столь гордо
Дымятся в пыльных кобурах!
Без хлеба, без ножа в кармане
И без работы, на заре
Мы привлечем к себе вниманье
Одних филеров и кюре.

Да, — но...

Заклепан наглухо ошейник.
Народ, когда восстанешь ты?
Когда воинственный мошенник
На землю рухнет с высоты?
Когда же шатия монашья
Нас позабудет гнать в стада?
Когда же нам удастся наша
Коммуна права и труда?

Да, — но..
Непрочен мир и шаток!
Пройдут их красные деньки!
Любую цепь рогаток
Сметут еще раз бедняки.

К СТЕНЕ!

— К стене! —
И грянула команда.
Пирует банда
И пьет вдвойне.
— К стене!

Кто вы такой? — Прости, приятель,
Раз голоден, то хочешь есть,
К тому же, если ты не спятил,
И под хомут не станешь лезть, —
Дано всем людям это право.
А если хлещет кровь вокруг, —
И если мы рассудим здраво, —
    Пойми, любезный друг, —
    Тогда своим оружием,
    Республике мы служим.

— К стене!

— Кто вы такой? — Спокойны будьте, —
Простой викарий, то есть ваш.
Чтоб выскользнуть из этой жути,
Забился в щель, как карандаш.
Кто вы такой? — Никто, поверьте,
Отец малюток, сын нужды.
И если обречен я смерти,
    В том нет большой беды:
    Седьмой десяток прожит.
    Расстреливай, кто может!

— К стене!

— Кто вы такой? — Вот вам два списка —
Тут сотня дьявольских имен:

Тут что ни самка — коммунистка,
Что ни детеныш — заклеимен!
— А это кто?— Вдова героя,
Что прусской пулею убит.
Смотрите! Я от вас не скрою:
    В дыму гражданских битв
    Несла я незаметно
    Флаг Франции трехцветный.

— К стене!

— Где пропуск ваш? — Четыре раны,
Шесть битв и отпускной билет.
За мною весь Эльзас багряный.
Прошел я беженцем вослед.
— Я в госпитале здесь дежурю:
Удел всех женщин на войне.
Свой и чужой во время бури
    Равно священны мне.
— А ты, малыш? — Признаться,
Мне стукнуло тринадцать.

— К стене!

— А это что за тень? — Мертва я,
Мертва без вашего свинца.
Не тратьте пуль! Я зарываю
Расстрелянного здесь отца.
— А это кто? — Нацелься зорче,
Изрешети мне, сволочь, грудь!
Я тоже вам наделал порчи, —
    Об этом не забудь!
Раз-два — для тех, что юны!
Три — в честь моей Коммуны!

— К стене!
И грянула команда.
Пирует банда
И пьет вдвойне.
— К стене!

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

1844—1896

ПОБЕЖДЕННЫЕ

I

Жизнь торжествует. Мысль умерла.
Захотел победитель хрипло.
Дюжие кони топчут тела.
Сколько же наших братьев погибло!

Выжили мы, сбежали, увы!
Топчемся, прячем глаза от света.
Тупо бредем в грязи и в крови,
Жалобам робким не ждем ответа.

Не разбираем темных путей,
Стадо вдовцов, молчащих сурово,
В царстве пожаров, в кольце смертей
Нет у нас завтра, нет у нас крова.

Некому верить, некого клясть,
Нечего делать, расстаться не с чем.
Ненависть, — неразделенная страсть, —
Сгинет и та в удушье зловещем.

Смолк погребальный обряд в ночи, —
Выстужен ветром, вымыт дождем он.
Можешь погибнуть, — только молчи,
Как подобает всем побежденным.

II

Отблеск ли слабый затрепетал
На горизонте, ветер ли хлещет
Ветви и листья, день ли настал?
Это рассвет, это утро блещет.

Рыжий восток заалел. Потух
Звездный венец, краса небосвода.
Заголосил бессонный петух.
Жаворонок взвился на свободу.

Бьет нам в глаза багряной стрелой
Радость живая, даль зарева,
Хищников ночи гонит долой,
Сразу пиршества их обрывая.

Вот оно, чудо! Бьются сердца
В лад с наступленьем яркой погоды.
Крепнет жаркая воля борца,
Гневная гордость древней породы.

Встань — и на приступ! Встань — и вперед!
Не передышка для нас, не милость, —
В бой! Наконец это наш черед!
Кровь на ножах уже задымилась!

III

В казематах глухих, в ночи беспросветной,
В кандалах, — и все же мы живы еще.
Нас к позорным столбам привязали тщетно.
В наших жилах кровь кипит горячо.

Проницателен взгляд — он чуткий разведчик.
В черепной коробке привыкла плясать
Наша мысль, позабыв о старых увечьях.
Руки в силах кромсать, а зубы — кусать.

Эта сволочь ошиблась, милоя наших.
Понапрасну каялись вам дураки.
Мы за всех отомстим, за живых и павших,
Проповедникам добрых дел вопреки.

Нас держали в цепях, но любые цепи
Созданы для напильников, для той нужды,
Чтобы в праздник под пляски в вашем вертепе
Дать нам время скрыться и спутать следы.

Будет страшен бой, а победа кровава.
Никаких приличий, никаких прикрас.
И тогда наконец воцарится Право,
Да, оно воцарится на этот раз!

IV

Ибо мертвые спят не в грезах дымных,
Они свалены в ров, зарыты в земле.
Не нуждается время в сказках и гимнах,
В легких призраках и в готической мгле.

Сгинул славный Роланд, сгинул конь Роланда.
Содержанье мифов темным-темно.
Все, что вы обещали, для нас накладно.
Ваш обман обнаружен давным-давно.

Вы погибнете. Нет вам от нас прощенья.
Все падете на бойне от наших рук.
Так велит справедливость, так судит мщенье,
Так поет наше Завтра, наш верный друг.

А земля, что иссохла и отошала,
Тут же ведра вашей кровищи всосет,
И она задымится слегка сначала
И к небесным тучам дым унесет.

И шакалы и волки на жуткой тризне
Ваши кости найдут в ворохах травы.
Ну, а мы посмеемся впервые в жизни,
Ибо мертвые вправду мертвым-мертвы!

АРТЮР РЕМБО

1854—1891

БАЛ ПОВЕШЕННЫХ

На черных виселичных балках
Висят лихие плясуны.
Кривляясь в судорогах жалких,
Танцуют слуги Сатаны.

Как дернет Вельзевул их за ворот и, шлепнув
Поношенной туфлей по харям и едва
Совсем не оборвав, как пустит их, притопнув,
Плясать, плясать под звон седого рождества!

Вот лбами чокаются тощие. И в лязге
Шарманочном трещат их ребра, загудев.
Сшибаясь грудью в грудь, трясутся в гнусной
ласке,
Вполне приемлемой для полногрудых дев.

Ура! Сигают вверх! Просторно в балагане,
Легко весельчакам без мышц и животов!
Бой это или бал, но в диком содроганье
Сам Вельзевул смычком пиликать им готов.

Их пятки жесткие без туфель обойдутся.
С них кожа содрана, лишь кое-где клочки,
Не зная срамоты, болтаются и бьются,
Да на головы снег наляпал колпачки.

Да ворон вострепанный, на черепе торчащий,
Да мясо вместо щек свисает бахромой.
Ты скажешь, вкрученный в их призрачную чашу,
Что это рыцарей в картонных латах бой.

Ура! Вопит метель, на пары расколов их.
Проклятые столбы качаются мыча.
И слышен волчий вой из тьмы лесов лиловых,
И горизонт, как ад, краснее кумача.

Пусть оборвутся вниз молодчики! Довольно
Им четки позвонков перебирать, молясь!
Тут им не монастырь с божбою колокольной,
Не отпевают их, но приглашают в пляс!

Но вот из толчеи, раздвинув пляску смерти,
Верзила-сумасброд не рассчитал прыжка,
Встал на дыбы, как конь, и головою вертит,
Как будто чувствует, что шею жжет пенька,

Кричит, — не разберешь, смеется или плачет,
В разбитое бедро две пятерни впились.
Но общий кавардак опять верзилу прячет,
Костями лязгает и скачет вверх и вниз.

На черных виселичных балках
Висят лихие плясуны.
Кривляясь в судорогах жалких,
Танцуют слуги Сатаны.

НАКАЗАНИЕ ТАРТЮФА

Он долго растревлял любовный трепет под
Сутаной черною и руки тер в перчатках,
Метался и желтел, беззубый скалил рот,
Пускал слюну тайком, дрожал в мечтаньях
сладких.

— Молитесь, братие... — Но дерзкий сорванец
Взял за ухо его движеньем беззаботным
И, мрачно выругавшись, разодрал вконец
Сутану черную на туловище потном.

Возмездье! Сорвана одежда с подлеца.
Прощенные грехи с начала до конца, —
Ханжа, как четки, перебрал в уме и, бледен,

Готов был выстоять еще хоть сто обеден.
Но человек забрал все, чем силен монах.
И с головы до ног Тартюф остался наг.

КУЗНЕЦ

Тюильри, 10 августа 1792 года

I

Он мощно оперся на молот. Он для всех
Был страшен. Как труба, пронесся ярый смех
Гиганта пьяного и над Парижем замер.
Он смерил толстяка свирепыми глазами,
Кузнец — Людовика Шестнадцатого, в час,
Когда, лохмотьями кровавыми влачась,
Народная толпа шумела. Перед нею
Людовик выпятил большой живот, бледнея,
С поличным пойманный и чующий петлю.
Но нечего сказать собаке-королю!
Да, ибо эта рвань, кузнец широкоплечий,
И не обдумывал своей простецкой речи,
Но слово било в лоб любого короля.

— Ты вспомнишь, сир? Мы пели «тру-ля-ля»,
Хлестали мы быков на всех господских нивах
Под вечный «Отче наш» каноников ленивых,
На четки вяжущих монеты, сколько дашь.
Бывало, в хриплый рог сеньор затрубит наш,
Мчась на лихом коне. А мы, смиренно горбясь,
Кто с палкой, кто с бичом, не поддавались скорби,
Тупые, как волы, — мы шли, и шли, и шли...
И, обработав так кусок чужой земли,
Отдавши в черные распаханые глыбы
Свой пот и кровь свою, мы есть и пить могли бы,
Но жгли вы по ночам лачуги у дорог,
И наши дети шли начинкой в ваш пирог.
О, я не жалею! Я речью пустяковой
Тебе не надоем. Но выслушай толково.
Ведь весело смотреть в июльский зной, когда
Бредут на сеновал пахучих фур стада

Огромные. Вдыхать таинственное лоно
Примятой ливнями травы, слегка паленой!
А там поля, поля... И это верный знак,
Что созревает хлеб, что колосится злак.
А кто сильнее, тот у наковальни встанет
И, молотом звеня, лихую песнь затынет.
Он все же человек, который жив-здоров
И кое-что урвал от божеских даров!
Но тянет лямку он все ту же, не другую...

Я знаю все теперь. И спрашивать могу я:
Зачем же руки есть и молот у меня?
Чтоб, шпагой под плащом сиятельным звеня,
Любой приказывал — возделай землю, парень?
И если будет мир опять войной ошпарен,
Чтобы сынишка мой пошел, куда ведут?
Я человек, а ты король. И скажешь тут:
«Я так хочу!» Пойми: что может быть нелепей!
Ты думал, мне милы твои великолепья,
Лакеи пышные, павлины на пирах
И тысячи пройдох, одетых в пух и прах!
Они в твою нору тащили наших дочек,
А нас — в Бастилию без дальних проволочек,
А мы-то клянчили: смиряйтесь, бедняки!
Мы золотили Лувр, копили медяки.
Чтоб ели досыта господчики и дамы,
Нам на головы сев роскошными задами!

Нет! С мерзкой стариной произведен расчет!
Народ — не стая шлюх. Не прихоть нас влечет
Срыть и развеять прах Бастилии в мгновенье.
Там каждый камень был кровавым откровеньем
И нам нашептывал, крошась в глухой стене,
Свой отвратительный рассказ о старине.
Довольно bestия Бастилия торчала!
Слышал ты, гражданин, как прошлое рычало
И выло в рушенье бойниц ее тогда?
Была во всех сердцах одна лишь страсть тверда.
Мы крепко сыновей к своей груди прижали.
Мы, словно лошади храпящие, бежали!
И сердце прыгало меж ребер горячо.
Мы шли в июльский зной, сомкнув к плечу плечо,
В Париж! Мы вырвались из собственных отребий,

Став наконец людьми! И, чуя грозный жребий,
Как мы бледнели, сир, надеждой опьянев!
Но, очутившись там, мы позабыли гнев.
Вся буря наших пик, ножей, сигнальных горнов
Как бы сошла на нет при виде башен черных,
Почуяв мощь свою и кротости ища.

И будто с той поры сошла с ума, торча
На этих улицах, ремесленников стая!
Уйдут одни — и вновь бушует, вырастая,
У окон богачей угрюмая орда.
Я тоже среди них — любуйтесь, господа!
Так я вошел в Париж, поднявши молот страшный,
Чтоб сразу вымести отсюда сор вчерашний,
Посмей лишь усмехнись, — я размозжу тебя!
Но ты не трись, короли! Ты можешь, теребя
Своих чернильных крыс, отбиться от прошений,
Послав их, словно мяч, к любой другой мишени
(Пусть шепчут жулики: «Что? Взяли, дураки?»).
Ты можешь мастерить указы, что сладки
Иль пахнут розовой слабительной настоеккой,
Смягчить все трудности, и баловаться бойко,
И даже нос зажать, когда проходим мы
(Для наших выборных мы стали злей чумы!).
Не бойся ничего, — одних штыков.. Отлично!
Черт бы их взял во всей их мишуре столичной!
Довольно, хватит с нас приплюснутых мозгов
И барабанных брюх! Довольно пирогов
Ты пек нам, буржуа, когда мы стervenели,
Кресты и скипетры ломая на панели!

II

Он за руку схватил Капета и сорвал
Оконный занавес. А там народный вал
Гремел, могучими раскатами бушуя.
Он показал толпу, до ужаса большую,
И вой голодных сук, и вой соленых волн,
И весь широкий двор, что был, как рынок, полн
Божбой, и звоном пик, и барабанным треском.
Лохмотья, колпаки фригийские в их резком
Изменчивом строю — все увидал в окно
Людовик, и потел, бледнел как полотно...

Он заболел почти,
— Смотри на сволочь нашу!
Как на стены плюет, как воет, сбившись в кашу!
Им не на что поесть. Все это нищий сброд.
Вот я кузнец. А там жена моя орет,
Хотела в Тюильри добиться хлеба, дура!
Но пекаря на нас посматривали хмуρο.
Есть дети у меня. Я сволочь.

Вот еще
Старухи в чепчиках, что плачут горячо,
Теряя дочерей, прощаясь с сыновьями.
Все это сволочь!

Вот проведенный годы в яме
Бастилии. Другой был каторжником. Но
Они честнее нас... На воле суждено
Бродить им, будто псам. Клеймо еще не стерто:
Позор не кончился. Так для какого черта
Им жить, как проклятым, и среди той шпаны
Реветь тебе в лицо: они осуждены!
Все это сволочи!

Там девушки. Не счесть их!
Ведь вы же мастера в девических бесчестьях!
Вам, знать придворная, сходила с рук игра!
Плевали в душу им, как на землю вчера.
Красотки ваши там. И это сволочь тоже!

Да! Все несчастные, согбенные, чья кожа
На солнце сожжена, — они идут, идут,
И надрываются, и продолжают труд.
Прочь шляпы, буржуа, и поклонитесь людям!
Да, мы рабочие. Рабочие! Мы будем
Господствовать, когда наступит новый век,
И с утра до ночи кующий Человек,
Великий следопыт причин и следствий, встанет.
Он вещи укротит, и повода подтянет,
И оседлает Мир, как своего коня.

О слава кузнецов, могучий сноп огня!
Все неизвестное страшит. Не надо страха!
Поднявши молоты, мы вырвем жизнь из праха,
Просеем шлак и пыль! Вставайте, братья! В путь!
Она приснится нам, придет когда-нибудь
Простая эта жизнь, в горячих каплях пота,

Без злобной ругани, — улыбка и забота
Суровой женщины, любимой навсегда.
И, отдавая дни для гордого труда,
Встав, как на трубный звук, на повеленье долга,
Мы будем счастливы. Да, счастливы! И долго
Никто, никто, никто нас не согнет в дугу.
Ружье прислонено недаром к очагу!

Но пахнет в воздухе нешуточную дракой!
Что я наплел? Я рвань, несомая клоакой.
Остались сыщики и спекулянты в ней!
Свобода вырвана. Но и она прочней,
Пока царит Террор. Я говорил недавно
О кротких временах и о работе славной.
Взгляни-ка на небо! Нам мало всех границ!
Нас разрывает гнев, но мы простерты ниц.
Смотри же на небо!

А я пойду обратно
В великую толпу, что выкатила знатно
Твои мортиры, сир, по мостовой влачась.
Мы кровью вымоем ее в последний час.
Когда раздастся гул последней нашей мести
И лапы королей протянутся все вместе,
Чтоб заварить в полках парадов кутерьму,
Вы нас пошлете вновь — к собачьему дерьму!..

III

Он поднял на плечи свой молот.

Ликовала

Пред кузнецом толпа, насытась до отвала,
И весь широкий двор, все гребни старых крыш,
Весь задыхавшийся и воющий Париж,
Всю эту чернь потряс один озноб и рокот.
Тогда кузнец взмахнул своей рукой широкой —
Так, что вспотел король пузатый, — и вот так
Швырнул ему в лицо багровый свой колпак.

Французы семидесятого года, бо-
напартисты, республиканцы! Вспом-
ните о своих отцах в девяносто вто-
ром году.

Поль де Касаньяк

* * *

Вы, храбрые бойцы, вы, в девяносто третьем
Бледневшие от ласк свободы огневой,
Шагавшие в сабо по рухнувшим столетьям,
По сбитым кандалам неволи вековой,

Вы, дравшиеся в кровь, отмщая друг за друга,
В лохмотьях шедшие на каждый ратный сбор.
Вы, мертвые, чья Смерть, как честная подруга,
Все наши пахоты плодотворит с тех пор.

Огнем омывшие позор величий низких
Там, в дюнах Бельгии, на холмах италийских,
Вы, не смыкавшие горящих юных глаз, —

Почийте же, когда Республика почила.
Так нас империя дубинкой научила.
А Касаньяки вновь напомнили про вас.

ЗЛО

Меж тем как рыжая харкотина орудий
Вновь низвергается с бездонной вышины,
И роты и полки в зелено-красной груди
Пред наглым королем вповалку сожжены,

И сумасшествие, увеча и ломая,
Толчет без устали сто тысяч душ людских, —
О бедные, — для них нет ни зари, ни мая,
О, как заботливо выращивали их!

Есть бог, хохочущий над службой исполинской
Хоругвей, алтарей, камильниц и кропил,
Его и хор осанн давно уж усыпил.

И вот разбужен бог тревогой материнской.
Она издалека пришла к нему в тоске
И медный грош кладет, завязанный в платке.

СПЯЩИЙ В ЛОЖБИНЕ

Беспечно плещется речушка, и цепляет
Прибрежную траву, и рваным серебром
Трепещет, а над ней полдневный зной пылает,
И блеском пенится ложбина за бугром.

Молоденький солдат с открытым ртом, без кепи,
Всей головой ушел в зеленый звон весны.
Он крепко спит. Над ним белеет тучка в небе.
Как дождь, струится свет. Черты его бледны.

Озябший, крохотный, как будто бы спросонок
Чуть улыбается хворающий ребенок.
Природа, приголубь солдата, не буди!

Не слышит запахов, и глаз не поднимает,
И в локте согнутой рукою зажимает
Две красные дыры меж ребер на груди.

БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА В СААРБРЮККЕНЕ,
ОДЕРЖАННАЯ ПОД КРИКИ
«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИМПЕРАТОР!»

Здесь желто-голубой разлив апофеозов.
Здесь император наш взнуздал себе конька
Ретивого. Он рад, что мир, как прежде, розов.
Он грозен, как Зевес, и тих, как папенька.

Солдатики меж тем, кончая перекурку,
Учтиво строятся под барабанный гром.
Из пушек бьет огонь. Питуну оправил куртку
И воззрился на лик монарший за бугром.

Направо Дюмане с осанкой горделивой
Оперся на приклад и, встряхивая гривой,
Кричит: «Да здравствует!..» Сосед хранит покой.

Как солнце черное, сверкает кивер. Рядом
Наивный лесоруб к ним повернулся задом
И благодушно ждет ответа: «А на кой?..»

ВОРОНЬЕ

Господь! Когда зима, бушуя,
Гуляет в мертвых деревнях
И «анжелюс» поет монах,
Скликай всю армию большую
Любезных воронов своих
На черноту полей нагих!

А ты, отчаянная стая,
Чьи гнезда завтра скроет снег,
Носись вдоль пожелтевших рек,
Мчись, над погостами взлетая,
Над рвами черными пророчь,
Взвивайся вверх, рассейся прочь!

По всем французским бездорожьям,
Где спят погибшие вчера
(Не правда ли, давно пора?),
Всем странникам и всем прохожим
Хоть Реквием прокаркай свой
По долгу службы вековой!

А вы, святители господни,
Верните в майские леса
Иные птичьи голоса
Во имя павших, что сегодня
Зарыты в ямины и рвы
И не воротятся, увы!

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ ПАРИЖАН

Весна раскрылась так легко,
Так ослепительна природа,
Поскольку Тьер, Пикар и К^о
Украли Собственность Народа.

Но сколько голых задниц, Май!
В зеленых пригородных чашах
Радужно жди и принимай
Поток входящих — исходящих!

От блеска сабель, киверов
И медных труб не ждешь идиллий.
Они в любой парижский ров
Горячей крови напрудили

Мы разгулялись в первый раз,
И в наши темные трущобы
Заря втыкает желтый глаз
Без интереса и без злобы.

Тьер и Пикар... Но как старо
Коверкать солнце зеркалами
И заливать пейзаж Коро
Горючим, превращенным в пламя!

Великий Трюк, подручный ваш,
И Фавр, подперченный к обеду,
В чертополохе ждут, когда ж
Удастся праздновать победу.

В Великом Городе жара
Растет на зависть керосину.
Мы утверждаем, что пора
Свалить вас замертво в трясину.

И Деревенщина услышит,
Присев на травушку орлом,
Каким крушеньем красным пышет
Весенний этот бурелом.

ПАРИЖСКАЯ ОРГИЯ,
ИЛИ ПАРИЖ ЗАСЕЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

Зеваки, вот Париж! С вокзалов к центру согнан.
Дохнул на камни зной — опять они горят,
Бульвары людные и варварские стогна.
Вот сердце Запада, ваш христианский град!

Провозглашен отлив пожара! Все забыто.
Вот набережные, вот бульвары в голубом
Дрожанье воздуха, вот бивуаки быта...
Как их трясло вчера от наших красных бомб!

Укройте мертвые дворцы в цветочных купах!
Бывалая заря вам вымоет зрачки.
Как оступели вы, копаясь в наших трупах, —
Вы, стадо рыжее, солдаты и шпики!

Принюхайтесь к вину, к весенней течке сучьей!
Игорные дома сверкают. Ешь, кради!
Весь полуночный мрак, соитьями трясуший,
Сошел на улицу. У пьяниц впереди

Есть напряженный час, когда, как истуканы,
В текучем мареве рассветного огня
Они уж ничего не выблюют в стаканы,
И только смотрят вдаль, молчание храня...

Во здравье задницы, в честь Королевы вашей!
Внимайте грохоту отрывков и, давясь
И обжигая рот, сигайте в ночь, апаши,
Шуты и прихвостни! Парижу не до вас.

О, грязные сердца! О рты невероятной
Величины! Сильней вдыхайте вонь и чад!
И вылейте на стол, что выпито, обратно, —
О победители, чьи животы бурчат!

Раскроет ноздри вам немое отвращенье,
Веревки толстых шей издергает чума...
И снова — розовым затылкам нет прощенья.
И снова я велю вам всем сойти с ума —

За то, что вы тряслись, за то, что, цепenea,
Припали к животу той Женщины, за ту
Конвульсию, что вы делить хотели с нею,
И, задушив ее, шарахались в поту!

Прочь, сифилитики, монархи и паяцы!
Парижу ли страдать от ваших древних грыж
И вашей хилости и ваших рук бояться?
Он начисто от вас отрезан — мой Париж!

И в час, когда внизу, барахтаясь и воя,
Вы околеете, без крова, без гроша, —
Блудница красная всей грудью боевою,
Всем торсом выгнется, ликуя и круша!

Когда, любимая, ты гневно так плясала?
Когда, под чьим ножом так ослабела ты?
Когда в твоих глазах так явственно вставало
Сиянье будущей великой доброты?

О полумертвая, о город мой печальный!
Твоя тугая грудь напряжена в борьбе.
Из тысячи ворот бросает взор прощальный
Твоя История и плачет по тебе.

Но после всех обид и бед благословенных, —
О, выпей хоть глоток, чтоб не гореть в бреду!
Пусть бледные стихи текут в бескровных венах!
Позволь, я пальцами по коже проведу.

Не худо все-таки! Каким бы ни был вялым,
Дыханья твоего мой стих не прекратит.
Не омрачит сова, ширяя над обвалом,
Звезд, льющих золото в глаза кариатид.

Пускай тебя покрыл, калеча и позоря,
Насильник! И пускай на зелени живой
Ты пахнешь тлением, как злейший лепрозорий, —
Поэт благословит бессмертный воздух твой!

Ты вновь повенчана с певучим ураганом,
Прибоем юных сил ты воскресаешь, труп!
О город избранный! Как будет дорога нам
Пронзительная боль твоих заглохших труб!

Поэт подыметя, сжав руки, принимая
Гнев каторги и крик погибших в эту рань.
Он женщин высечет зеленой плетью мая.
Он скачущей строфой ошпарит мразь и дрянь.

Все на своих местах. Все общество в восторге.
Бордели старые готовы к торжеству.
И от кровавых стен, со дна охрипших оргий
Свет газовых рожков струится в синеву.

РУКИ ЖАН-МАРИ

Ладони этих рук простертых
Дубил тяжелый летний зной.
Они бледны, как руки мертвых,
Они сквозят голубизной.

В какой дремоте вожделений,
В каких лучах какой луны
Они привыкли к вялой лени,
К стоячим водам тишины?

В заливе с промыслом жемчужным,
На грязной фабрике сигар
Иль на чужом базаре южном
Покрыл их варварский загар?

Иль у горячих ног мадонны
Их золотой завял цветок,
Иль это черной белладонны
Струится в них безумный сок?

Или, подобно шелкопрядам,
Сучили синий блеск они,
Иль к склянке с потаенным ядом
Склонялись в мертвенной тени?

Какой же бред околдовал их,
Какая льстила им мечта
О дальних странах небывалых
У азиатского хребта?

Нет, не на рынке апельсинном,
Не у подножия божеств,
Не полоща в затоне синем
Пеленки крохотных существ;

Не у поденщицы сутулой
Такая жаркая ладонь,
Когда ей щеки жжет и скулы
Костра смолистого огонь.

Мизинцем ближнего не тронув,
Они крошат любой утес,
Они сильнее першеронов,
Жесточе поршней и колес.

Как в горнах красное железо,
Сверкает их нагая плоть
И запекает «Марсельезу»
И никогда — «Спаси, господь».

Они еще свернут вам шею,
Богачки злобные, когда,
Румянясь, пудрясь, хорошея,
Вы засмеетесь без стыда!

Сиянье этих рук влюбленных
Мальчишкам голову кружит.
Под кожей пальцев опаленных
Огонь рубиновый бежит.

Обуглив их у топок чадных,
Голодный люд их создавал.
Грязь этих пальцев беспощадных
Мятеж недавно целовал.

Безжалостное солнце мая
Заставило их побледнеть,
Когда, восстанье поднимая,
Запела пушечная медь.

О, как мы к ним прижали губы,
Как трепетали дрожью их!
И вот их сковывает грубо
Кольцо наручников стальных.

И, вздрогнув, словно от удара,
Внезапно видит человек,
Что, не смывая с них загара,
Он окровавил их навек.

ПРАВЕДНЫЙ

Встал Праведный столбом. Сейчас он плечи скроет
В багряном золоте заката. Я в поту
Воскликнул: «Ты следишь, как метеор построит
Дугу на небесах, как в огненном цвету
От Млечного Пути родится астероид?»

Пусть кутает тебя насмешливая ночь,
О Праведный, молись! Нуждаемся мы в крыше.
Раскайся иль опять блаженство напророчь.
Напомни наконец, что изувечен свыше,
А богохульникам скажи: «Ступайте прочь!»

Но Праведный стоял в голубоватой дали,
В закатных отблесках и промолчал в ответ.
«Пусти в продажу все, вплоть до своих сандалий,
Пречистый пилигрим, тысячелетний дед,
Всесветный плакальщик, всевышний и так далее...

Глава семьи, кулак торговых городов,
Ты кротким числишься, о сердце пресвятое,
Упавшее в сосуд причастий и судов.
Ты проще и глупей, чем дерево простое!
Я отстрадал свое и на мятеж готов!

Я плачу, я простерт перед тобой, тупица,
И хохочу и жду, что мне прощенье дашь!
Я проклят, полумертв, безумец, кровопийца,
Все, что угодно, пусть! О праведный, когда ж
Ты дрогнешь? — От тебя ответа не добиться!

Ты праведен! Ты прав! Ты справедлив! Но ты
Весь в благолепии своей кротчайшей ласки
Сопишь и фыркаешь, как старые киты.
Ты сам себя изгнал, а нам оставил сказки
Про ржавые ключи небесной правоты.

Ты, божье око, трус! Пречистою стопою
Слегка задел меня — вот божеская дань.
Ты трус. Ты вшивое ничтожество слепое!
Христос или Сократ! Святой иль мудрый! Встань!
Уважь Проклятого, я уваженья стою».

Так я кричал ему под куполом ночным,
И звезды искрились в полуночи стоокой.
Я поднял голову, а призрак словно дым
Рассеял след моей иронии жестокой:
— Что ж, ветер, поднимись и побеседуй с ним,

Пока седая ночь, не зная лихорадок,
Фонтанами комет, разбрызгиваясь, бьет.
И вековечный страж, надреманный Порядок
В лазурной заводи в безбурный час гребет,
И звезды движутся, и сон вселенной сладок!

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

Между тем как несло меня вниз по теченью,
Краснокожие кинулись к бичевщикам,
Всех раздев догола, забавлялись мишенью,
Пригвоздили их намертво к пестрым столбам.

Я остался один без матросской ватаги.
В трюме хлопок промок и затлело зерно.
Казнь окончилась. К настезь распахнутой влаге
Понесло меня дальше, куда — все равно.

Море грозно рычало, качало и мчало,
Как ребенка, всю зиму трепал меня шторм,
И сменялись полуострова без причала,
Утверждал свою волю соленый простор.

В благодетельной буре теряя рассудок,
То как пробка скача, то танцуя волчком,
Я гулял по погостам морским десять суток,
Ни с каким фонарем маяка не знаком.

Я дышал кислотою и сладостью сидра.
Сквозь гнилую обшивку сочилась волна.
Якорь сорван был, руль переломан и выдран,
Смыты с палубы синие пятна вина.

Так я плыл наугад, погруженный во время,
Упивался его многозвездной игрой
В этой однообразной и грозной поэме,
Где ныряет утопленник, праздный герой.

Лиловели на зыби горячечной пятна,
И казалось, что в медленном ритме стихий
Только жалоба горькой любви и понятна —
Крепче спирта, пространней, чем ваши стихи.

Я запомнил свечение течений глубинных,
Пляску молний, сплетенную, как решето,
Вечера — восхитительней стай голубиных,
И такое, чего не запомнил никто.

Я узнал, как в отливах таинственной меди
Меркнет день и расплавленный запад лилов,
Как, подобно развязкам античных трагедий,
Потрясает раскат океанских валов.

Снилось мне в снегопадах, лишаящих зренья,
Будто море меня целовало в глаза.
Фосфорической пены цвело озаренье,
Животворная, вечная та бирюза.

И когда месяцами, тупея от гнева,
Океан атакует коралловый риф,
Я не верил, что встанет Пречистая Дева,
Звездной лаской рычанье его усмирил.

Понимаете, скольких Флорид я коснулся?
Там зрачками пантер разгорались цветы,
Ослепительной радугой мост изогнулся,
Изумрудных дождей кочевали гурты.

Я узнал, как гниет непомерная туша,
Содрогается в неводе Левиафан,
Как волна за волною вгрызается в сушу,
Как тарасит слепые белки океан.

Как блестят ледники в перламутровом полдне,
Как в заливах, в лиманной грязи, на мели
Змеи вяло свисают с ветвей преисподней
И грызут их клопы в пережное земли.

Покажу я забавных рыбешек ребятам,
Золотых и поющих на все голоса,
Перья пены на острове, спячкой объятom,
Соль, разьевшую виснувшие паруса.

Убаюканный морем, широты смешал я,
Перепутал два полюса в тщетной гоньбе.
Прилепились медузы к корме обветшалой.
И, как женщина, пав на колени в мольбе,

Загрязненный пометом, увязнувший в тину,
В щебетанье и шорохе маленьких крыл,
Утонувшим скитальцам, почтив их кончину,
Я свой трюм, как гостиницу на ночь, открыл.

Но укрывшись в той бухте лесистой и снова
В море выброшен крыльями мудрой грозы,
Не замечен никем с монитора шального,
Не захвачен купечеством древней Ганзы,

Лишь всклокочен, как дым, и, как воздух, непрочен,
Продырявив туманы, что мимо неслись,
Накопивший — поэтам понравится очень! —
Лишь лишайники солнца и мерзкую слизь,

Убегавший в огне электрических скатов
За морскими коньками по кипени вод,
С вечным звоном в ушах от громовых раскатов,
Когда рушился ультрамариновый свод,

Сто раз крученный-верченный насмерть в мальстреме.
Захлебнувшийся в свадебных плясках морей, —
Я, прядильщик туманов, бредущий сквозь время,
О Европе тоскую, о древней моей.

Помню звездные архипелаги, но снится
Мне причал, где неистовый мечется дождь, —
Не оттуда ли изгнана птиц вереница,
Золотая денница, Грядущая Мощь?

Слишком долго я плакал! Как юность горька мне,
Как луна беспощадна, как солнце черно!
Пусть мой киль разобьет о подводные камни,
Захлебнуться бы, лечь на песчаное дно!

Ну, а если Европа, то пусть она будет,
Как озябшая лужа, грязна и мелка,
Пусть на корточках грустный мальчишка закрутит
Свой бумажный кораблик с крылом мотылька.

Надоела мне зыбь этой медленной влаги,
Паруса караванов, бездомные дни,
Надоели торговые чванные флаги
И на каторжных страшных понтонах — огни!

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Что значит для нас эта скатерть в крови
И в пламени, и преисподние недра,
Свалившие прежний Порядок, и рвы,
И сотни казненных, и бешенство ветра,

И мщенье? — Ничто!.. Ну, а если хотим
Мы этого? Гибните, принцы, купцы,
История, кодексы права, дворцы!
Кровь! Кровь! Ибо голод наш не насытим.

Все силы на мщенье! Террор начался.
Свихнись, мой рассудок, от горечи злой.
Рассейтесь, дивизии и корпуса!
Республика, сгинь! Император, долой!

Кто рыжее пламя раздует в золе?
Мы, прочие люди. Мы братьями станем.
Понравилось нам заниматься восстаньем.
Не надо трудиться на грешной земле.

Европа, Америка, Азия, вы
Исчезните! Вырвалась наша орда,
Деревни займет она и города,
Вулканы молчат! Океаны мертвы!

Стучи, мое сердце! Ты встретило братьев.
Черны незнакомцы, и все же — вперед!
Но горе, — я чувствую, залихорадив, —
Земля-старушенция всех заберет, —

Пускай же! Я есмь! Я останусь в живых...

ЖЮЛЬ ЛАФОРГ

1860—1887

ПОХОРОННЫЙ МАРШ НА ГИБЕЛЬ ЗЕМЛИ

(Пригласительный билет)

Величавые солнца в почетном конвое!
Воздевайте лучи золотых ваших рук,
Продолжайте рыданье свое хоровое
И, оплакав сестру свою, встаньте вокруг.

Исполнились сроки. Земля опочила.
Хрипенье предсмертное, слезы родни.
Ни вдоха, ни отзвука. Только взгляни,
Как бедным обломком играет пучина.
Что ж это, виденье? Иль явь? Сквозь года
Несется гробница трагедии славной.
Но вспомни о подвигах, бывших недавно!
Нет. Кончено. Кончено. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое...

Но вспомни же, вспомни, как в детстве далеко
Огромные дни были скукой полны,
Да ропотом ветра, да плеском волны,
Да лиственным шумом, серебряным, легким.
Но хилых пришла бунтарей череда,
С божественной Майи срывали покровы,
И слышали звезды их голос суровый...
Все кончено. Кончено. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое...

О, не забудь о набатных трезвонах,
Об ужасах средневековых ночей!
Там Голод шагал среди тощих мощей,

Чума развлекалась в могилах зловонных.
Припомни, как Страшного ждали суда
Сердца, не надеясь на высшую милость,
Как ты проклинала, как тупо молилась!
Все кончено. Кончено. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое...

О сумрак церквей! О рыдания хорала!
Сквозь стекла цветные камильницы дым,
Орган, громовая осанна над ним,
Глухой монастырь, где любовь замирала.
...Истерика жалкая. Злая нужда.
Не веря в Отца, позабыв Правосудье,
Стоит одинокий человек на безлюдье.
Все кончено. Кончено. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое...

А каторг, а пуль, а костров или пыток,
Публичных домов, сумасшедших домов,
А замыслов, спрятанных в смуте умов,
А войн — удобрительниц жирных — избыток!
А роскошь! А скука и ложь без стыда!
А голод, а жажда, а алкоголь жгучий!
О, сколько же гибнущих в драме тягучей!
Все кончено. Кончено. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое...

Где твой Сакья-Муни, чистейшее сердце,
Отдавшее всем существам свою кровь,
Где кротость Христова, где грусть и любовь
Распятого в иные дни страстотерпца?
Где столько отдавшие сил и труда
На знаки загадок, на стопы бумаги,
Где книги, где весело лгавшие маги?..
Все кончено. Кончено. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое...

Все стерлось. Венера из мрамора! Песня!
Безумие Гегеля! Тщетный чертеж!
Глухих фолиантов уже не прочтешь.

Встань, башенный город, и снова исчезни!
Была ты сынами когда-то горда.
И блеск твой, и грязь твоя краткими были.
Земля! Тебе снятся забытые были.
Все кончено. Кончено. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое...

Спи крепко. Конеч. Ты поверить мне можешь,
Что вся эта драма, весь этот базар —
Болезненный бред и беспамятный жар.
Точнее ты прошлого не подытожишь.
Ты грезила. Ты не была никогда.
Свидетелей нет. Не раскроются очи.
Есть время, молчанье и общество ночи.
Спи. Сон обрывается. Спи навсегда.

Величавые солнца в почетном конвое!
Воздевайте лучи золотых ваших рук,
Продолжайте рыданье свое хоровое
И, оплавав сестру свою, встаньте вокруг.

ЖАЛОБА ВРЕМЕНИ И ЕГО ПОДРУГИ — ПРОСТРАНСТВА

Мои руки протянуты вдаль. Столько рук, —
Но ни правой, ни левой. Пространство вокруг
В беспредельном пути наткало парусины
Для себя, для беременной звездами сини.

Так друг друга собою наполнили мы —
Два поющих органа, две сомкнутых тьмы,
И поем каждой клеткой, молекулой каждой:
— Это я! Это я! Но смешна наша жажда.

Бесконечность не знает конца и течет
Невозбранно. Но где же размах и расчет?
Где мы? Кто мы? Зачем нас придумал Всевышний?
Что нам вечность, когда она кажется лишней?

Разрывается сердце, о грудь колотя.
Извлеки нас из нашего небытия,
Преврати нас в рыдание пляшущих молний,
Малой долей души нашу емкость наполни!

Но мы длимся, насыщены в точке любой
Только сами собой, только сами собой.
О, как «я» неделимо! О, как ты, пространство,
В белых пятнах пустынь остаешься бесстрастно!

Как оплодотворить тебя! О, как я жду
Этой спазмы любовной! Но только в бреду
Ты со мной, я с тобой. Навсегда и повсюду.
Пресыщенье и скука. Ты будешь. Я буду.

Вот откуда тоска. Вот зачем я влекусь
Испытать этих губ усладительный вкус.
Где же ты в нескончаемом нашем полете?
Где цветущее лоно живой твоей плоти?

Отвлеченность любви между нами двумя
Затесалась, как третий, томясь и томя...
(Но молчи, если ты не покажешь воочью
Где-то рядом, в открытом для глаз средоточье,

В нашем тождестве, в мысли, в ее существо
Знойный полдень, где тени сливаются две!)
Может быть, я двуполоый и разве что в мифе,
Словно червь, извиваюсь к своей Суламифи?

Безначальной жалобой полон мой рот,
Я не знаю конца. Или, наоборот,
Стало анахронизмом такое служенье?
О Лазурь! Продолжайся же — вся в размноженье,

Вся в струенье возможностей, вся в золотом
Опылении солнц и в пыли гекатомб,
Механизм шестерен, вихревая погоня,
Беспорядок бессмыслицы и беззаконья!

Только редкие молнии по временам
Озаряют избранников. Значит, и нам
Остается цвести, ускользя по кругу,
И любить, и служить зеркалами друг другу...

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР

1880—1918

ЗОНА

Наконец-то из древностей выбрался ты!

К башне Эйфеля с бляньем жмутся, как овцы, мосты.
Тебя греки и римляне чуть не сгубили.
И пока в антикварный товар превращаются автомобили,
Молодеет одна только вера в Христа,
Как ангары на аэродромах, проста.

Молодеет в Европе одно христианство.
Папа Пий замечательно модернизировал сан свой.
Что же ты застыдился, не осмелился выстоять
Всю заутреню в церкви, не решился на исповедь?
По улице проносится сквозь гам, со светом пополам
Разноголосица афиш и вывесок, сумятица реклам.
Вот поэзия утра, а вот и газетная проза —
Пинкертоны за выпуск не дороже четвертака,
Лица важных особ и прочая чепуха.

С рассвета улица ведет полки на приступ,
С понедельника вплоть до субботы, в сутки четыре разá,
Полки рабочих, хозяев, хорошеньких стенографисток,
Встречаются, прощаются, сменяются скользья...
По утрам завывает над ними сирена,
В полдень бухает колокол, адом пугая.
Вывески путают буквы умышленно
И кричат и ругаются, как попугаи.

Я люблю их говор торгово-промышленный
В Париже, на улице Омон-Тьевиль.
Ты здесь гулял когда-то, мальчик маленький,
В голубенское с беленьким наряжен маменькой.

Вы, набожные отроки, ты и Рене Дализ,
Перед Пречистой Девой в дружбе поклялись.
Вы забираетесь по утрам в часовню
И любуетесь в рвении неистовом
Предвечным пламенем вселенского рассвета,
Его великолепьем аметистовым
И лилиями Нового Завета,
Распятием и Всескорбящей Девой,
Прильнувшей к Сыну и обнявшей Древо.
Вслед за Страстную Пятницей является Воскресенье
И наконец-то — Вознесенье.
И тут Христос в своем смиренье гордом
Побивает всех летчиков отчаянным рекордом.

Христос — хрусталик в глазах у времени,
Дальнозоркий хрусталик двадцатого века,
Превративший в пернатую тварь человека.
В преисподней черти молчат, наблюдая, —
Как авиация молодая,
В подражанье Симону Волхву,
Устремляется в рассветную синеву.
Каламбурят черти: дескать, авиатор — ворон,
Наречется отныне и присно вором.
Аполлоний Тианский, Икар и Энох
И все прочие пионеры древнейших эпох
Соревнуются с новейшим аэропланом,
Пропускают вне очереди вкусивших причастие
На крайний случай, а то и на счастье.
Прямоугольниками перепончатых крыл
Караван пернатых полнеба покрыл.
Поднимаются вороны, сокола и совы,
Африканские ибисы, фламинго-рыболовы,
А также баснословная птица Рок
Зажимает в клюве адамов череп.
Слышен клекот орлиный. Вслед за орлом
Появляются разноцветные колибри из Америки.
Наконец, встречает долина
Блаженную горилку Святого Духа

В сопровождении Птицы Лиры и Павлина.
Феникс, пылающий бездымно и сухо,
Рождается заново сам из себя.
Три сирены покидают опасный пролив
И поют, мореходов перехитрив.
И орел, и кондор, и безымянный хищник вершинный
Соревнуются с новейшей летной машиной.

А ты гуляешь по Парижу, одинокий в многолюдстве.
Стада автобусов по магистралям льются.
Любовная тревога тебя гнетет и губит.
Любимая тебя давным-давно не любит.
И кажется, к тебе далекие века вернулись.
Монастырские ворота пред тобой распахнулись.
Вчера ты стыдился молитвы любой,
Вчера ты смеялся над самим собой.
Но адский огонь подхватил твой смех,
Осветил он глубины грехов твоих всех, —
Картина повешена в сумерках музея,
Она обличает тебя, ротозея.

Окруженная пламенем богоматерь из Шартра
Просветила тебя в Сакре-Кёр у Монмартра.
Ты болен, услышав об ее благоволенье.
Ты болен любовью и не жаждешь исцеленья.
Ты наверно выживешь, но муки твои бессонны,
Их образы бесплотны. Это призрачные сонмы.

Ты один в средиземноморском порту.
Здесь лимоны круглый год в цвету.
Ты с друзьями на парусной яхте.
Один из Ниццы, другой из Ментоны, третий еще откуда-то.
Вы наблюдаете со страхом осьминогов под водой
И прочих рыб-прихожанок нашей веры пресвятой.

Ты в окрестностях Праги, в саду, в харчевне.
Ты счастлив. Роза лежит на столе.
Ты наблюдаешь, не дописав своей прозы,
Жучка, задремавшего в сердечке у розы,
Ты себя узнаешь на витражах Святого Витта.
Ты смертельно грустен. Твоя жизнь разбита.
Ты Лазарь, свихнувшийся в тот день, когда
Стрелки часов в еврейском квартале

Завертелись обратно сквозь дни и года,
А вместе с ними и твои часы опоздали
И где-то в Градчанах о прошлом бьют,
Между тем в харчевнях по-чешски поют.

Ты в Марселе на фруктовом рынке.

Ты в Кобленце в какой-то гигантской гостинице.

Ты в Риме под мертвенной тенью платанов.

Ты гуляешь с девочкой в Амстердаме.
Она казалась хорошенькой, а на самом деле жалка
И выйдет замуж за лейденского студента.
Три дня вы были жильцами чердака
И распрощались где-то.

В Париже у следователя допрос был короткий.
Ты уголовник и сидишь за решеткой.
Кончилось печальное и веселое путешествие.
Ты не знаешь, сколько оно продолжалось,
Сколько длилось любовное сумасшествие,
От двадцати лет до тридцати — какая жалость!

А вот и эмигранты. Они выглядят убого.
Их запахом полон парижский базар.
Они кормят малюток и молятся богу
И возвращаются обратно на вокзал Сен-Лазар.
И эти цари-волхвы в поисках своей звезды
Мечтают о золоте в Аргентине.
Нищета их безнадежна, Судьба к ним неумолима.
На родину вернутся их бесплотные тени.
Какое-то семейство сгибается под красным пуховиком,
Словно под нереальной мечтой о жизни,
Об оседлости на чужбине, о жилье городском,
На чужих задворках, в чужой отчизне.
Я наблюдал, как они воздухом наслаждаются,
Изредка передвигаясь, как шахматные пешки.
Среди них попадают евреи, их жены в париках, —
Неподвижные куклы в жалких ларьках.

Ты застрял в подозрительном баре перед стойкой,
За два су пьешь кофе, а несчастных сколько!..

Эти женщины не злы, да забот у них куча,
Существуют помаленьку, любовников мучая.
Я знаю жалчайшую из этих женщин,
Руки ее жестки и черны от трещин.
Печален промысел человеческой похоти.
Мое унижение — в ее жутком хохоте.

Я один. Вот и утро.
На улицах молочницы позванивают бидонами.
Ночь ушла вслед за шлюхами, вслед за мадоннами,
Вслед за прекрасными и безобразными.

Предо мной напиток жгучий и грешный,
Словно память о всей твоей жизни прежней.
Я направляюсь к Отейлю, и вернусь домой пешком,
И усну рядом с негритянским гвинейским божком,
Ибо это Христос иного вероисповеданья,
Воплощенье чужого смутного ожиданья.

Прощай, прощай,

Солнце с перерезанной глоткой.

(«Алкоголь», 1913)

МОСТ МИРАБО

Под мостом Мирабо вечно новая Сена.
    Это наша любовь
    Для меня навсегда неизменна,
Это горе сменяется счастьем мгновенно.

    Снова пробило время ночное.
    Мое прошлое снова со мною.

И глазами в глаза, и сплетаются руки.
    А внизу под мостом —
    Волны рук, обреченные муке,
И глаза, обреченные долгой разлуке.

    Снова пробило время ночное.
    Мое прошлое снова со мною.

А любовь — это волны, бегущие мимо.
    Так проходит она.
    Словно жизнь, ненадежно хранима,
Иль Надежда, скользящая необгонимо.

    Снова пробило время ночное.
    Мое прошлое снова со мною.

Дни безумно мгновенны, недели мгновенны,
    Да и прошлого нет.
    Все любви невозвратно забвенны...
Под мостом круговерть убегающей Сены.

    Снова пробило время ночное.
    Мое прошлое снова со мною.

(«Алкоголь», 1913)

СУМЕРКИ

Раздевается Коломбина
Догола, одна-одинешенька,
Красота ее перекошена
В водном зеркале и дробима.

Пред свою воздушной башней
Похваляется шарлатан.
Небо сеется сквозь туман
Млечно-белой, звездною пашней.

Арлекин стоит на подмостках,
Развлекает зрительниц он —
Ведьм-цыганок в бусах и блестках,
Юных фей далеких времен.

Он звезду отцепляет с неба
И жонглирует, закрутив.
Где-то висельник свой мотив
Бьет и бьет в цимбалы нелепо.

Укачал младенца слепец.
Чует самку олень-самец.
Лилипут грустит, что порою
Арлекин вырастает втрое.

(«Алкоголь», 1913)

КОМЕДИАНТЫ

Вдоль садов бредет их орда,
Удаляется в никуда,
Мимо серых харчевен, мимо
Деревень безлюдных гонима.

Впереди ватага ребят.
В смутных грезах взрослые спят
Им достаточно лишь привета,
Чтобы вишни падали с веток.

У них золотом блещет все —
Мандолины, бубны, серсо.
Подмигнул медведь обезьяне —
Просят умники подаянья.

(«Алкоголь», 1913)

ЦЫГАНКА

Ты, цыганка, заранее знала,
Что впотьмах наши жизни бредут.
Попрощались мы с нею, и тут
Нас Надежда в пути обогнала.

А любовь тяжела, как медведь,
Что старается танцам учиться.
Есть бесперая синяя птица.
Да и нищие молятся ведь.

Знают люди, что время их судит.
Но надежда любить по пути
Нам позволила руки сплести.
Что сулила цыганка, то будет.

(«Алкоголь», 1913)

ВАНДЕМЬЕР

Люди в будущем, знайте о жизни моей!
Мой безжалостный век истреблял королей.
Друг за другом они погибали в молчанье.
Их безмолвная гибель была, как венчанье.

Как прекрасны сентябрьские ночи в Париже!
Виноградные лозы свисают все ниже.
И на стеклах ночных отражается рост
Пьяной птичьей оравой исклеванных звезд.
И, как сбор винограда, является утро.

Я бродил по Парижу в тот сумрачный вечер
И далеко за Сеной певца услышал.
Важно пел он и по временам умолкал.
И как будто к нему поспешали навстречу
Сотни жалоб иных, отдаленных и смутных.

Так услышал я зовы, неведомо чьи,
Что парижская песня будила в ночи.
О, догадка моя! Это пьяный Париж,
Виноградарь напитков сладчайших на свете.
На трельях поют ему ягоды эти.

Это жажда моя свою волю простерла!
Города! Наливайтесь в глубокое горло!
Отвечают из Ренна, Компьена и Ванна:
— Это мы, о Париж, наша жизнь и дома.
Нашу влагу, зачатую солнцем, возьми!
В жертву жажде твоей, ненаглядная осень,
Все умы, все дома и все кладбища сносим,
Колыбели, чей плач замолкает, возьми,
От истока до устья все реки возьми, —
Шумом школ и пожатьями рук недоволен,

Оглушен голосами былых колоколен, —
Мы тебе нашу гибкую мысль отдаем.
Мы ее запираем в заброшенный дом, —
Там истлеет загадка галантных, любезных
Старых зал на затворах железных...
Ибо разум наш действенный вне красоты.
Ни Эллада не знает его, ни Восток.
Это разум Бретани, где зыбь океана
Гложет мало-помалу седой материк.

Тут веселый слышался северный крик:

— О Париж! Мы питье твое вечно живое.
Мы самцы-города! Мы хохочем и воем.
Мы сплавляем металлы священных заводов.
От труб наших тучи беременны в небе.
Их некогда плодотворил Иксион.
Это рати бесчисленных рук —
Промысла, мастерские, заводы и рынки.
Они делают вещи по столько-то в час.
Все, что сделано, — все мы тебе отдаем!

И Лион отвечал. И над башней Фурвьера
Шелком выткала высь христианская вера:

— О Париж! Насыщайся божественным словом!
Смутно шепчутся, плещутся Рона и Сома.
Древний культ возрождается в смерти и вновь
Исцеляет больных, источается в кровь, —
О счастливые капли, о благостный ливень!

И с юга откликнулись все города:

— Париж благородный! Единственный разум!
Мы следуем судьбам твоим прихотливым,
А ты, Средиземное, новым приливом
Раздели наше тело, как делят причастье!
О высокой любви сиротская пляска,
О Париж, ты ведь любишь такое вино!

Смертный хрип сицилийского берега сразу
Обозначился в речь под ударами крыльев:

— Виноградники наши созрели для сбора.
Это гроздь внезапных смертей. Они скоро
Станут кровью, землею и солью на вкус
Для твоих, о Париж, еще жаждущих уст.
Под беременной ливнями, рваной тучей
Иксион ее дико ласкает летучий,
И рождают ворон африканские кручи.

Но где же сирены с лучащимся взглядом?
Они обманули влюбленных пловцов,
И больше к пловцам не вернуться на зов
Три девичьих голоса, певшие рядом.

Внезапно пролив изменил очертанья
И видимость плоской и плотской волны,
И все, что могли мы представить себе, —
Все стало как маски на девичьих лицах.

А юный пловец улыбался и плыл.
Утопленницы догоняли его,
Качалась и пела их смертная нега.

Глаза открывает полночная тьма.
Над логовом гидры лютует зима.
И тут я услышал властительный голос —
О Рим!
Он сразу и мысли мои отвергает,
И небо, где судьбы любовь сопрягает:

— На планках расцветшего древа креста,
На лилии, тлевшей сто лет в Ватикане,
Настояно было вино для тебя.
Но ты позабыл про него, ибо ты
Забыл добродетель такой высоты.

Тройная тиара скатилась во прах,
И топчет тиару босой иерарх.
О тусклятина демократических свеч!

О бойня скотов, королевская гибель!
О мертвая свора седых королей,
Своей родовой болезнью болей,
Восстань из могил, возвращайся обратно,
Упейся вином своим тысячекратно!

Это Мозель и Рейн, сопряженные оба.
Это в Кобленце денно и ночью Европа.
Это я, что замедлил в Отейле у Сены.
Это сыплется время, как листья на стены.
И я слышу молитву, смежившую веки,
Что в два голоса тянут текущие реки:

— Париж! Твое вино прекрасней многих вин
На наших берегах. Но в северных садах
Весь виноград созрел для той же страшной жажды.
И гроздьи силачей в давилнях точат кровь.
Но ты один, Париж, красив и благороден.
И бог объявится в тебе одном, Париж.
Все виноградари в моих жилых домах,
В прелестных домиках, отчетливо двуцветных,
Не зная о тебе, полны похвал ответных.
А мы, мольба двух рек, текущих в соль морскую,
Несем бродяжных волн ватагу воровскую.
И город, зыблемый меж ножницами вод,
Не отражает в нас огней своих. Но вот
Откуда-то к нему прорвался свист далекий
И наших девушек смущает сон глубокий.
И сотнями теперь мне города кричали,
Но уши дальних слов не различали.

Вся вселенная в этом вине сгущена!
Насыщает оно и зверей, и растения,
И поющие звезды, и предназначенья,
И детей на коленях у края небес,
И железо, послушного нашего спутника,
И огонь, что мы любим сильней, чем себя,
И всех чисел порядок, и все имена,
И тех, что нам выбелить кости ползут —
Нелюбезных червей, их скучающий зуд,
И армии мира в строю боевом,
И чащи распятий,
И все, чего знать не могу я,
Чего я сказать не успел —
Превращенное в сок виноградный,
Забродившее хмелем Парижа, —
Это было подарено мне.

Соитья, сновиденья, прозябанья,
Божественное горе обожанья,
Миры, подобные и нам и вам, —

Я выпил все и не был утолен.
Но я узнал, какой у жизни вкус,
Когда смотрелся с набережной в воду.

— Слушайте песню! Я горло Парижа.
Надо вселенную досыта пить!

Слушайте песню о пьяной вселенной!

Медленно гибла сентябрьская ночь.
Красные очи мостов потускпели.
Звезды слипались, и день нарастал еле-еле.

(«Алкоголь», 1913)

ХОЛМЫ

Над Парижем однажды утром
Бились в тучах два самолета,
Два гиганта — красный и черный.
Между тем в зените вспыхнул
Самолет предвечного солнца.

Моей юностью был один.
Моим будущим был другой.
Они бешено сшиблись в тучах:
Там Архангел крыльями света
Низвергал с небес Люцифера.

Так расчет решает задачу,
Ясность дня — темноту ночную.
Так любовь моя атакует
Ту, которую я люблю.
Так корчует буря деревья.

Погляди! Все тихо вокруг.
Вот Париж потянулся томно
И, как девочка, пробудился,
На подушке рассыпал кудри
И запел любимую песню.

Так куда же исчезла юность?
Видишь? Будущее в огне.
Это значит, я возвещаю,
Что воистину родилось
Мастерство предсказаний вещей.

Существуют люди-холмы.
Они выше своих собратьев,
Видят будущее издалека,
Лучше, чем свою современность,
И точней, чем свое былое.

Все дорожные знаки наши
Продлеваются в бесконечность.
Пусть сивиллы свистят, как змей.
Но напрасно южному ветру
Укротители змей грозят.

На повестку дня в наше время
Встали мыслящие машины.
Золотые волны разбиты
О побережья скал драгоценных.
Пена их — благая прама-терь.

Ведь орлы не взлетают выше
Человека — владыки мира.
Он рассеивает туманы
И выстраивает сновиденья
Над головокруженьем скуки.

Еще сбудутся — погодите! —
Миллиарды новых чудес.
То не выдумки ваших басен,
Не безделки воображенья,
Это время для волшебства!

Из глубин любого сознания
Извлекут немалую пользу!
Сколько новых живых существ
Будет вызволено из бездны
Вместе с цельным их мирозданьем!

Поднимаются ввысь провидцы,
Как гряда голубых холмов, —
Обладатели точных знаний, —
Недоступных иным ученым, —
Они нас проведут сквозь время.

У желанья большая мощность.
Я тебя поцелую в лоб,
О легчайшая, словно пламя!
Вот откуда твое страданье
И вся пылкость твоя, весь блеск.

Наступает зрелость ученья.
Выясняется суть страданья.
Нет, не в мужестве оно будет,
Даже не в самоотреченье,
Не в поступках и не в свершеньях.

Отыщите-ка в человеке
Нечто большее, чем бывало!
Доберитесь до сильной воли, —
Что за мощь родится оттуда
Без машин и без инструментов!

Все помощники заблуждались,
Затерялись в нашей среде.
Но едва мы объединились, —
Нет конца у нас, нет начала:
Погляди на собственный перстень!

Перекрестки и пустыри,
Наши площади, наши взгорья,
Там хочу я построить башни.
Там поможет мне талисман, —
Он и мертвый мудрее жизни.

Наконец я освободился
От естественности излишней
И могу умереть безгрешно,
А не тронутое никем
Уже тронул я и ощупал.

Доискался я и того,
Что неведомо никому,
Взвесил заново не однажды
Невесомую жизнь в руках
И могу умереть с улыбкой.

А случилось, — так высоко
Я парил, что прости-прощай,
Самый страшный на свете призрак!
Но не стану я восхищаться
Бедным малым, игравшим в ужас!

Прощай, молодость вся в цвету.
Я дышал твоим ароматом

Среди праздничных колесниц,
В плясках римского карнавала,
В ярких масках и бубенцах.

Прощай, молодость, Рождество!
Ты была как звезда живая.
Я узнал ее яркий отблеск
На крутой волне средиземной —
Ярче всех метеоров мира.

О пушистые гнезда света
Над гирляндами облаков,
Вы, горевшие словно нимбы
Над архангельскими главами, —
Ты, гармония всеблагая!

...Отвлекаюсь, чтобы следить,
Как ползет змея по дороге.
Впрочем, это я сам ползу,
Повинуюсь своей же флейте,
Под своим хлыстом извиваюсь.

Наступает время страданья.
Наступает время добра.
Прощай, молодость. Нам пора
Только с будущим подружиться,
Но от этого не погибнуть.

Время жгучего милосердья!
Пусть же воля меня ведет
В семилетнем невероятье.
Человек и бога найдет
Сам в себе — в мудрейшем собрате.

Он откроет иные миры.
Разум, вянущий, как цветок,
Даст родиться зрелым плодам.
И пускай они расцветают
На холмах, освещенных солнцем!

Я скажу о жизненной правде.
Лишь один я пою о ней.
Мои песни падут, как семя.

Замолчите же, все певцы,
Не мешайте плевелы с хлебом!

В мою гавань вошел корабль,
Всеми флагами разукрашен.
Нет на палубе моряков.
Только женщина там простерта.
Только женщина там убита.

Я когда-то ждал подаянья,
И в ответ мне швырнули пламя,
И оно обожгло мне губы.
Так за что мне благодарить,
Если я превратился в факел!

Что же ты, дорогой дружок,
Обернулась сама собою?
Только бездна тебе дана.
Там и я буду сам собою
Дождаться глубин бесцветных.

Я услышал свои шаги
На тропинках этих безлюдных,
И услышал я, что шаги
Так замедленны, так легки
В моих странствиях неоглядных.

А мороз бородой оброс.
Снег валит. А я так несчастен, —
Я, насквозь пересекший небо, —
Подружился с музыкой снега, —
Слишком бел он для глаз моих.

Привыкайте к жизни такой,
К чудесам, что я возвещаю,
К торжеству такого добра,
К претерпленному мной страданию.
Вот и будущее! Пора!

Есть страданье. Есть доброта.
Так рождается красота —
Совершенней, чем совершенство
Раньше созданных образцов.
Снег валит. Я горю в ознобе.

А теперь сижу у стола,
Чтоб описывать свои чувства.
А все то, что я пел вверху, —
Только ствол древесный, разбитый
Бурей, пляшущей в волосах.

На столе стоит мой цилиндр
Рядом с грудой румяных яблок.
Тут же пара перчаток мертвых.
Где-то дама свернула шею.
Кавалер ее поперхнулся.

В давнем прошлом кружился бал.
Я тогда убил дирижера
И очистил своим друзьям
Самый зрелый из апельсинов,
Но взвился он, как фейерверк.

Все мертвы. Любезный хозяин
Тень шампанского льет в стаканы.
И подобье призрачной пены
Превращается в мозг поэта.
Между тем запекает роза.

Машет раб обнаженной шпагой.
Вот блестит она, как ручей.
И достаточно ей упасть,
Чтоб в распоротом мирозданье
Родились иные миры.

Мой водитель летит в ничто.
Каждый раз, когда по дороге
Он гудит перед разворотом, —
Открывается в отдаленье
Целина невинной вселенной.

Третья сцена — явленье дамы,
Поднимающейся на лифте,
Поднимающейся все выше!
Освещение все ярче
Дамский облик преображает!

И однако — все это мелочь!
Будут тайны гораздо глубже —

Обнаружатся и тотчас же
Разорвут вас на сто кусков
Мановеньем одной лишь мысли.

Так восплачем же, ах, восплачем!
Так пускай вверху полнолуние,
Так пускай обломок серпа!
Так восплачем, други, восплачем!
Сколько раз мы смеялись под солнцем!

Держат жизнь золотые руки.
Проникай в золотую тайну.
Ибо все лишь внезапный пламень.
От него расцветает роза
И пылает запахом тонким.

(«Каллиграммы», 1918)

ПРИЗРАК В ТУМАНЕ

В канун четырнадцатого июля,
Часа в четыре пополудни,
Я вышел из дому на улицу в надежде встретить
странствующих акробатов.

Кочующие под открытым небом,
Они давно не попадают в Париже,
А в юности моей встречались чаще.
Исчезли, по провинциям кочуют.

Вдруг на бульваре Сен-Жермен,
У статуи Дантона,
Мне повезло. Бродяги тут как тут.

Их окружило сборище зевак.
Я занял место в давке, чтобы разглядеть
артистов.

Устрашающая тяжесть
Бельгийских городов
На вытянутых руках русского рабочего из
Лонгви.

Полые гантели с хлюпкой перекладиной.
Пальцы крутят горькую и сладкую сигаретку.

Асфальт покрыло грязное тряпье
С топорщащимися складками, —
Квадратные циновки цвета пыли,
Желто-зеленое пятно на каждой
Напоминает издавна преследующий нас мотив.

Но посмотри на тощую фигуру!
По грязной бороде струится пепел прадедов,
Так он размазал по всему лицу родство

И, кажется, о будущем мечтал,
Вертя бессмысленно рукой шарманку.
Она стонала, жаловалась, булькала, хрипела
И восхитительно рыдала.

Все акробаты как окаменели.
А самый старый был в трико линияло-розового цвета,
похожего на щеки ласковых девиц, приговоренных
к ранней смерти:
Такой румянец прячется обычно в морщинах
у ноздрей и рта —
Предательский румянец!

Между лопаток старика зияло
Зловещее пятно харкотины.

И руки — всюду поднятые для защиты руки!

Второму акробату
Служила только собственная тень одеждой.
Я долго в него всматривался, но лица не мог найти:
Был обезглавлен этот человек.
А третий акробат был явным проходимцем,
Беспутным добряком апашем,
Во вздувшихся штанах и в острых туфлях,
Нарядный щеголь — чем не сутенер!

Шарманка замолчала. Начались переговоры
Со зрителями, изредка бросавшими гроши на землю.
Два с половиной франка набралось. Полфранка
не хватало.

Старик смекнул, что больше тут не расщедрятся.
И акробаты начали работать.
Из-под шарманки вышел мальчик, разодетый
В чахоточное розовое нечто с меховой оторочкой
на запястьях и на щиколотках,
Внезапно крикнул, выпрямился, вежливо
приветствовал собравшихся, отставил ногу,
как для коленопреклоненья,
И церемонно поклонился на все четыре стороны
Парижа.

ОКЕАН ЗЕМЛИ

Я построил свой дом посреди океана.
Его окна суть реки, текущие прямо из глаз моих.
Осьминоги кишат мимо стен и под ними,
Слышишь, бьются тройные сердца их и бледные
клювы стучат по стеклу.

Дом сыроватый
Дом пламенеющий.
Весь он когда-то
Нравился мне еще.
Здесь яйца кладут самолеты.
Вниманье, здесь выбросят якорь.
Хорошо, коли небо увидишь,
Завивается жимолость неба.
Осьминоги земли ее щупают.

Сверх того, все мы так или эдак могильщики
у самих себя,
Бледные осьминоги меловых волн с бледными клювами.
Вокруг дома есть океан, хорошо нам знакомый, —
Он не спит никогда.

(«Каллиграммы», 1918)

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Вот из чего рождается симфония любви.
Есть любовь, которая вся в прошлом,
Поцелуи всех прославленных любовников,
Вопли смертных женщин, похищаемых богами,
Возмужанье тех, что вздыбили зенитки против самолетов,
Напряженный вой Язона,
Песня умирающего лебедя,
Гул недвижимого Мемнона в час, когда встает заря с победным гимном.
Есть рыдания сабинянок, взятых в плен.
Есть еще любовное рычанье кошек в джунглях,
Оплодотворенье всех тропических растений,
Пушечное грохотанье, как ответ на страшную любовь народов,
Пенье пены в час рожденья красоты и жизни,
Пенье всех любвей во всей вселенной.

(«Каллиграммы», 1918)

РЫЖАЯ КРАСАВИЦА

Я раскрыт перед вами, — живой человек,
Разобравшийся в жизни и смерти, насколько
возможно,
Испытавший мученья и радость любви,
Научившийся излагать свои мысли,
Знающий несколько языков,
Немало бродивший по свету,
Разглядевший войну в артиллерийских частях
и в пехоте,
Раненный в голову, трепанированный
под хлороформом,
Схоронивший лучших друзей в этой бешеной боине, —
Я знаю о древности и современности все,
что мыслимо знать.
О войне я могу не тревожиться больше.
И признаться, друзья,
Я готов обсуждать вместе с вами перебранку традиции
с изобретением,
Правопорядка — с поиском приключений.

Ваши уста суть подобие божьих,
Они воплощают порядочность.
Будьте же снисходительны, прежде чем сравнивать нас
С любим, кто совершенствует основанья порядка!
Мы искатели приключений,
Но мы не враги вам!
Мы для вас открываем обширные, странные области,
Выставляем в развернутом виде свое волшебство,
Разноцветное пламя невиданных раньше оттенков, —
Невесомые призраки ждут воплощения в жизнь!
Мы исследуем непомерное царство молчанья,
Мы заставим время умчаться вперед и вернуться
обратно.

Милосердые солдатам переднего края
У границ беспредельного будущего!
Милосердие нашим ошибкам и прегрешениям!

Вот и пришло неистовое лето.
Я с молодостью кончил и с весной.
О Солнце — разум огненного цвета, —
Встань надо мной!

Пускай же благородный облик явится,
Пускай любимая мне сердце леденит,
И тянет за собою, как магнит,
Пускай от гибели оборонит
Ты рыжая красавица —
С тяжелым золотом волос,
Которое с огнем слилось
И тянется и длится тайно
В изнеможенье розы чайной!

Так смейтесь, смейтесь надо мной, —
Вы, вездесущие, всегдашние!
Во многом я не смею вам открыться.
Вы сами не даете мне открыться.
Так пожалейте же меня!

ЕСЛИ Я ТАМ ПОГИБНУ...

Если я там погибну, в бою у переднего края,
Целый день ты проплачешь, Лулу, о моя дорогая.
Быстро память моя улетучится, дай только срок.
И снаряд, разорвавшийся там, у переднего края,
Тот красивый снаряд превратится в непрочный цветок.

В скором времени память моя растворится
в пространстве,
Моей кровью она окровавит миры, и моря,
И долины, и горы, и звезды в предвечном убранстве.
И окрашена кровью в распаханном настезь
пространстве,
Возмужает окрепшая, полная силы заря.

Всей потерянной памятью снова живущий вовеки,
Я прильну к твоей нежной груди и смежу твои веки,
Распущу твои волосы и зацелую уста.
Ты со мной не состаришься, ты обновишься навеки, —
Ты останешься вечно такой, молода и чиста.

Это кровь моя брызжет и заново мир украшает,
Это солнце свершает свой круг, запылав от нее,
Крепче пахнут цветы, и волна за волной поспешает,
И любовь моя заново, заново мир украшает,
И счастливый любовник вторгается в тело твое!

Если я и погибну, Лулу, обречен на забвенье, —
Вспоминай меня все же, задумайся хоть на мгновенье
О любви нашей юной, о пламени наших ночей.
Моя кровь превратилась в прозрачный и звонкий

ручей, —
Не горюй ни о чем, хорошей, не жалея о забвенье, —

О единственная — в сумасшедшем бреде вдохновенья!

30 января 1915 («Послания к Лу», посмертно, 1955)

---

* * *

Я завещаю будущему повесть об Аполлинере,
Который и на фронте был везде —
В счастливых городах, в минувшей эре,
Во всей вселенной, на любой звезде,
Во всех, что гибнут, напорвшись на колючее,
И в женщинах, и в лошадях, и в залпах
орудийных батарей,
Был от зенита до надира на волнах морей
И в жгучей тесноте бессонницы армейской.

А поэтом я был из рук вон плохим и так и не мог
ничего добиться.
Я был голоден и хотел бы выпить до дна и разбить
все стаканы, все улицы, все экипажи, всех женщин
в кафе, все витрины, и улицы, все дома и жилища.
И колеса всех экипажей, катившихся по скверной
мостовой,
Я хотел бы швырнуть в горнило для ковки мечей.
Я предвидел явление Красного Христа в революции
русской и жаждал насытиться этим огнем.

Между тем били пушки в Сибири, шла война, там
царила чума и холера, голод и холод,
И в илистых волнах Амура проплывали тысячи трупов.
Последние поезда уходили с вокзалов, и билетов
не продавали.
Солдатам, идущим на фронт, хотелось остаться.

А я, из рук вон скверный поэт, мог уехать куда мне
угодно.

У купцов было денег сколько угодно,
Чтобы нажиться где и на чем угодно.
Ихний поезд отправлялся в пятницу утром.
Один увозил множество будильников и часов
с кукушками из Шварцвальда, другой картонки
с цилиндрами и ассортимент пробочников из
Шеффилда, третий — гроба из Мальме, полные
консервных банок с сардинками в масле.
Сверх того, было множество шлюх, поджимавших
колени и служивших тарой для спекулянтов. Говорят,
они ехали по удешевленному тарифу и у всех был
текущий счет в банке.

Итак, в пятницу утром наступил мой черед.
Я отправился в путь с ювелиром, возвращавшимся
срочно в Харбин,
В экспрессе мы заняли два купе для тридцати четырех
сундуков с драгоценностями от Пфорцейма,
со скверным немецким товаром.
Ювелир одел меня с ног до головы,
Я спал в купе на сундуках и поигрывал
никелированным браунингом, который вручил мне
на вокзале ювелир,

Но представлял себе иные игры, —
Вроде того, что мы украли сокровище Голконды
и спешим укрыть его на другом краю вселенной...
Вроде того, что защищаемся от уральских казаков,
тех самых, что напали на циркачей Жюль Верна,
От хунзузов и пекинских боксеров, от бешеных
монголов далай-ламы, от Али-Бабы с его сорока
разбойниками, от присных страшного Калеки.
А также от новейших крыс в гостиницах,
От вкрадчивых специалистов на вокзалах
и в вагонах...

И все-таки, все-таки
Я тосковал, как ребенок,
Прислушиваясь к вагонному ритму,
К железнодорожной мельнице, как выражаются
американские психиатры,
К лязгу дверей, голосов и колесных осей и качанью
обледенелых вагонов,
К дребезжанью пьянино и ругани картежников рядом
в купе...

Некто в синих очках заглянул зачем-то ко мне.
Пенье пара, зальдевшие окна, равнины, равнины,
равнины и низкое, низкое небо—

И Европа, воображенная издали в прѳдухах вьюги.
Я закутался в плед и дремал, согреваясь на чужих
сундуках, полных золотом.

И единственный тлеет огонек — моя бедная мысль.
Да, я думал о бедной любовнице, девочке бледной,
которую встретил в борделе, в глазах ее все-таки
грезилась мне серебряная лилия,—

Так молчалива, так кротка, ни в чем не упрекает, —
Но стоит мне к ней обратиться, — закрыв глаза, она
идет навстречу.

У прочих женщин золотые платья на сгоревшей плоти.

А эта так бедна, почти гола, почти бесплотна,

Так бедная подружка одинока,

Иззябшая, увядшая так рано.

И эта ночь похожа на тысячи других ночей, когда
несется дальше скорый поезд, и валяются во тьму
кометы, и мужчина с женщиной,— о, даже юные!—
ради забавы делают любовь.

И небо словно рваный тент над цирком, во Фландрии,
в дыму рыбацкого поселка.
И солнце — как чающаяся масленка.
А наверху — на золотой трапедии какая-то ловкачка
делает луну,
Кларнет, и флейта жидкая, и скверный барабан — вот
колыбель моя, вплотную придвинута к роялю,
на котором моя мать, подобно мадам Бовари, играла
бетховенские сонаты.
Когда-то я отлынивал от всех уроков и шлялся
на вокзалы в час отбытия дальних поездов,—
Так я проделал все маршруты на перегоне Отейль —
Лоншан,
Базель — Тимбукту, Мадрид — Стокгольм, Париж —
Нью-Йорк...
Осталась только Патагония под стать моей печали
непомерной...
Внезапно поезд прыгнул и упал на те же рельсы, —
Так это с ним случается всегда.

— Скажи мне, Блез, как далеко мы от Монмартра?
— Да, Жеанна, очень далеко, в дороге целую неделю.
Мы от Монмартра очень далеко, от Сакре-Кёр тоже.

Париж куда-то сгинул, от его огня остался только
черный пепел.
Дождь бьет по стеклам. Где-то тлеет торф.
Сибирь вздымает снежные полотнища.
И жалостный бубенчик сумасшествия
Звенит в последний раз в последнем путешествии.

— Скажи мне, Блез, как далеко мы от Монмартра?

— Забудь о нем, не беспокойся!
Вокзалы в трещинах косых, несутся в окнах вместе
с проводами.

Продолговатое пространство
Вытягивается, чтоб снова сжаться,
Как жалкая гармошка
В руках садиста.
Все демоны срываются с цепей,
Подскакивают рельсы, вьются рельсы.
И все мы — буря в черепной коробке у глухонемого.

— Скажи мне, Блез, как далеко мы от Монмартра?

— Не раздражай меня! Ты что, сама не знаешь?

На нашем пути, как жаровни с багряной золой,

полятся чума и холера...

Ярой злобой кипит паровозная топка.

Вот голодные шлюхи бегут врассыпную.

Что же ты не берешь с них пример?

Томск — Челябинск — Тайшет — Верхнеудинск —

Курган — Пенза —

Тула — Самара — Каинск.

— Где же наша последняя станция, где наше

пристанище в этом распахнутом настезь пространстве?

Путешествие наше ужасно.

Поступай, как они, как голод и смерть поступают,

Делай дело свое,— это стоит сто су в транссибирском

экспрессе!

Приглашай к нашей пьянке мужчин, приставай, делай

дело свое до Харбина!

— Скажи мне, Блез, как далеко мы от Монмартра?

Как мне жалко тебя! Подойди, я прижму тебя

к сердцу, еще не конец!

Недействительна скорость!

Она не страшна современному миру.

Здесь далекое не далеко. Но ужасно в конце

путешествия, если с женщиной рядом мужчина...

— Скажи мне, Блез, как далеко нам до Монмартра?

Погоди, я тебе расскажу обо всем, ляг со мною

на койку, я расскажу тебе эту историю!

На островах Фиджи всегда царит весна. В некошеной

траве любовные объятия длятся вечно, и сифилис

шлифуется под веерами пальм.

Есть другие острова в океане — Маркизовы,

Феникс, Ява, Борнео и Целебес, он похож на кита.

До Японии трудно добраться сейчас,

Но открыта дорога на Мексику, там на крутых

плоскогорьях цветут разноцветные клумбы тюльпанов,

Там палитры и кисти оглушают ударами гонга
 художников, а художник Руссо там ослеп
 на всю жизнь.

Вся страна, словно птичий базар, в пересвисте
 и в клетоте, в щебете, в гомоне птичьем, —

Птицы-лиры и райские птицы, пересмешники вроде
 тукаев, и колибри, которые прячутся в цветочных
 тычинках.

Мы полюбим друг друга в развалинах храма ацтеков,
 Ты мне идиолом будешь, раскрашена странно, как
 детская кукла, слегка жалковатая.

А когда-нибудь наш самолет приземлится в стране
 легендарных озер, там, где ночи безмерно длинны.

Там допотопный пращур убежит от стука нашего
 мотора.

Я выстрою ангар для самолета из окаменелых
 мамонтовых ребер.

Огонь костров согреет нашу страсть.
 И мы у самоварчика чайку напьемся,
 как молодожены-буржуа.

Но каждый день часы идут на час вперед, мы мчимся
 дальше, ничего не происходит.

Я слышу тяжкое гуденье Нотр-Дам
 И кислотоватый колокол в ограде Лувра, тот самый, что
 звонил еще в Варфоломеевой ночи,

И ржавый перезвон над Мертвым Брюгге,
 И электрический звонок в нью-йоркской библиотеке,
 И звон венецианской кампанеллы...

Грохочет поезд на поворотном круге,
 И поворачивает мою память в прошлое.

Мир — как часы на кладбище еврейском в Праге, —
 он вертится обратно.

Есть поезда, которые в пути не встретятся друг с другом,
 Есть и другие, исчезающие в снежном вихре
 без возврата.

Начальники вокзалов между тем играют в поддавки.
 Солдаты в Сиракузах убили Архимеда,
 Все кораблекрушенья кончились ничем,
 О гибели «Титаника» читали мы в газетах...

В моих стихах не умещается ассоциативный бред,
 И это означает, что я поэт из рук вон скверный.
 Вселенная хлещет через меня,
 Я ничего не записал в блокноте.

«Пожалуйста, извините мое невежество, —
Я позабыл старинную игру в стихи», — как сказал
Гийом Аполлинер.

Однако обо всем, что относится к войне,
Можно прочесть в японских газетах, а также
в мемуарах генерала Куропаткина, — газетные
иллюстрации ужасны.

Но незачем ссылаться на документы, — я полагаюсь
на скачки собственной памяти.

После Иркутска путешествие сильно замедлилось.

Наш поезд был первым, который обогнул Байкал.

Паровоз был украшен знаменами и фонарями.

Мы тронулись дальше под скорбные звуки царского
гимна.

А я мог бы в подражание моему другу Шагалу
написать целую серию сумасшедших картин:

Многие лица внезапно окровавило безумие.

У монгольской границы поезд замедлил ход.

И тут я увидел!

Нет, услышал молчанье черных вагонов,

Возвращавшихся с дальневосточных полей, — они были
как призраки.

Раненые умирали без врачей, без сестер милосердия,
без санитаров.

В Красноярске мы видели колонну сумасшедших
солдат.

А в госпиталях — ампутированные руки и ноги.

На лицах солдат пылало кровавое безумие.

Сумасшедшие били кулаками в вагонные стекла.

Я видел составы из ста паровозов, удиравших на запад,
и стаи ворон, улетающих с воплем отчаянья

к Порт-Артуру,
И мой взгляд был прикован к последним вагонам, как
сигнальный красный фонарь.

В Чите у нас была передышка в несколько дней ввиду
железнодорожных заторов,

И мы провели их у господина Янкелевича, который
вздумал выдать за меня свою дочку.

Наш поезд между тем ушел.

Несмотря на зубную боль, я сел за рояль,

Разглядывая мирное жилище, магазин, глазки девицы,
а она по вечерам забиралась ко мне в постель.

В путешествии полагается закрыть глаза на все прочее
и спать, спать, спать.
Я различал поезда по шуму, который они производили:
Европейские поезда шли в темпе четырех четвертей,
азиатские — пяти или шести, остальные —
под сурдинку. Их монотонность напоминала медленную
прозу Метерлинка.
Так я расшифровал путаные тексты колес
и различал разрозненные куски этой дикой красоты.
И она придавала мне силы.

Дальше были Цицикар и Харбин.
В Харбине подожгли отделение Красного Креста.
Тут я сошел с поезда и двинулся обратно.

О Париж, грандиозный очаг с головешками тлеющих
улиц, с домами, которые греются у очага, как когда-то
их прадеды грелись.
Вот афиши, красные, желтые, как мое желтое
прошлое, —

Желтый цвет моих книжных обложек,
Желтый цвет автобусов.

О Париж — перекресток желаний, центральная трасса
тревог!
Вот куда компания международных спальных вагонов
в больших европейских экспрессах присылает опять
свои проспекты, —

Это лучшее богослужение в мире!
Друзья меня кутают ватой.

На горизонте встречаются женщины, они вырастают
все выше и машут руками, как семафоры, и жалобно
блещут под ливнем, —
Белла, Агнесс, Катарина и та итальянка с ребенком
моим.

Крик сирен корабельных всегда раздирает нам сердце!
Против желанья я вспомнил Жеанну и ради нее
написал эту длинную вещь, — о Жеанна, мне грустно,
мне грустно!

Пойду-ка в любой кабачок, чтобы вспомнить
погибшую юность!
Пропущу, как бывало, стаканчик-другой, о Париж!

ЖАН КОКТО

1889—1963

БАРАБАННАЯ ДРОБЬ

Я тебя обожаю, солнце, дико,
Пред тобой ползу на брюхе, владыка!

Лакировщик винограда, яблок и груш,
На меня свой яркий лубок обрушь!

Дуби мне кожу, вытри мой пот,
Избавь меня от прочих забот.

Блеснул зубами негр. Смотри —
Он черен снаружи, розов внутри.

Я черен внутри, розов снаружи, —
От превращенья не стану хуже.

Повтори меня в существе другом,
Как ты Гиацинта сделал цветком.

Стрекоза ненормально вверх сиганула.
На меня из печки хлебом пахнуло.

Преврати сейчас же полдневный зной
В прохладу ночи, в сумрак лесной.

Преврати мой бред в то самое Древо,
Под которым Змей любезничал с Евой.

Помоги привыкнуть к миру обид,
К тому, что мой бедный друг убит.

Лотерею свою быстрее разгрузи,
Расставляй на полках дорогие призы.

Не нуждаемся мы в стеклянных бусах, —
Припаси их в Антилах для голопузых.

Выбирай нарядней нам барахло,
Чтобы в ноздри било и сердце жгло!

Чтоб арпеджио скрипок пело мажорно
В салоне зеркал, в палатке обжорной!

Укrotи мой нрав, распали мой бред,
Шарлатан, хозяин золотых карет!

Пусть вьется по жилету цепь золотая.
...Я сам не знаю, о чем болтаю...

Моя тень внезапно ушла от меня.
Твой зверинец, солнце, полон огня.

Директор цирка, синьор Чинизелли,
Завари мне покрепче пьяное зелье!

Ты клоун-смехач, матадор-лихач,
Циркач, летящий по небу вскачь.

Ты негр, чемпион мирового бокса,
О твои лучи экватор обжегся.

Я все терплю. Я лишь хорошою,
Когда ты дубасишь меня по шее.

Я славить ныне и присно рад,
О солнце, твой упоительный ад!

---

* * *

Весь грузный хлам веков, все золото музеев —
    Как мне постыло все!
Пускай же сокрушит дремоту ротозеев
    Работа Пикассо!

Пускай всплывает вверх вся мебель наших комнат,
    Все двери отперты,
Все руки ищут рук, все рты себя не помнят —
    Ждут поцелуев рты.

Художник с музами сдружился в пляске вечной
    И властною рукой
Из беспорядочности создал человеческий
    Порядок и покой.

ОТ СЕБЯ САМОГО

Ошибочность небесного расчета,
Случайность тайны — это мой барыш,
Моя поэзия. Я снял клише
С незримого (не для меня — для вас).
Я говорю: «Ни звука! Руки вверх!»
Я маскарад преступника отверг,
Дал обаянью точность очертанья.
Предательница-смерть хитрила втайне.
Но синими чернилами сперва
Обрызгал я нагие дерева.

Сказать, что это предприятие просто, —
Безумье. Всполошил я всех крылатых,
Обжулил случай, дал ему солгать
И приказал всем статуям шагать.
И опустели сразу постаменты.
Остался в силе только шум несметный
Школ, петухов, рожки автомобилей
(остаток городского изобилья).
Но пригороды горние в веселье
Ворвались гулом в немоту Марсея.

ПОХИТИТЕЛИ ДЕТЕЙ

В грязи и в крапиве из леса
Цыганка нагая бредет,
Для рыночного интереса
Сыночка у графа крадет.

Пусть мать изнывает в тревоге.
А мальчика в цирк занесло —
Летит акробат легконогий,
Влюбленный в свое ремесло.

Как мил старикам и ребятам
Бумажный веревочный змей!
По крышам ночным, по канатам
Летают ворюги детей.

Похищенный и похититель,
Вы действуете заодно.
Вы знать матерей не хотите —
Кончаетесь вы все равно!

— Вернись, ангелочек, вернись же! —
Так мать умоляет с тоской.
А сын нагибается ниже
Над миской своей воровской.

Спиртной перегар ему тошен.
Четырежды ужин тяжел.
Он бурей морскою подкошен
И в бред с головою ушел.

А бред его — черствые крохи.
Он помнит о давней дороге.
Он грезит о статуе той,
Что смуглой страшна наготой.

АКТЕР

Актер стучит ногой. Вот и последний час!
Актер разорван весь. Он одинок и нервен.
Из горла хриплого, подобная Минерве,
Печаль рождается, стальной броней лучась.

Он по небу скользит. Он еле виден в люке.
Он кровью собственной замаран, заклеямен,
Актер весь вечер ждет и жаждет смертной муки,
И в золотой крови навзрыд рыдает он!

Кровь белая течет и блещет буффонадой.
Он крепко сжал ее в руке.
Кровь красная горит за ним невдалеке.
Но впереди ждет смерть — любовница что надо!

Он шепчет и кричит. Тысячеглазый зал
Встает на якоря, он бурей огорошен.
Рогами слов актер, кинжалами взъерошен, —
Богов безумцами назвал...

Как он хотел сбежать! Не смеет. Так окрепли
Кулисы действия. Его спасти нельзя.
Самопожертвованьем сам себе грозя,
В трагедию он врос посредством кратких реплик.

И кланяется всем, кому и не знаком...
А дальше — сумрачным огнем еще отравлен,
Затылок наклонив под красным резаком,
Он занавесом обезглавлен.

Его Величество директор ищет сам
Голов и мертвых тел. Он хочет разобраться
В кровавых действиях и бродит по лесам,
Но тащат плотники обломки декораций...

Ни слова не сказав актеру о любви,
Сбежали зрители от гибельного краха...
Вставай, актер, пора! Идем, актер, живи!
Валяй, — достраивай жильё свое из праха!

ПОЛЬ ЭЛЮАР

1895—1952

СВОБОДА

На школьных своих тетрадках
И на древесной коре,
На зыбких холмах песчаных
Я имя твое пишу.

На всех страницах прочтенных,
На всех страницах пустых,
На крови, камне и пепле
Я имя твое пишу.

На золоченых картинах,
На королевских венцах,
На воинском вооруженье
Я имя твое пишу.

На пустырях и в дебрях,
На птичьих гнездах в кустах,
На всех отголосках детства
Я имя твое пишу.

На очарованьях ночи,
На белом хлебе дневном,
На первых днях обрученья
Я имя твое пишу.

На всех осколках лазури,
На глади лунных озер,
На солнечных водоемах
Я имя твое пишу.

На беспредельных равнинах,
На крыльях летящих птиц,
На мельничных сонных крыльях
Я имя твое пишу.

На каждом луче рассветном.
На море, на кораблях,
На горных безумных высях
Я имя твое пишу.

На облачных испареньях,
На струях косых дождей,
На ураганных ливнях
Я имя твое пишу.

На всех мерцающих формах,
На бубенцах цветов,
На явно видимой правде
Я имя твое пишу.

На торной прямой дороге,
На опустевшей тропе,
На площади многолюдной
Я имя твое пишу.

На лампе, в ночи зажженной,
На лампе, погасшей к утру,
На всех домах, где бы ни жил,
Я имя твое пишу.

На зеркале, отразившем
Пустое мое жилье,
На теплой пустой постели
Я имя твое пишу.

На шерстке доброй собаки,
На острых ее ушах,
На лапах ее неуклюжих
Я имя твое пишу.

На каждой близкой мне плоти,
На лбу любимых друзей,
На каждой раскрытой ладони
Я имя твое пишу.

На окнах, раскрытых настежь,
На полуоткрытых губах,
Внимательно молчаливых,
Я имя твое пишу.

На брошенных укреплениях,
На сломанных фонарях,
На стенах тоски вседневной
Я имя твое пишу.

На гибели без возврата,
На голом сиротстве своем,
На шествиях погребальных
Я имя твое пишу.

На возвращенном здоровье,
На дерзости, что прошла,
На безрассудных надеждах
Я имя твое пишу.

Могуществом этого слова
Я возвращаюсь к жизни,
Рожденный дружить с тобою,
Рожденный тебя назвать —
С в о б о д а!

(«Поэзия и правда 1942», 1942)

ЗАТЕМНЕНИЕ

Довольны вы? Дверь прочно заперта.
Довольны вы? Мы втиснуты сюда.
Довольны вы? Вся улица пуста.
Довольны вы? Весь город ждет конца.
Довольны вы? В нем голод и нужда.
Довольны вы? Нет ружей, нет свинца.
Довольны вы? Вокруг ночная тьма.
Довольны вы? Мы с вами братья, да.

(«Поэзия и правда 1942», 1942)

---

* * *

Бедняки подбирали объедки из сточных канав.
Их глаза постепенно померкли.
Больше ночь не внушала им страха.

Ослабев, усмехались на слабость свою
И непрочно скользили, как шаткие тени.
Друг на друга смотрели сквозь дымку несчастья,
Помогали друг другу беседой своей задушевной.
В рассудительном, кротком их говоре
Угадал я надежды протянутой руки.

Угадал нарастанье
Бесчисленных листьев осенних,
Нарастанье волны из глубин неподвижного моря,
Угадал нарастанье
Бесчисленной будущей силы.

(«Поэзия и правда 1942», 1942)

МУЖЕСТВО

Париж продрог. Париж не ел три дня
Ни корки, ни печеного каштана.
Плетется он в лохмотьях стариковских
И стоя спит, задохшийся в метро.
Но беднякам остались, кроме горя,
Вся мудрость, все безумие Парижа,
Его огонь, его священный разум,
И доброта его, и красота.
Так не зови на помощь!
Ты сущность, не сравнимая ни с чем.
В твоих глазах нет смертной наготы,
Нет тусклости, — одно возникновенье
Живого человеческого света.
Как угорь — скользкий и тугой, — как шпага,
Изобретательный и мудрый город,
Не терпишь ты несправедливой власти.
В ней беспорядок злейший для тебя.
И ты освободишься!
Трепещущая юная звезда,
Надежда, пережившая невзгоду,
Освободишься ты от лжи и грязи.
Мы нашим братьям мужества желаем.
Ни шпаг у нас, ни касок, ни сапог, —
Есть только пламя в напряженных жилах.
Все лучшие меж нами — мертвецы.
Но кровь их перельется в наше сердце.
Подходит час парижского рассвета.
Подходит миг освобожденья.
Раскрыта площадь настезь для весны.
У идиотской силы есть низы,
Рабы, которых мы зовем врагами:
Едва поняв,
Едва достигнув пониманья,
Восстанут сами.

(«Оружие скорби», 1944)

УБИТЬ

На весь Париж в такую ночь
Спустился странный мир, —
Мир ослепленных глаз,
Бесцветных смутных бредов,
Ушибленных о стены.
Мир бесполезных рук,
Склоненных низко лбов,
Исчезнувших мужей,
Давно ушедших жен,
Не плачущих, холодных.

На весь Париж в такую ночь
Нисходит странный свет.
В парижском добром сердце
Забрезжил свет убийства
Обдуманного, чистого, —
Встают на палачей,
На смерть.

(«Лицом к лицу с немцами», 1944)

МОГУЩЕСТВО НАДЕЖДЫ

Так и сказать, признав свою судьбу:
Я нищ, и гол, и многим обделен,
Прошел, подобно хилому рабу,
Далекий путь — и смертью кончен он.
Есть у меня имущество: мой стон.
Я знаю пот, и слезы, и нужду
И разве что на жалость обречен,
А может быть, приговорен к стыду.

А мог бы есть и пить весьма ретиво,
Подобно вам, до головокруженья,
И спал бы, как животное, лениво,
В тепле, без пробужденья, без движенья.
Но я не сплю, не знаю наслажденья
И не целуюсь с женщиной красивой.
И все же, как ни горестно паденье —
Пустое сердце бьется. Сердце живо.

И мог бы я смеяться, словно пьяный.
Еще заря во мне гнездо совет
И запыхает бдительной охраной
Над ближним — пусть он только оживет.
Так не жалея меня. Мой день придет.
Не осуждай моей дороги странной.
Еще найду я заповедный вход
К тем, что построят новый мир желанный.

К толпе живых! И друг меня найдет.

(«Время вышло из берегов», 1947)

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО ПРОМЕДЛЕНИЯ

Черно мое имя в миг пробужденья.
Черна назойливая обезьяна,
Которая корчит маньяка
Пред зеркалом ночи моей.
Черно тяжелое безрассудство,
Холодный, дряблый двойник.

Черно, где вонзилась стрела.
Черно, где затлел уголек.
Черно сожженное тело.
Обуглено сердце любви.
Черна поседевшая ярость
И пена на подлых губах.

Тупая жажда вопить
Останется вплоть до смерти.
Пускай могилу мою
Оплачут мои знакомцы.
Они любовь одобряли,
Они и траур почтут.

Из наших скрещенных рук
Я строил наши объятия.
Из наших пристальных глаз
Я строил единство зренья.
Сегодня кости мои
Размолоты мертвым прошлым.

В исчезающем этом мире
Не осталось нашего смеха,
Ни ночей наших, ни видений.
Испарилась живая влага.
Только мы вдвоем умещались
В этой раковине пустой.

Отделись от моей печали.
Пусть она рассыплется прахом —
И отвергнет любые жертвы.
Смерть не знает, что значит доблесть.
Отделись, если ты решаешь
Вечно жить и не умирать.

На твоих ресницах сухих,
В глубине твоего желанья
Округляется черный ноль.
Как он крохотен, как огромен,
Как способен он защитить
Самобытное в человеке!

Только я и черен — пойми!

(«*Политические стихи*», 1948)

ТОВАРИЩАМ НАБОРЩИКАМ

Мы одним владели ремеслом,
Помогали видеть в темноте,
Понимать и действовать учили,
Исчезать и снова появляться.

В это верить надо было — верить
В мудрую способность человека
Быть свободным, становиться лучше,
Нежели судьба его сложилась.

Ибо ждали мы большой весны,
Ибо ждали совершенства в жизни,
Ждали, что непобедимый свет
Выдержит все тяжести вселенной.

(«Политические стихи», 1948)

АФИНА

Народ Эллады, горестный владыка,
Все потерявший, только не свободу,
Не жажду справедливости и воли,
Не уваженье к самому себе.

Тебе уничтоженье не грозит.
Под стать своей любви ты сердцем чист.
Душой и телом вечности взыскаю,
Уверен ты, что хлеб получишь даром.

Что хлеб тебе дадут охотно руки,
И честь спасут, и утвердят закон.
Верь только в них, в свои большие руки.
В них милосердье, в них твоя надежда.

Надежда — вопреки господству тьмы
И смерти, отступающей внезапно.
Народ в отчаянье, народ героев
Голодных, но объевшихся отчизной.

Велик иль мал, об этом знает время.
Народ — хозяин всех своих желаний,
Плоть, совершенство плотского объятья.
Живая жажда хлеба и свободы.

Свобода — как морская гладь под солнцем.
И хлеб — как боги, хлеб-соединитель.
Сверкающий, он стал сильнее всех.
Сильней, чем наше горе, чем враги.

(«Полигические стихи», 1948)

ЦЕЛЬ ПОЭЗИИ — ПОЛЕЗНАЯ ПРАВДА

Когда я говорил, что солнышко в лесу
Подобно женщине, отдавшейся в постели,
Вы мне поверили, вы подчинились мне.

Когда я говорил, что этот день дождливый
Струится и звенит в любовной нашей лени,
Вы мне поверили, чтобы продлить любовь.

Когда я говорил, что на плетеном ложе
Свил гнездышко птенец, не говорящий «да»,
Вы мне поверили, деля мою тревогу.

Когда я говорил, что в родниковой влаге
Ключ от большой реки, несущей людям зелень.
Вы мне поверили еще сильнее и глубже.

Но если я пою об улице моей,
О всей моей стране, об улице без края,
Вы мне не верите, вы прячетесь в пустыню.

Бесцельна ваша жизнь. Забыли вы, что людям
Необходима связь, надежда и борьба,
Чтоб этот мир познать и переделать мир.

Всем сердцем бьющимся хочу я вас увлечь.
Я слаб, но я расту, и я живу еще.
Мне странно говорить о вашем пробужденье,

Когда хочу вам дать единство и свободу
Не только в тростниках свирели заревой,
Но рядом с братьями, построившими правду.

(«Политические стихи», 1948)

Как и о том, что где-то славят бога
Или друг друга любят нагишом.
Но где же та стена благополучья?
Мы сами опрокинули ее,
Едва вступили в невозможный мир,
Едва чужой улыбке улыбнулись.

Усталость наша не синей, чем небо.
Мы просим милостыни в мае
У ландышей и белых лилий.
Меж тем еще синее нас — жена.
Она так страстно, так заботливо любила,
Как это полагается в любви.

У чистых родников, вблизи от моря,
Я знаю, что не все могли понять.
Мы больше не хотим продрогнуть
Ни до костей, ни до безумья.
Все вечно. Все мгновенно. Но мы будем
Тверды перед лицом беды,
Горды перед бессудьем.

Мы выкорчем улицу отсюда
И отнесем ненужную — пусть гибнет
Развалина в святилище хозяев.

(«Политические стихи», 1948)

НЕВОЗМОЖНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Я видел этот мир бесчеловечный,
Венец и рабство под проклятым игом.
Я знаю драму, с автором знаком.

Ночь-заговорщица шла впереди меня.
Спесь и убожество ползли по тротуарам,
Вели меня к истокам преступленья.

Я видел борозды, что проводило
На лицах раскаленное железо.
Я видел слабых, сбитых кулаком.

Кровь на животных, кровь на людях видел —
Сбор винограда гаже и подлей,
Чем палачи изящные в перчатках.

Но я меж пыток выбираю скуку
И одиночество в траве осенней.
Я не сообщник даже побежденным.

Я не войду и с палачами в сделку.
Останусь совершенно одинок на свете.
Ни жизнь, ни смерть моя не будут униженьем.

Я лгу. На мне вина. Я чей-то брат и должен
Все испытать. Я понял, что солгал
Товарищи, я ваш. Я протянул вам руки.

(«*Политические стихи*», 1948)

В ВАРШАВЕ, ГОРОДЕ ФАНТАСТИЧЕСКОМ

Кто не видал немых развалин гетто,
Не понимает собственной судьбы,
Не понимает пустоты на месте
Живого сердца и живого тела,

Кто их видал, тому легко понять,
Что сделанного здесь — не переделать.
Все надо изменить, иначе смерть —
Не подвиг, не победа, а ничто.

Кичилось это чудище, вставая
Из бьющегося сердца человека,
Который был закован и разбит,
Чья мысль мертва, чей зоркий взгляд ослеп.

Погибло гетто. Призраки не встанут.
Но множество их создано любовью
Ко всем живущим. Будущее с ними.
Их корни живы, их стволы растут.

Вот образ непомерного страданья
Под сумрачными тучами Варшавы.
Он разрушает все мечты о счастье,
Но воздвигает радугу надежды.

Мертвец в земле расчистил путь живым.

(«Политические стихи», 1948)

О ПЕРВОМ МАЯ ПЕРВОГО МАЯ

Как будто мы листва одной дубравы,
Всех разметал удушливый тот вихрь.
Беда — как ночь. Война — как наводнение.
Нет зеркала — один слепой свинец.

Но не вчера — сейчас они посмели
Предречь уничтожение нам, живым,
Нам, воскресавшим с каждою весной,
Из будущего черпающим свет.

Над ними небо дряблѳое нависло,
А наша мощь отныне и навек
Едина, первозданна, человечна,
Одно лишь счастье тяготит ее,

Одно цветение легкое и зрелость.

(«Политические стихи», 1948)

ТЕНИ

(Фрагменты)

Не тени по земле кружатся,
Не дочери дневного солнца,
Плясуньи отдыха и света,
Подруженьки живых существ.
Не тени на земле полночной,
Предшествующие заре,
В легчайшем блеске лунной влаги
Покорно служат всем, кто спит
Нет, под землей они столпились.

Тревожно бьются их сердца, —
Добытки тепла и тока,
Бастующие горняки.
Сгустилась их обида
В глухую глыбу мглы,
В раскат негодованья
И в ярости раскат.

Трудиться без надежды?
Рыть для себя могилу?
Те, что зажечь могли бы
Глаза миллионам ближних?

Они сказали «нет»
Истлению и праху.
Они хотят дарить.
Дарить? Но кто возьмет?
Сердцам их нет границ.
Но есть предел терпенью.
Довольно голодать,
Когда другие сыты.

Другие лгут, что, дескать,
Отыдешь в землю с миром.

Так, братья горняки, я с вами говорю,
Мои стихи ничто без вашей правоты,
А если человек до срока должен гибнуть,
Пусть первыми умрут среди людей поэты!

(«Урок морали», 1950)

ВСЕ СКАЗАТЬ

Все — это все сказать. И мне не хватит слов,
Не хватит времени и дерзости не хватит.
Я брежу, наугад перебирая память,
Я нищ и неучен, чтоб ясно говорить.

Все рассказать — скалу, дорогу, мостовую,
Прохожих, улицу, поля и пастухов,
Зеленый пух весны и ржавчину зимы,
И холод и жару, их совокупный труд.

Я покажу толпу и в каждом первом встречном —
Его отчаянье, его одушевление,
И в каждом возрасте мужского поколенья —
Его надежду, кровь, историю и горе.

Я покажу толпу в раздоре исполинском,
Всю разгороженную, как могилы кладбищ,
Но ставшую сильнее своей нечистой тени,
Разбившую тюрьму, свалившую господ,

Семью рабочих рук, семью листвы зеленой,
Безликого скота, бредущего к скоту,
И реку, и росу в их плодотворной силе,
И правду начеку, и счастье в цвету.

Смогу ли я судить о счастье ребенка
По кукле, мячику и солнышку над ним?
Посмею ли сказать о счастье мужчины,
Узнав его жену и крохотных детей?

Смогу ли объяснить любовь, ее причины,
Трагедию свинца, комедию соломы
Сквозь машинальный ход ее вседневных дел,
Сквозь вечный жар ее неугасимых ласк?

Смогу ли я связать в единство эту жатву
И жирный чернозем — добро и красоту,
И приравнять нужду к желаниям моим,
Сцепленье шестерен — к тому, чем я томим?

Найду ли столько слов, чтоб ненависть прикончить,
Чтоб стихла ненависть в широких крыльях гнева,
Чтоб жертва поднялась на палачей своих?
Для революции найду ли я слова?

Есть золото зари в глазах, открытых смело, —
Все любо-дорого для них, все новизна.
Мельчайшие слова пословицами стали,
Превыше бед и мук простое пониманье.

Смогу ли возразить, — достаточно ли твердо, —
Всем одиночествам, всем маниям нелепым?
Я чуть что не погиб, не смогши защищаться,
Как связанный боец с забитым кляпом ртом.

Я чуть не растворил себя, свой ум и сердце
В бесформенной игре, во всех летучих формах,
Что облекали гниль, распад и униженье,
Притворство и войну, позор и равнодушие.

Еще немного — и меня б изгнали братья.
На веру я примкнул к их боевым делам.
От настоящего я больше взял, чем можно,
И лишь о будущем подумать не умел.

Обязан я своим существованьем людям,
Живущим вопреки всеобщему концу.
Я у восставших взял и взвесил их оружие,
И взвесил их сердца, и руки им пожал.

Так человеческим стал нехитрый человек.
Песнь говорит о том, что на устах у всех,
Кто за грядущее идет войной на смерть,
На подземельный мрак беспутной мелюзги.

Скажу ли наконец, что в погребе прокишем,
Где бочки спрятаны, открыта настежь дверь,
Нацежен летний зной в сок виноградных лоз, --
Я виноградаря слова употребляю.

Похожи женщины на воду иль на камень,
Суровы иль нежны, легки иль недотроги.
Вот птицы странствуют наперерез пространству.
Домашний пес урчит, тревожится за кость.

Ночь откликается лишь чудачу седому,
Истратившему жар в банальных перепечах.
Нет, даже эта ночь не сгинет понапрасну.
Сон для меня придет, когда других оставит.

Скажу ли, что над всем владычествует юность,
Морщины на лице усталом замечая?
Над всем владычествует отсветов поток, —
Лишь только вытянется из зерна цветок.

Лишь только искренность живая возникает —
Доверчивый не ждет доверья от других.
Пускай ответят мне до всякого вопроса,
Пускай не говорят на языке чужом.

Никто не посягнет дырявить мирный кров,
Жечь эти города и мертвых громоздить.
Я знаю все слова строителей вселенной,
А время для таких — живой первоисточник.

Потребуется смех, но это смех здоровья.
То будет братское веселье навсегда.
То будет доброта такая же простая,
Как к самому себе, когда ты стал любим.

Легчайшим трепетом ответит зыбь морская,
Когда веселье жить свежей соленых волн.
Не сомневайтесь же в стихотворенье этом.
Я написал его, чтоб вычеркнуть вчера.

(«Уметь все сказать», 1951)

ДОБРАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Есть горячий закон у людей:
Из лозы виноградной делать вино,
Из угля делать огонь,
Из объятий делать детей.

Есть суровый закон у людей:
Уберечь свою суть, несмотря
На войну и на горе,
Несмотря на грозящую гибель.

Есть спокойный закон у людей,
Превращающий воду в свет,
Сновиденья в реальность,
А врагов своих — в братьев.

Это древний закон и новый.
Он растет, совершенствуясь,
От самого сердца ребенка
Вплоть до высшего разума.

(«Уметь все сказать», 1951)

МЫ ДВОЕ

Мы двое крепко за руки взялись.
Нам кажется, что мы повсюду дома —
Под тихим деревом, под черным небом,
Под каждой крышей, где горит очаг,
На улице, безлюдной в жаркий полдень,
В рассеянных глазах людской толпы,
Бок о бок с мудрецами и глупцами —
Таинственного нет у нас в любви.
Мы очевидны сами по себе,
Источник веры для других влюбленных.

(«Феникс», 1951)

ЖАКУ ДЮКЛО

Большие господа, укрывшись в пасти зверя,
Весну отпраздновали вновь.
Война и нищета средь бела дня гуляют.
Яд отравляет нашу кровь.

Бал Двухнедельных Роз в Ночном Очарованье.
Гримасы масок и тоска.
А на земле весна цветущая ярка.
Там зреют наши упования.

Но для господ весна — свой брат, самоубийца,
Верней — убийца всех других.
Настало время для насильников лихих,
Изнеможенье, догниванье.

Чтоб оторвать людей от их самосознания,
Настало время для темниц,
Для избиенья всех ни в чем не виноватых,
Для их бессудного изгнания.

Большие господа так устремились к войнам,
Так обезумели от страха,
Что каждый человек им кажется достойным
Стать горстью пепла, горстью праха,

А горе между тем в отважном ликованье
Рождает новых сыновей.
Ничто их не страшит — ни господá, ни гибель.
Они верны стране своей.

Им ясно, что Вьетнам, Корея и Тунис
Подобно им встают на битву.
Живой пример для них товарищ Белояннис.
Они для счастья родились.

Как согласиться жить без веры, без надежд,
    Не видя и не понимая, —
Чтоб мертвечина, грязь и ложь глухонемая
    Тащили их куда-то вниз!..

Сквозь пестрый занавес в движенье бесконечном
    Видна дорога их прямая.
Сомненья нет у них, сомненья нет у нас
    В победе завтрашнего утра.

Весна сражается! Полмира ярким светом
    Мир подарило остальной.
Мы дышим вечностью на пажити земной.
    Мы лета ждем вслед за весной —

Уже обласканы глубоким, знойным летом.

(«Стихи для всех», 1952)

ЛУИ АРАГОН

Род. в 1897 г.

ВАЛЬС ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

Годен для ветра, для грязи, для тьмы.
Годен под пули. Годен для марша.
Годен легендой бродить меж людьми.
Без вести годен пропасть. И как старший,
Спляшешь ты, маленький, — только всмотришь
В ритм партитуры нечеловечьей.
Годен для страха, для раны, для крыс.
Годен, как хлеб, извергаемый печью.

Солнце, ты для обреченных горишь!
Двадцатилетними полон Париж.

Годен для крепкой сивухи с утра.
Годен в патруль под раскат канонады.
Слушай сигнальных рожков тра-ра-ра.
Кончена молодость. Но если надо,
Годен любить, умирать, забывать,
В саване сивых дождей истлевая.

Мальчик-солдат, у тебя есть кровать —
Ров трехметровый, тишь полевая.

Двадцатилетние призывники
Медленно кружатся в вальсе тоски.
Где-то пятнадцать-, шестнадцать- и сем-
Надцатилетние. Кто-то мурлыкал
Песенку, осточертевшую всем
Призывникам в опьяенье каникул.

Только минуту веселья найти, —
Только одну из всего мироздания.
Может быть, жизнь — это, как ни верти:
«Мама! Я скоро умру, до свиданья!»

Годен по-всякому, годен вполне,
Годен, годен быть на войне.

Так начинается вальс. И опять
Кружатся пары в безумном Париже.
Завтра не петь и с любимой не спать.
Сорок мне било. Но эти мне ближе.
Кружится в вальсе бульвар Сен-Жермен.
Крупным курсивом легло на столетье:
Годен — и баста — и без перемен.
Нет. Как они, не хочу околеть я.

Все позабыть, позабыть, позабыть.
В медленном вальсе навеки забыть
Сорокалетье столетья.

1940

ВЕСНА

Долго перекликались с шаланд на Эско.
Ночь металась в бессоннице разгоряченной.
Напевал репродуктор с такою тоской,
Что подействует разве на пылких девчонок.

Выходила одна помечтать на корме
Рядом с милым. А я-то, — с чего я разнежусь?
Этим снится еще «до свиданья» во тьме,
Тем мерещится разве что павший норвежец.

Пограничники! Сны ваши мирно текут
На чужбину — каналами медленной влаги.
Превращается Франция в Бельгию тут, —
Не меняется небо, меняются флаги.

Слишком долго прождали мы весь этот год
Развеселых анютиных глазок апреля.
В вялых венах бродило вино непогод.
Белым пламенем яблони перегорели.

Слишком долго прождали мы. Маленький бог,
Может статься, умрет от любви до Июля.
Слишком долго прождали мы. Слишком глубок
Сон на койке казарменной. На карауле

В комьях грязи мы глохли под противогоазом,
Запирали солдатское сердце замком.
А весенние праздники хлынули разом,
И опять: «Смирно! Ружья к ноге! Марш кругом!»

Нам смешно, что на улице дети гурьбой
Пронеслись и, раздевшись, уснут на кроватях,
Это вроде как Эйлер, астроном слепой,
Помнил пляску планет и мечтал открывать их.

Мы без глаз, без любви, без кровинки в мозгу,
Ждем-пождем, не случится ли с нами новинки.
Мы — как призраки. Об остальном ни гугу,
Чертыхаемся разве — и то по старинке.

Погребенные заживо. Но погоди!
Если все-таки дверь открывается, если
Золотым опылением пахнут дожди,
В ласке ветра названья любимых воскресли.

Но зачем, для кого расцветают цветы
Без тебя, моя милая? — не понимаю.
Без тебя это ад Если это не ты,
То невысказано дело Апреля и Мая.

О, верните, верните мне музыку, небо
И жену. А иначе ничем не помочь.
А иначе и Май для меня еще не был, —
Оскорбление — солнце, отчаянье — ночь.

1940

ЖАЛОБЫ ДИКОЙ ШАРМАНКИ

Услыхали «назад!» у рогаток
И вернулись, едва рассвело.
О, как путь утомительный гадок!

И вернулись, едва рассвело.
Гнутся жены под ношей суровой,
А мужья чертыхаются зло.

Гнутся жены под ношей суровой.
Рядом с ними детишки в слезах.
Нет у них ни игрушек, ни кровя.

Рядом с ними детишки в слезах.
Непонятно им, что там такое —
В беззащитных плывет небесах.

Непонятно им, что там такое:
Пушки на перекрестках с утра,
Рынок, полный золы и покоя.

Пушки на перекрестках с утра,
Да солдаты о чем-то бормочут,
Да полковник ушел со двора.

Да солдаты о чем-то бормочут:
«Сколько ран, сколько мертвых, гляди!
Мертвых в школу пустую волочат.

Сколько ран, сколько мертвых, гляди!
Что-то скажут невесты, — не знаю.
О любимая, горько в груди!»

Что-то скажут невесты, — не знаю.
Спят бойцы, фотографии сжав.
Вьется ласточек стайка сквозная.

Спят бойцы, фотографии сжав,
На носилках, под бурой рогожей.
Их зароят в пустых блиндажах.

На носилках, под бурой рогожей,
Мертвых юношей в школу несут.
В красной марле, с обугленной кожей.

Мертвых юношей в школу несут,
Тут, видать, ничего не поможет!
Брось, сержант, — их врачи не спасут!

Тут, видать, ничего не поможет.
В Сент-Омер доберутся, а там
Кто их в госпиталь завтра положит?

В Сент-Омер доберутся, а там
Враг отрезал нас от океана,
Его танки идут по пятам.

Враг отрезал нас от океана.
Говорят, и Абвиль уже взят.
Да простится нам грех окаянный!

Говорят, и Абвиль уже взят.
Так болтают у пушек стрелки
И бедой горожанам грозят.

Так болтают у пушек стрелки.
Они сами на призрак похожи:
Поглядят, — а глаза далеки.

Они сами на призрак похожи.
И, наверно, сошел он с ума,
Засмеявшийся этот прохожий.

И, наверно, сошел он с ума, —
Черный, черный, как уголь в забое,
Черный, черный, как правда сама.

Черный, черный, как уголь в забое,
Вырастает за ним великан
И кричит: «Выбирайте любое!»

Вырастает за ним великан
И кричит: «Выбирай, что подарят, —
Хоть свинец, хоть шрапнельный стакан!»

И кричит: «Выбирай, что подарят!»
Лучше сто раз башку оторвут
Или с воздуха бомбой ошпарят!»

Лучше сто раз башку оторвут, —
Не пойдем на чужбину с мешками!
Всех несчастнее те, что живут.

Не пойдем на чужбину с мешками.
Мы вернулись. Вернулись сюда!
С тяжким сердцем. С пустыми кишками.

Мы вернулись. Вернулись сюда
Без надежд, без оружия, без жалоб.
Мы хотели уйти, но беда:

Без надежд, без оружия, без жалоб.
Миротворцы старались и тут,
Чтоб полиция нас задержала б.

Миротворцы старались и тут
И послали опять под бомбежку:
Мол, не бойтесь, сюда не дойдут!

И послали опять под бомбежку.
Сколько рваных воронок — сочти!
Ляжем в братские все понемножку.

Сколько рваных воронок — сочти!
Ребятишек и жен разбазарив,
Позабудь все, что любишь, в пути.

Ребятишек и жен разбазарив,
Шел святой Христофор в облаках
По следам полыхающих зарев.

Шел святой Христофор в облаках,
Шел и канул, — как будто бы не был.
Даже посох истаял в руках.
Шел и канул, как будто бы не был.
В раскаленное, гневное небо.

РУДНИКИ ПРЕИСПОДНЕЙ

Загадка тем, кто должен умереть. Египет.
Прострись во прах! Не слышит жалоб фараон.
Ужасное лицо войны. Со всех сторон,
Как пирамиды, шлак. Всю память он засыплет.

А в Монтиньи Гоэль или в Курьер ля Мор,
От Нуаэль Годэ вплоть до Генен Льетара
Ползет рудничный газ. Слабеет звук удара
По сердцу вдов. Обвал породы. Общий мор.

Молчит аккордеон. Шахтеры все сыграли.
Пей кофе. Водки нет. Набей хоть гневом рот.
У гнева дикий вкус обугленных пород.
У гнева оченьки твоей голодной крали.

«Прощай!» — кричат они бездомным землякам.
«Прощай!» — кричат они. И где-то в сердце ночи
«Прощай, прощай!» — платком им машет огонечек.
Продулся в пух и прах железный великан.

Здесь выросли они. Жилища опустели.
Ушла с мешком нужда. Работа не слышна.
Снов не баюкает жилая тишина.
Нельзя любить жену, — не постланы постели.

Они уйдут. Их гонят прочь. Они уйдут.
Детишкам не велят плескаться у фонтана.
Меж тем, в леса антенн вплетаясь неустанно,
Чужие наглецы поют, и лгут, и лгут.

В харчевне танцев нет. В харчевне ничего нет.
Навеки в кожу въелся тусклый антрацит.
Привязанный ко лбу, фонарь не заблестит.
Они уйдут. Они уйдут, куда их гонят.

С проклятьем беженцы последний дом минуют.
Кто заплутался там, среди упавших звезд?
Вся жизнь разорена. Ракеты белый хвост
Еще вытягивает песенку немую.

1940

SANTA ESPINA

Мне помнится напев. Едва его услышат,
Сердца стучат сильней, и кровь горит огнем,
И горячей сердец огонь под пеплом пышет,
И ясно, почему синее небо в нем.

Мне помнится напев необозримой дали,
Где с криком тянутся на север журавли,
Как будто бы его пространства прорыдали
И вся морская соль пошла на штурм земли.

Как будто в черный день, насвистывая, прячет
Кольчугу рваную последний Дон-Кихот, —
А там, в подземной мгле, чужой ребенок плачет,
Там проклял деспота измученный народ.

Как будто тот напев еще хранит отчасти,
Хотя бы в имени, колючий терн венца,
И золотую плоть, и кровь глотка причастья,
И умерщвляемых он будит без конца.

Не подберешь слова. Любое слишком тленно.
Едва процеженный, он все слова отверг,
Чтобы и в ссадинах дряхлеющей вселенной
И после дождика не сбыться и в четверг.

Напрасно я ищу в руладах теноровых,
В рыданьях оперных тот рвущий сердце стон,
Вникаю в шепот волн, ничем не поборов их:
Все смыто в памяти, в ее краю пустом.

О Сант'Эспина, грянь, как некогда звучащий,
Чтоб стоя все бойцы прослушали тебя!
Но сколько вырубил в человеческой чаще,
Живые голоса под корень истребя...

А все мне верится, что вновь тебя затаяет
Таинственная глубь поверженной страны,
Заговорит немой, и параличный встанет
И двинется в поход под звон твоей струны.

И вновь, не дорожа отребьем атрибута,
Сын человеческий уронит терн венца
И громко запоеет на этот раз, — как будто
Боярышник в цвету и радость без конца.

1940

РАДИО — МОСКВА

Слушай, Франция! В недрах весеннего леса
Чья там песня вплетается в шелест ветвей,
Чья любовь совершенно подобна твоей?
Слушай, слушай! Откройся доверчиво ей.
Слушай, Франция! Есть на земле Марсельеза!

О, далекая, — как она нас отыскала?
Еле слышимый еле забрезжил мотив.
Так Роланд погибает, за нас отомстив.
Мавры мечутся. Но, Ронсеваль захватив,
Он швыряет вдогонку им горные скалы.

Бьется сердце. С биением его совпадая,
Откликается полная слез старина.
Жанна д'Арк сновиденьями потрясена.
А в глазах у нее вся родная страна —
Вся седая история, вся молодая.

Чей язык это? Кто его переиначит?
Не по школе я знаю грамматику ту.
Так стучит барабан на Аркольском мосту.
Так Бара и Клебер иступленно кричат в темноту.
«Боевая тревога!» — вот что это значит!

Слушай, Франция! Ты не одна. Так запомни:
Не безвыходно горе, ненадолго ночь.
Просыпайся, крестьянская мать или дочь!
Выйди засветло, чтоб партизанам помочь!
Спрячь их на сеновале иль в каменоломне!

До рассвета Вальми остаются часы.
Просыпайся, кто спит! Не сгибайся, кто тужит!
Пусть нас горе не гложет, веселье не кружит.
Пусть примером нам русское мужество служит.
Слушай, Франция! На зиму нож припаси!

ПРЕЛЮДИЯ

Человек? Человека сломили,
Сбили с ног, в порошок истолкли.
Чтоб не помнил французской земли,
Как скотину, тавром заклеямили
И на бойню гуртом повели.

Где любовь? Что с любимую стало
После стольких и стольких разлук,
После стольких несчитанных мук?
Вновь она, несмотря на усталость,
Из предательских вырвалась рук.

Черных трапез дымится гангрена.
Вьется стая голодных ворон.
Тихо шляпу снимает шпион.
Шире круг! Очищайся арена!
Новой кровью Париж обогрен.

Розы ран запылали навеки.
Жалость к павшим горька навсегда.
Обложила все двери орда.
Зорче взгляд. Шире жадные веки.
Но когда же, французы, когда?

На востоке означилась ясно
Тень победы из волжской пурги,
Тень победы — и дальше ни зги.
Но боятся зари этой красной,
Сбиты с толку, теснятся враги.

Все смертельной для них с каждой ночью
Пуля меткая в каждом окне,
Грохот взрыва в любой тишине.
Так пускай же, разорваны в клочья,
Они мечутся в нашей стране!

В наших спальнях пускай им не спится,
Не живется в безлюдном дому.
Пусть глядит чужестранец во тьму.
Мы заставим убраться убийцу,
А предателя — жаться к нему!

Слишком долго прождали мы молча.
Об опасностях кончена речь.
Небо в зареве. Что нам беречь?
Так сотрите же след этот волчий
С ваших комнат, и улиц, и встреч.

Вас зовут ваши братья из тюрем!
Встаньте, вольные наши стрелки,
Батальонами стройтесь, полки,
И промчитесь, подобные бурям,
Так же неистребимо легки!

Грозным негодованьем пылая,
Очистительным ветром дыша,
Все размалывая и круша,
Встань, народная сила былая,
Пой, народная наша душа!

Где оружие? Найдем его сами.
У врага заберем ни за грош.
К черту рабская вялая дрожь!
Хлеб достаточно смочен слезами.
Каждый день для восстанья хорош.

ПЕСНЯ ВОЛЬНОГО СТРЕЛКА

Им мало, Франция, тебя
Сдать на постой солдатам грязным,
Твоим вином поить их красным,
Бойцов достойных истребя.

Тебя гноят в концлагерях
Под маской вежливости липкой
И дальше продают с улыбкой
Дельцам зловещих передряг.

Потом, угодливо склонясь,
Тобой клянутся шутки ради.
Но ты и в шутовском наряде
Все та же Франция для нас.

Что снится, мать, тебе? Скажи!
Что взоры глаз твоих усталых
Там, в средиземноморских скалах,
Увидели сквозь рубежи?

«Мне снится, — говорит она, —
Побед минувших вереница.
Пустыня Африки мне снится
И благодатная весна...

Когда ж воротятся ко мне
В бурнусах красных бедуины...»
Не жди их! Мы с тобой едины —
Здесь, в нашей собственной стране.

Твои сыны обручены
Лишь со свободой мятежной
И справят свадьбу неизбежно, —
Недаром ружья им верны.

Мое ружье в шкафу пока,
Но и оно стреляет метко,
Как аркебуз в руках у предка,
И помнит славу старика.

И мы, как прадеды, просты.
Так пожелай же нам успеха!
Где я стреляю, — мчится эхо.
Где гибну, — там воскреснешь ты.

1943

ПЕСНЯ О СОРОКА ТЫСЯЧАХ

Враги подымут, чтобы мы молчали,
Леса знамен со сломанным крестом.
Ты — та же, что при дедах, что вначале, —
Песнь волонтеров, — та же и в печали,
И в трауре, — ты наш предсмертный стон.

Бывало, что Европа вся пьянела
От слов твоих, весь мир пускался в пляс.
И тирания медленно бледнела
И шла искать тебя остервенело
В тот старый порт, где песня родилась.

Когда в квартиры чужестранцы влезут,
Пускай найдут лишь пепел да золу!
Пускай им вьюга свищет Марсельезу,
Пусть в окна бьет им рваное железо,
Вальсирует вся мебель на полу!

В бараках сорок тысяч наших граждан.
Чужой конвой. Чужбина. Тишина.
Что мучит их? — Безумье. Голод. Жажда.
Но южный ветер Африки над каждым,
И каторжанам песнь его слышна.

Та песня, что боролась с тиранией,
Взяла сегодня в Африке редут.
Она вернется в стены, ей родные,
У нас в Марселе граждане верны ей.
Их сыновья во Францию придут.

1943

ФРАНЦУЗСКИЙ МАРШ

Пришли предательские дни
Дневной грызни, ночной резни,

Когда вода мутнеет мрачно
И только влага слез прозрачна.

И сволочь столько налгала,
И только мгла кругом легла.

И тень орды зеленолицей
Нам застит небо над столицей.

Они сказали: «Голодай!
Хлеб нам отдай, а кость глодай!»

Они сказали: «Книги бросьте!
Послушен пес хозяйской трости».

Сказали: «Не вставать с колен!
Кто посильней, ступайте в плен!»

И заперли одних в бараки,
Других оставили во мраке.

Но не попались Пьер и Жан
И сотни юных парижан.

И кто не пойман и не забран,
На жизнь и смерть решились храбро.

Как ветер, веющий в кудрях,
Как пламя в синих фонарях.

Не ради приключений пошлых,
Не ради памятников прошлых,

Но ради родины самой
Деремся мы с немецкой тьмой.

Гнать в шею, гнать без разговора
Шпиона, хищника и вора!

Зерно очистить от зерна,
Чтобы очистилась страна.

С любой гряды и огорода
Полоть проклятую породу.

Все погреба и все сады
Отнять у вражеской орды,

Холмы, долины, и жилища,
И кладбища, и пепелища,

Рыбешку мелкую в прудах,
Орехи в рощах и в садах,

Вершины гор, глубины моря,
Где столько крови, столько горя,

И небо, чей благой покров
Без немцев ясен и багров, —

Все, что мы чтим под небесами,
Должны освободить мы сами.

ЛЕГЕНДА О ГАБРИЭЛЕ ПЕРИ

На старом кладбище в Иври,
В могиле братской, безымянной,
В ночи безлунной и туманной
Остался Габриэль Пери.

Но, видно, мученик тревожит
И под землей своих убийц.
Там, где народ простерся ниц,
Любое чудо сбыться может.

Спокойны немцы за Иври:
Там трупы свалены на трупах,
Там в тесноте, в объятых грубых
Задушен Габриэль Пери.

Но палачам не спится что-то!
Недаром злая солдатня,
Французов с кладбища тесня,
К ограде нагнана без счета.

И вот на кладбище в Иври
Никто венка принести не вправе.
Один убийца топчет гравий,
Напуган призраком Пери.

Но обвиненьем служит чудо:
Прах и в земле не одинок.
Гортензий голубой венки
Расцвел над ним, бог весть откуда.

Пускай на кладбище в Иври
Забиты наглухо ворота.
Но в час ночной приносит кто-то
Цветы на бедный прах Пери.

Их столько раз сюда носили
Осколок неба иль слеза,
Легенды синие глаза
Глядят на черное насилье.

И вот на кладбище в Иври
Тяжелые венки печали
Легчайшим звоном прозвучали,
Чтобы порадовать Пери.

В тех лепестках синее лоно
Родимых средиземных волн,
Когда он, молодости полн,
Бродил по гавани Тулона.

И дышит кладбище в Иври
Влюбляющим благоуханьем,
Как будто только что с дыханьем
Простился Габриэль Пери.

Да! Мертвецы такого рода
Тиранам смерть сулят давно.
Их гибель — грозное вино
Для разъяренного народа.

Пускай на кладбище Иври
Толпа редет, гул слабеет, —
Но ветер веет, пламя рдеет
Во имя нашего Пери!

Стрелки, вы помните, когда
Он пел нам песню в час рассвета.
Он здесь давно истлел, но где-то
Еще горит его звезда.

На старом кладбище Иври
Еще поет, еще поет он.
День разгорается. Встает он, —
Все тот же Габриэль Пери.

День — это жертвенная смена
Тех, кто в земле, и тех, кто жив.
Сегодня честно отслужив,
День завтра вспыхнет непременно.

На старом кладбище Иври,
В бездушной мгле, в могиле узкой,
Всею кровью жаркою французской
Нам верен Габриэль Пери.

БАЛЛАДА О ТОМ, КАК ПОЮТ ПОД ПЫТКОЙ

«Нет, колебанье бесполезно.
Все ясно для меня.
Я говорю из тьмы железной
Для завтрашнего дня».

В одной из черных одиночек
Шел разговор всю ночь:
«Согласен, — шепчет переводчик, —
Нам кое в чем помочь?»

Жить, как мы все. Пусть на коленях.
Но жить. Согласен жить?
Шепни нам только слово, пленник,
Чтоб слово заслужить.

Шепни хоть на ухо, — и тотчас
Дверь настезь из тюрьмы.
Взвесь и прикинь, сосредоточась:
Не так уж скупы мы.

Смахнуть с земли тебя легко мне.
Легка любая ложь.
Но вспомни, вспомни, только вспомни,
Как белый день хорош».

И тот ответил: «Бесполезно.
Все ясно для меня».
Так он сказал из тьмы железной
Для завтрашнего дня.

И довод прозвучал последний:
«Как люди ни чисты,
Но платят за Париж обедней, —
Плати за жизнь и ты».

Шпион ушел с достойным видом,
Скрывая торжество.
И шепчет узник: «Нет, не выдам,
Не выдам никого.

Пусть гибну. Франции известен
Мой лозунг боевой.
За столько слов ее и песен
Плачу я головой».

Опять вошли, ведут под стражей
На немощный двор.
И рядом вьется скользкий, вражий,
Немецкий разговор.

Но что ни скажут — бесполезно.
Молчал он, честь храня,
Под пулями, во мгле железной
Для завтрашнего дня.

Под пулями успел он фразу
Пропеть: «К оружию, граж...»
И грянул залп. И рухнул сразу
Товарищ славный наш.

Но Марсельеза стала скоро
Той песнею другой,
Той самой лучшей, с которой
Воспрянет род людской.

1942

ПАРИЖ

Где шире дышишь ветром непогоды,
Где зорче видишь в самом сердце тьмы,
Где мужество — как алкоголь свободы,
Где песня — разбомбленных стен углы,
Надежда — горсть нестынушей золы?

Не гаснет жар в твоей печи огромной.
Твой огонек всегда курчав и рыж.
От Пер-Ляшез до колыбели скромной
Ты розами осенними горишь.
На всех дорогах — кровь твоя, Париж.

Что в мире чище твоего восстанья,
Что в мире крепче стен твоих в дыму?
Чьей легендарной молнии блистанье
Способно озарить такую тьму?
Чей жар под стать Парижу моему?

Смеюсь и плачу. О, как сердце бьется,
Когда народ, во все рога трубя,
На площадях твоих с врагами бьется!
Велик и грозен, мертвых погребя,
Париж, освободивший сам себя!

ПОЭТ ОБРАЩАЕТСЯ К ПАРТИИ

Мне партия дала глаза и память снова.
Я начал забывать, как детский сумрак сна,
Что сердцем я француз, что кровь моя красна.
Я помнил только ночь и цвет всего ночного.
Мне партия дала глаза и память снова.

Мне партия дала родной легенды благо.
Вот скачет Жанна д'Арк, Роландов рог поет.
Там, в Альпах, есть плато, где наш герой встает.
Простейшее из слов опять звенит, как шпага.
Мне партия дала родной легенды благо.

Мне партия дала живую суть отчизны.
Спасибо, партия, за грозный твой урок.
Все песней быть должно. Мир для нее широк.
И это — боль и гнев, любовь и радость жизни.
Мне партия дала живую суть отчизны.

НОЧЬ В МОСКВЕ

Мне странно бродить по Москве, мне странно,
Что все изменилось и все сохранно:
Не явственен двадцатилетья след,—
Все тот же город в полуночи снежной,
И звезды башен, и корпус манежный.
А полночь светла, а я уже сед.

Я сбился с пути, я спутался, право!
Был Пушкин слева, теперь он справа.
Рисунок черных решеток в снегу
Бежит, как строки его черновые.
Мерещится, что бульвары впервые
Зовут на прогулку, бегут в пургу.

Чайковский улицу видит далече.
Декабрь порошит ему руки и плечи.
И только взмах этих бронзовых рук
Седую темень слегка колышет,
И только одно изваянье слышит
Рожденье струнных глоссандо вокруг.

Дома исчерчены вспышками света.
Скользящие тени скрестились где-то.
Не дремлет огромный город в ночи.
Над скопищем улиц, над вьюжною пражей
Высотные зданья стоят на страже,
В пространство звездные шлют лучи.

Вон дом деревянный с крышей зеленой.
Подходит путник, глядит удивленно:
Все тот же дворник колет дрова,
Как будто внешний вид сохранился,
И только масштаб во всем изменился,
Не тот человек, другая Москва.

Все выросло вверх, все в отменном здравье.
Мосты, саженные плечи расправив,
Простерлись над водною быстриной.
И набережных гранитные плиты
И волны реки естественно слиты
С далекою Волгой, со всей страной.

А там, где стропила до туч взлетели,
Москва потягивается, как в постели,
Как женщина в томных грезах любви,
Как будто сквозь сон улыбнулась жадно,
Как будто видит простор неоглядный
И там размещает стройки свои.

И сильные руки вдаль устремила
К возлюбленному — Грядущему мира.
А с гор Воробьевых, с Ленинских гор,
Откуда ее Бонапарт заметил,
Университет ей смеется, светел,
Грядущий сын ей руки простер.

1954

РОБЕР ДЕСНОС

1900—1945

ЧУМА

Чьи-то звучат шаги. Как одинок язык
Колокола. Кто идет, медленно приближаясь?
Остановился вдруг. Вот уже он стоит
Около дома. Я слышу дыханье его за дверью.

Вижу небо в окне. Вижу вращенье звезд
Там, над гребнями крыш. Вижу еще огромный
Ковш Медведицы и — Венеру с белым лицом,
Вижу я, как разделась Диана в струенье света.

Не были никогда звезды так далеки.
Ночь никогда еще так тяжка не была,
Так непрозрачна она. Я надавил всем телом—

Дверь открылась и бьет створкою по стене.
Чьи-то шаги все дальше. Я различаю сразу
На желтизне афиш черные буквы: «Чума».

1944

ЖАҢ ДЕКУР

1910—1942

ПАРИЖ ПАРТИЗАНИТ

О, мой Париж в огне, в крови!
Твой голос жив, твой разум ясен.
Сыны не сломлены твои,
Их гнев мужающий прекрасен.

Ты сам прекрасен, мой Париж!
В холодном мраке этих улиц
Молчащим толпам, что согнулись,
Ты о презренье говоришь.

Ты слышишь: там в ночной тиши
Внезапный шорох, отклик тени,
Зов человеческой души
Под черным небом угнетенья.

Париж, ты слышишь смутный гул
Камней, сигнала только ждущих,
Людей, плечом к плечу встающих,
В которых силу ты вдохнул.

Ты слышишь вопли поездов,
Летящих бешено к востоку
На рынок каторги жестокой
Среднегерманских городов.

Ты слышишь, как грузовики
Везут на казнь приговоренных,
Во рвах, их кровью обгаренных,
Ты слышишь голос их тоски.

Ты атом, движущий вселенной,
Сегодня ты в цепях, Париж,
Со всею красотой нетленной
Соборов, фабрик, стен и крыш.

Но в каждом сердце, в камне каждом
Бывалый бьет ключом огонь.
И руки многих сотен граждан
К оружию рвутся — только троны!

Для новой битвы закаленный,
Сегодня ты не одинок.
В поруке десятиmillionной
Ты остр и скользок, как клинок.

Нет, это не Париж предместий,
Не баррикадный сорванец, —
Готовый к битве, к лютой мести,
Припас ты бомбу и свинец.

Париж сегодня партизанит
С людьми деревни заодно,
Он благородным делом занят, —
Как ни душите, все равно!

О, мой Париж, в огне, в крови!
Твой голос жив, твой разум ясен.
Сыны не сломлены твои,
Их гнев мужаящий прекрасен.

ФИЛИПП ДЮМЕН

Род. в 1911 г.

КАРНАВАЛЬНОЕ

Тот мертвец был разодет
В старомодный желтый мундир.
Под мундиром тела нет.
В маске зияет пара дыр.

Люди всматривались зло,
Люди вдумывались нахально:
Мертвецу, знать, повезло,
Раз шагает он вертикально!

Каждый думал: ожил труп
После года сорокового.
Все служаночки вокруг
Любовались, как на живого.

Руки вытянув к нему,
Женщины тоскуют по ласке,
Лезут все сквозь кутерьму
К навсегда приклеенной маске.

Мертвецу истлеть пора,
Но зачем он держится твердо?
Слабость женщин так стара,
Что они мертвее, чем мертвый.

1942

ШАРЛЬ ДОБЖИНСКИ

Род. в 1929 г.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Моя песня для отзвуков дальних раскрыта.
В ней присутствует все, что казалось забыто.
В ней, подобная аэролитам, проносится
Мертвецов безымянная разноголосица,
Голоса бедняков поднимают восстанье.
Пусть же родина плещется в рифмах случайных,
Чтобы, взявшая в почве родимой начало,
Моя песня звучала бы непобедимо,
Чтобы силой единой помчал ее гнев.

Расцвету ее флагами дрожи влюбленной,
Прошепчу ей признание свое иступленно —
Всей стране, всей земле золотой и зеленой,
Всей разрытой и вытканной долгим трудом,
Всей пропитанной потом и политой кровью, —
Сколько их, утверждавших свободу на ней,
Чтобы небо сияло светлей и синей,
Наполнявших ее обнаженное лоно
Светлым будущим, — сколько гибли за то,
Чтобы вновь зацвели холмы и долины,
Чтобы счастье их было зарей залито!

Моя Франция, ты не простой виноградник,
Не отстоянный в ягодах солнечный зной,
Не цветенье лозы горделивой, не гроздь,
Что беременны жаром желаний земных,
Ты не утро растительной низменной жизни,
Захотевшей любить, и кричать, и цвести,

В ослепительном великолепии веселья.
Ты не только стараешься ветер догнать
И завить виноград по холмистому склону.
Ты — работа людей, ты — добротный металл.
Ты — горнило, где плавятся мощные сплавы.

Моя родина, ты полифония славы,
Бурных рек и страстей человеческих шквал,
Непрестанный отлив и прилив сновидений,
Непрестанный обмен узловатых корней
Меж землей и народом.

Но как же сплелись
Человек на земле и глубинная почва?
Может быть, существует система сосудов,
Где сокрыта алхимия этой любви?
Ты ведь знаешь, что вьется незримая нить
Между прошлым и каждым дичком твоим новым.
Ты сама на подземных основана недрах.
Там лесами шумит твое раннее детство.
Сколько там деревень, сколько верфей и кузниц,
Сколько, Франция, их, — попытайся взглядеться!

Как пьянит это благоухание пахот
Под трепещущим тентом сырого тумана,
Как пьянит ликование пены весенней,
Как пьянит полусон этой лиственной сени,
Когда кажется, что прорастает из сна
Великанский цветок, твое сердце, весна.
Как пьянит сенокос, как пьянит появленье
Яркой радуги после грозы, как свежа
И пуглива омела в колючках ежа.

Как запятнана роща смолой своей герпкой.
Побежим, задохнемся и врежемся в ливень,
Дай мне руку, любимая! Я ошастливлен
Не сиянем небес, а пожатем руки.
Посмотри, под ногами у нас светляки.
Это завтрашний день, это смятые жнивья,
Они скоро в косматые встанут стога.

Посмотри же на родину, верь ее силе,
Верь бесчисленным крохотным буквам былинки,
Даже лес, даже тень — это тоже суглинок,
Это мелких букашек полуденный рынок.

О, послушай, как бьется цветочная пыль,
О, всмотришь в пестротканое это цветенье,
Сколько нежных стеблей в эту ночь всколосились,
Как луна омывала их влагою синей,
Как сигают стрекозы в росистой низине.

Посмотри на страну свою в щебне развалин,
За колючею проволокой, в ранах земли.
Ее мучили, и продавали, и жгли,
Расхищали нещадно ее достоянье,
Расстреляли и почву, и неба сиянье.
Твоя родина, может быть, узник поющий.
Он в наручниках крикнул, что сдаться не хочет,
Стал он рыцарем нашей всеобщей судьбы.
Он писал на стене свой пылающий лозунг.
Он зарю превратил в извержение вулкана.
Это неугасимый огонь из-под пепла.
Ибо сила народа, душа великана,
В черных тюрьмах от пыток и казней окрепла!
Моя Франция,
Край мой, где путь моей памяти начат!
Разрешите мне еще раз обдумать, что значат
Стаи птиц ваших, славных смертей череда,
Очертанья легенд, ваших стен письмена,
Пониманье ваше в шепотах всех влюбленных,
Берега ваших дней и ночей отдаленных,
Путь героев, не знавших покоя и сна.
В день Бастилии песня ваша родилась.
Каждый возраст отмечен крушением темницы,
Императорских слав, феодальных управ.
Мы не все еще ветхие стерли границы,
Не снесли частоколы божественных прав.
Не напрасно в одних мятежах ты прекрасна.
Сокрушив нищету, подняла ты крестьян,
И рабочих и каменщиков разбудила.
Твои дети пьянели в пыланье знамен,
Для грядущего общества сеяли хлеб
И в мозолистых пальцах ласкали колосья
Всенародного счастья!
Они создали лозунги праведных весен,
Наложили эмбарго на гниль и старье.
Стала кровь их горючим для мощных моторов
И приводит в движение подземные недра.

Здесь созревшая истина Маркса живет.
Здесь Коммуна Республику делает выше,
В рост грядущему. Здесь человек обновлен.
Здесь название «товарищ» становится бурей.

Это ты, моя Франция, слабость и сила,
В поучительной смене событий и бед, —
Доброта на всю жизнь, — большей ценности нет
Для богатых сердец. Это ты просквозила
Под случайной корой, непомерная пажить!
Ты в ручьях отражаешься, словно ребенок,
Во все горло смеешься меж гроздьев лозы.
Я услышал, как корни сплетенные вяжет,
Как поит их подземная сила фосфатов.
В огнедышащий сумрак я верую свято,
В старшинство водоемов, в глухие низы.
Это ты, это ты, — в освещенье грозы,
В брызгах пламени, полная дивной красоты.
Мы как тесто, а дрожжи для нас — это ты,
Глубина и начало любого сознания!

Я услышал, — скрипят у возделанных пашен
Твои тяжкие фуры, и нежен и влажен
По утрам аромат молока ледяного.
Это ты, это ты, моя родина, снова
В сортировке оттенков и сумерек синих.
В поздний час фонари словно блеклые птицы.
Поезда красноглазы, на рынках теснится
Многоцветная уличная толчея.
Горны пышут багрянцем. А люди шагают.
Города напоили их терпким горючим.
Они помнят зеленую свежесть по кручам.
Есть у них вековые орудья труда.
В этом зеркале ты навсегда молода, —
Первозданная мощь, вековая страда,
Ключ от музыки нашей, защита свободы!
Это ты, это сплав доброты и работы
В каждом новом пейзаже твоём. Это люди
Добывают могучее счастье своё!
Все, что создал народ, что сплели его руки,
Что моторов твоих разнесли провода,
Это ты, моя Франция, в общей поручке!
Мои вены бегут по зеленым проселкам,

Словно ящерицы, извиваясь в люцерне.
И любую кровинку легко очищает
Твой растительный, жизненный круговорот.
Льется жизнь через край, и в звенящей цистерне
Вечно плещет и бродит бродило — народ!

Ведь любовь наша к родине глубже морей.
Она словно корабль, утонувший в туманах.
Нам казалось, погибла она в баснословье,
На кремнистых уступах чужого рассказа.
Но мы вновь обретаем снаряд водолаза,
Мы спустились на дно, в преисподнюю ночь.
Мы нашли ее спящей в подводных растениях,
Мы знамена из рук ее скрещенных взяли.
Предстает она нам еще ближе и краше,
Вышла спавшая в сказках красавица к нам
И с оружием в руках понеслась по волнам,
И, как знамя, любовь сыновей подняла!

Из какого ты пепла встаешь, прозревая,
Саламандра любви нашей, память живая?
Как ожоги твои, как следы от цепей
Превратились в страницы твоих эпопей?
Кровь по жилам бежит, завивается плющ
В направлении взгляда, в стремлении к свету.
Все дороги вмешались в симфонию эту.
И обвенчанный с розой гудит телеграф,
И трава зеленеет под снегом непрочным.
Солнце нашей надежды, рождение жизни,
Прямо к сердцу приросшие почки весны,
Горизонт необъятной дневной ширины.
Люди встали, едва лишь забрезжило утро.
Вся вселенная в кровь просочилась как будто.
Люди встали, один уже трактор ведет,
Тот наладил станок, этот встал у турбины.
Скалы сдвинуты, дышат земные глубины.
Ямы вырыты, блещет в прожилках руда.
День воскресный сверкает. Довольно труда!
Здесь рождается жизнь. Здесь закон тяготенья
Утверждается в неисчислимом сплетенье
Шестерен и колесиков. Крутится фильм.
Загудел пароход, задымился завод.
Даже мрак — это скопище крохотных телец.

Человек, ратоборец свободы, владелец
Всей материи, слушает тайны миров,
Разрушает полуночный мрачный покров.
Он владеет энергией животворящей,
Он сознание и знание удвоил свое,
В превращениях энергии властно царящий,
Он осмыслил и заново создал ее!

С жизнью скрещена жизнь, — кружевное плетенье,
Непрестанное ткачество жизней и руд,
Каждодневная алгебра, отдых и труд, —
Это вы, наше имя, и песня, и плоть.
Только мы вашу тайну смогли побороть.
Вековой оборот, соответствие между
Нашим зреньем и небом, дыханьем и ветром.
В гуще старого парка влюбленная пара —
Ты и там, моя родина, — счастье для всех!
Старый памятник, дерево, путник ночной,
Беспечальный романс в городах раскаленных,
Блеск росы, что горит электрическим светом,
Мчанье тока, молчанье неясной мечты,
Мой Париж, отворяющий шлюзы столетий,
Превращающий жизнь в гирлянды созвездий,
Мощный город, бродило живой красоты!

Разве это старо — твоим сыном назваться,
Моя Франция? Пепел пожарищ целуя,
Не позволит тебе раньше нас умереть?
И воздвигнуть тебя светлым знаменем правды?
Иль наивно любить ту страну, где ты выучил слово
«любить»?

Правый разум любви, равновесие правды,
Правый разум, решивший, чью сторону взять, —
Наш народ, разрушитель всех новых бастилий, —
Разве он не само единение сил,
И рассудков, и поприщ? Не слава французов
Оживает в руках у рабочего класса?

Есть такие слова, что нельзя произнести
Пред лицом твоим, Франция! Есть и такие,
Что хотели бы ввергнуть в несчастье тебя.
Слово «Родина» жжет и смущает их часто,

Как ошибка, сорвавшая тайный расчет.
Слово «Родина» жжет их, как шрам незаживший.
Им ничто не поможет его залечить.

Я пою о тебе. Ты богатство людское.
Ты богатство истории, полное гула:
В створках раковин время гудит и шумит.
Детородное пламя горнило раздуло, —
Там обвенчаны с правдой людские мечты.
Ты считаешь по зернам, по злакам, по пальцам
Все, что помнишь и чтишь, что решила обдумать.
Ты срываешь покровы с божественных таинств.
Я пою о тебе, — в серебре водометов,
И в прожилках нехоженных новых дорог.
Ты начало движенья, ты зов урагана,
Увлекающий жизнь в проливное ненастье.
Ты прекрасней, чем ясное небо твое,
Так прекрасна, что жизнь без тебя не мила!
Крутизна красоты, оправдание жизни,
Моя Франция, сердце в руках у отчизны,
Ты трудящимся людям надежду дала!

Ты не только равнина, река или тополь,
Ты не только пространство земли, ты — народ!
Нежность солнца нежнее, чем женская ласка!
Память свежеразрытых сырых мостовых!
Я пою о тебе, возрожденной и юной,
Раздувающей вечной свободы огонь!
О тебе, поднимающей братские толпы!
И когда созревает надежда для них,
И когда ты рыдаешь в громах животворных —
Это значит, что общество плавится в горнах,
И бессмертная жатва твоя — это мир!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ДВА ВЕКА П О Э З И И Ф Р А Н Ц И И

РУЖЕ ДЕ ЛИЛЬ
1760—1836

Марсельеза	7
----------------------	---

ПЬЕР-ЖАН БЕРАНЖЕ
1780—1857

Богиня	10
Красный человечек	12
Моя масленица в 1829 году	14
Четырнадцатое июля	16
Предсказание Нострадама на двухтысячный год	18
Июльские могилы	20

ВИКТОР ГЮГО
1802—1885

История	23
Турнир короля Иоанна	25
Канарису	33

Нох	36
«Простерта Франция немая..»	48
Тулон	49
Те Деум 1 января 1852 года	52
Искусство и народ	54
Песня	56
«Я знаю, будут лгать...»	57
Карта Европы	59
Очная ставка	61
Он засмеялся!	62
Веселая жизнь	63
«Леса, холмы, трава на взгорье...»	68
Сдается на ночь	69
Тем, кто спит	72
Черный стрелок	74
Песня	76
«Есть время подлое...»	78
Ответ на обвинительный акт	79
Надпись на экземпляре «Божественной Комедии»	85
Статуя	86
«Скупая, чахлая, иссохшая земля...»	87
Что я видел в тот весенний день	88
Послание президента Гранта	90
Перед заключением мира	92
Тем, кому снится монархия	94
Горе	96
«Проходит пленница. Она в крови..»	98
«Рассказ той женщины был краток...»	100
«За баррикадами, на улице пустой...»	101
Расстрелянные	103
Суд над революцией	106
Во мраке	107
Кассандра	108
Четыреста пятьдесят первый год	110
Песня корабельных мастеров	113
Роза инфанты	115
Мягкосердечные судьи	122

ОГУСТ БАРЬЕ

1805—1882

Вступление	123
Пролог	125

Раздел добычи	126
Идол	130
Царица мира	135
Машина	138
Прогресс	140
Бедлам	141
Джин	144
Медная лира	147
Углекопы Ньюкасла	151

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

1811—1872

Гвардейцы-ветераны	154
Инес де Лас Сьеррас	158
Искусство	161

ЭЖЕН ПОТЬЕ

1816—1887

Парижская коммуна	163
-----------------------------	-----

ШАРЛЬ БОДЛЕР

1821—1867

Великанша	171
«Всю вселенную ты в своей спальне вместила...»	172
Танец змеи	173
Кот	175
Коты	177
Трубка	178
Ужасное соответствие	179
Непоправимое	180
Часы	182
Рыжей нищенке	183
Семь стариков	185
Старушонки	187
К прошедшей мимо	190
Скелет-землероб	191
Вечерние сумерки	193
Игра	195
Пляска смерти	196

Парижский брел	198
Амур и череп	201
Полночь допрашивает	202
Грустный мадригал	203
Жалобы Икара	205
К портрету Оноре Домье	206

ЖАН-БАТИСТ КЛЕМАН

1836—1903

Кровавая неделя	207
К стене!	210

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

1844—1896

Побежденные	212
-----------------------	-----

АРТЮР РЕМЬО

1854—1891

Бал повешенных	215
Наказание Тартюфа	217
Кузнец	218
«Вы, храбрые бойцы...»	223
Зло	224
Спящий в ложбине	225
Блестящая победа в Саарбрюккене, одержанная под крики «Да здравствует император!»	226
Моя цыганщина	227
Воронье	228
Военная песня парижан	229
Парижская оргия, или Париж заселяется вновь	231
Руки Жан-Мари	234
Праведный	236
Пьяный корабль	238
Головокружение	242

ЖЮЛЬ ЛАФОРГ

1860—1887

Похоронный марш на гибель Земли	243
Жалоба времени и его подруги — пространства	246

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР

1880—1918

Зона	248
Мост Мирабо	253
Сумерки	254
Комедианты	255
Цыганка	256
Вандемьер	257
Холмы	262
Призрак в тумане	269
Океан земли	272
Что есть	273
Песня любви	275
Рыжая красавица	276
Если я там погибну...	278
«Я завещаю будущему повесть об Аполлинере...»	279

БЛЕЗ САНДРАП

1887—1961

Проза транссибирского экспресса и маленькой Жеанны Франции	280
---	-----

ЖАН КОКТО

1889—1963

Барабанная дробь	288
«Весь грузный хлам веков...»	290
От себя самого	291
Похитители детей	292
Актер	293

ПОЛЬ ЭЛЮАР

1895—1952

Свобода	295
Затемнение	298
«Бедняки подбирали объедки из сточных канав...»	299
Мужество	300
Убить	301
Могущество надежды	302
Песня последнего промедления	303

Товарищам наборщикам	305
Афина	306
Цель поэзии — полезная правда	307
Сегодня	308
Невозможное желание	310
В Варшаве, городе фантастическом	311
О Первом мая первого мая	312
Тени	313
Все сказать	315
Добрая справедливость	318
Мы двое	319
Жаку Дюкло	320

ЛУИ АРАГОН

Род в 1897 г.

Вальс двадцатилетних	322
Весна	324
Жалобы дикой шарманки	326
Рудники преисподней	329
Santa Espina	331
Радио — Москва	333
Прелюдия	334
Песня вольного стрелка	336
Песня о сорока тысячах	338
Французский марш	339
Легенда о Габриэле Пери	341
Баллада о том, как поют под пыткой	343
Париж	345
Поэт обращается к партии	346
Ночь в Москве	347

РОБЕР ДЕСНОС

1900—1945

Чума	349
----------------	-----

ЖАК ДЕКУР

1910—1942

Париж партизанит	350
----------------------------	-----

ФИЛИПП ДЮМЕН

Род. в 1911 г.

Карнавальное 352

ШАРЛЬ ДОБЖИНСКИ

Род. в 1929 г.

Любовь к Родине 353

Антокольский П.
A72 Два века поэзии Франции Переводы.
М., «Худож. лит.», 1976.
368с.

«Два века поэзии Франции» — книга переводов одного из старейших советских поэтов Павла Антокольского. В этой книге представлены его переводы двадцати поэтов Франции, в том числе П.-Ж. Беранже, В. Гюго, Ш. Бодлера, Э. Потье, А. Рембо, Г. Аполлинера, П. Элюара, Л. Арагона и других.

A 70404-204
028(01)-76 БЗ-91-26-75

И(Фр)

Павел Григорьевич Антокольский
ДВА ВЕКА ПОЭЗИИ ФРАНЦИИ

Редактор *О. Лозовецкий*
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
В. Иващенко
Корректор *Г. Киселева*

Сдано в набор 5/XI. 1975 г. Подпи-
сано в печать 10/V 1976 г. Бумага
типографская № 1. Формат 84×108¹/₃₂.
11,5 печ. л., 19,32 усл. печ. л.,
14,114 уч.-изд. л. Заказ № 184.
Тираж 25 000 экз. Цена 1 р. 04 к.

Издательство «Художественная лите-
ратура», Москва, Б-78, Ново-Басман-
ная, 19.

Типография издательства «Таврида»
Крымского обкома КП Украины. Сим-
ферополь, просп. Кирова, 32/1.

